Джон Вуд Кэмпбелл - Ледяной Ад

John Wood Campbell - Frozen Hell

Перевод: Евгений и Ксения Девяткины, Андрей Трофимов

Особая благодарность: Арнольду Новикову, Марии Авдасёвой, Роману Вайсу.

Иллюстрации: Ярослав Минин

2022 г.

ОТ АВТОРОВ:

Посвящается Леслин, Джону и Кэти.

Особая благодарность Эвелин Крайте, Джону Д. Мейсону, Нилу Джордану, Кристоферу Мелло, Чарльзу Шейнли и Эрику Штраусу.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АЛЕКА НЕВАЛА-ЛИ

История величайшего научно-фантастического хоррора всех времён начинается со случайной находки древней реликвии, которая годами оставалась нетронутой. «Ледяной ад» был найден примерно таким же образом, хотя его повторное появление было менее драматичным. Вместо антарктического льда он находился в архиве библиотеки Хоутона в Гарварде, и его обнаружили не ввиду магнитной аномалии, а из-за строчки в письме и неясной записи в каталоге. Хоть рукопись оставалась незамеченной в течение всего лишь шести десятков лет, а не 20 миллионов, этого было достаточно, чтобы о ней забыли. И вместо внеземного космического корабля были записи, лежавшие в коробке с дюжинами старых папок, слегка помеченных карандашом, в которых хранилась большая часть художественной литературы Джона В. Кэмпбелла младшего и Дона А. Стюарта, которые, каким-то образом, оказались одним и тем же человеком.

Просматривая потемневший печатный текст внутри коробки, вы обнаруживаете множество названий, которые узнают только самые преданные фанаты научной фантастики. Среди рукописей есть черновики саг о сверхнауке, такие как «Неопределенность» и «Всесильная машина», написанные Кэмпбеллом в 30-х годах под своим собственным именем, а также другие произведения, в частности, роман «Лунный ад». Они появятся в печати гораздо позже. Есть также превосходные истории, которые он написал под псевдонимом Дон А. Стюарт, в том числе ранние версии «Ночи», «Мёртвого знания» и «Забывчивости», а также несколько отрывков, никогда не знавших света: «Мост одного перехода», «Боги смеются дважды», «Молчание». В этой драгоценной папке хранится копия «За дверью» – единственного известного художественного произведения замечательной жены Кэмпбелла Доньи.

Но две папки с названиями «Ледяной ад» и «Пандора» выделяются среди остальных. Одна из них содержит первые 20 страниц рассказа, отпечатанного на машинке, и его точную копию, предположительно подготовленную Доньей, которая была машинисткой и печатала лучше, чем муж. Другая содержит 112 страниц законченного черновика с опечатками и орфографическими ошибками, позволяющими предположить, что текст был напечатан Кэмпбеллом, и пестрил многочисленными исправлениями, сделанными рукой автора. На

титульном листе есть альтернативные названия «Ледяной ад» или «Пандора», одно напечатано на машинке, другое написано маленькими заглавными буквами, а в примечании указывается, что рукопись предназначалась для «Argosy» – ведущего бульварного журнала своего времени.

Следующие страницы не соответствуют ни одной из опубликованных Кэмпбеллом работ, хотя некоторые читатели могут узнать персонажа по имени Макриди, а также локации на ледяном плато в Антарктиде. Читая дальше, они могут начать что-то подозревать, особенно после встречи с погребённым космическим кораблём и его ужасающим пассажиром внутри. Примерно через сорок страниц, когда знакомые строки станут появляться всё чаще, многие будут точно знать, что это не обычный документ, и даже если никто не будет понимать контекста, карандаш расставит всё на свои места. В верхнем углу встретится пометка *«Версия рассказа "Стой, кто идёт?"».*

«Ледяной ад» — это наиболее расширенная и подробная версия одной из самых известных научно-фантастических историй. Она известна среди широкой публики благодаря своим экранизациям под названием "Нечто". Длинная вступительная часть романа, которая была вырезана перед публикацией, более чем достойна всего остального: Кэмпбеллу было во время создания произведения около двадцати лет, но под именем Дон А. Стюарт он оказался, пожалуй, самым уважаемым бульварным писателем-фантастом своего времени. Другая папка содержит по крайней мере пять разных версий вступления для той же истории, рассказанных с разных точек зрения, что отражает скрупулёзность, с которой Кэмпбелл подошёл к созданию своего детища. Он искал свой стиль, и несмотря на то, что в будущем автора ждал успех, уже тогда писатель, возможно, предчувствовал, что создает лучший рассказ в своей жизни.

Кэмпбеллу было всего двадцать пять, когда ему в голову пришла идея, которая переросла в «Стой, кто идёт?». В 1936 году он собирался работать секретарём в «Mack Truck» в Нью-Джерси, так как после колледжа ему не удалось получить исследовательскую должность, на которую он претендовал. Джон был популярным бульварным писателем, и в непринуждённой беседе с химиком-органиком заинтересовался идеей о том, как можно определить, является ли инопланетная форма жизни растением или животным. Как писатель позже объяснил своему другу Роберту Свишеру, это рассуждение привело его к концепции организмов, которые *«могут менять свою форму, от животной в растительную, или наоборот, в зависимости от условий окружающей среды, что натолкнуло на мысль о разумном существе, обладающем подобным свойством».*

Как отмечает Роберт Сильверберг во введении, следующем ниже, Кэмпбелл изначально использовал эту идею как забавную шутку в «Похитителях мозгов с Марса». Писатель продал свою рукопись за 80 долларов Морту Вайзингеру в «Thrilling Wonder Stories». Тем не менее он продолжил развивать основную идею, обсудив её с Джеком Бирном, редактором журнала «Argosy», и переработал её в амбициозную хоррор-историю под названием «Ледяной ад». Спустя десятилетия Кэмпбелл сказал автору Джеймсу Х. Шмитцу, что, как только он придумал предысторию, сеттинг и первую сцену, всё остальное пошло легко. Однако найти правильное вступление было непросто: *«Я начинал не с того места».* В конце концов, Кэмпбелл решил испытать удачу и отправился с рукописью в редакцию журнала «Astounding Science Fiction» к Фредерику Орлину Тремейну, которого он увидел 5 октября 1937 года.

Вместо ожидаемой печати рассказа на встрече Кэмпбеллу предложили стать редактором журнала «Astounding Science Fiction». Это было непредвиденное событие, которое навсегда изменило жизнь писателя. Но при этом он не забыл про «Ледяной ад». Собственный журнал был удобным местом для печати собственных произведений, однако Тремейн всё ещё сохранял редакционный контроль. В январе 1938 года Кэмпбелл переписал рассказ при

участии Тремейна и Фрэнка Блэквелла, главного редактора издательской фирмы «Street & Smith». Очевидно, это произошло, когда первоначальное вступление было вырезано. Как сказал Кэмпбелл Свишеру:

«Я переписал первую треть Ледяного Ада и надеюсь, что Тремейн примет его».

«Стой, кто идёт?» наконец, появился в августовском выпуске 1938 года под псевдонимом Дона А. Стюарта, а полный черновик «Ледяного Ада» был убран в стол и никогда больше не доставался.

Восемь десятилетий спустя рукопись неожиданно увидела свет. В 2017 году я работал над биографиями авторов из «Astounding»: Джона В. Кэмпбелла, Айзек Азимова, Роберта А. Хайнлайна, Л. Рона Хаббарда и других из Золотого века научной фантастики. В ходе исследования мне пришлось просмотреть тысячи страниц корреспонденции, и я нашёл письмо, которое было отправлено Кэмпбеллу 2 марта 1966 года Говардом Л. Эпплгейтом, администратором рукописей в Сиракузском университете. Библиотека собирала коллекцию научной фантастики, которая, в итоге, включила в себя работы таких деятелей, как Хьюго Гернсбэк, Форрест Дж. Акерман и Фредерик Пол. Эпплгейт писал письмо, где спрашивал, будет ли Кэмпбелл заинтересован в предоставлении своего архива.

16 марта Кэмпбелл вежливо отказался:

«Извините, но Гарвардская библиотека получила все старые рукописи, которые были у меня около восьми лет назад! Так как я перестал писать рассказы, когда стал редактором Astounding-Analog, я не создавал никаких произведений с 1938 года.… Так что… извините, но любому потенциальному ученому-биографу будет трудно найти какую-либо полезную документацию обо мне! Я просто не вел записи!»

Поскольку в настоящее время я занимался написанием именно такой биографии, этот отрывок вызвал во мне необычайный интерес. Слова Кэмпбелла об отсутствии первоисточников, к счастью, оказались ошибочными.

Но ещё больше меня заинтриговало упоминание Гарварда. На тот момент я работал над книгой больше года и никогда не слышал о таком архиве. Много позже я заметил в письме от 7 октября 1957 года, написанном Кэмпбеллом Свишеру, хранившему многие черновики редактора, крохотное упоминание:

«Рукописи, Боб, будут доставлены в Гарвард в нашу следующую поездку. Гарвард начал сборник научной фантастики и определенно заинтересован в ней как в развитии американской культуры. Они собирают книги, журналы, рукописи и т. д.»

Но я заметил это позже, и, насколько мне было известно, ни один другой ученый никогда не ссылался на эти статьи.

Когда я проверил онлайн-каталог системы Гарвардской библиотеки, я нашел черновики, но мне пришлось постараться. Поиск по имени Кэмпбелла дал множество результатов только после прокрутки до четвертой страницы, мимо десятков незначительно релевантных списков. Я увидел нужные мне «Записи Джона Вуда Кэмпбелла, 1935-1939 гг. без даты». После того, как я связался с библиотекой, мне пришёл список папок, одна из которых была помечена как «Ледяной ад». Из переписки Кэмпбелла я знал, что это рабочее название «Стой, кто идёт?», и мне сразу захотелось ознакомиться с рукописью поближе. Поскольку мне не удалось лично поехать в Кембридж, штат Массачусетс, я нанял научного сотрудника, чтобы он сделал копию рукописи и отправил мне отсканированные изображения.

Как только я, наконец, получил копии, «Ледяной ад» был первым файлом, который я изучил. В тот момент я надеялся найти немного больше, чем черновик «Стой, кто идёт?» с

некоторыми вариациями из опубликованного текста. Когда я понял, сколько текста сокращено, я был поражен. Как мне известно, никто не знал, что история была очень видоизменена. (Возвращаясь к переписке Кэмпбелла, я обнаружил ссылку на то, что Дона печатала черновик из «40 000 слов», но это было легко пропустить.) Я обратился к дочери Кэмпбелла, Леслин Рандаццо, и она указала мне на Джона Бетанкура, занимавшегося правами имущества. В результате получилась книга, которую вы держите в руках.

За последний год я иногда задавался вопросом, хотел ли Кэмпбелл, чтобы эта версия была прочитана. Он лично редактировал «Ледяной ад» для публикации, и решение сократить историю, чтобы подчеркнуть элемент ужаса, было, несомненно, разумным. Кэмпбелл корпел над дебютом и несколько лет спустя посоветовал другому молодому писателю:

«Азимов, когда у тебя начнутся проблемы с тем, чтобы написать начало рассказа, то это произойдёт потому, что ты начнёшь не с того места и наверняка слишком рано. Выбери более поздний момент в истории и начни заново». Сам Кэмпбелл безжалостно вырезал начала нескольких своих рассказов, в том числе в «Ночи», «Мертвом знании» и «Стой, кто идёт?» Ни один из них, определенно, не пострадал от изменения.

Однако автору, похоже, нравились и первоначальные варианты. Он сказал Свишеру, что создание вступления для «Стой, кто идёт?» доставило ему больше удовольствия, чем все, что он когда-либо написал, и начало было упразднено только после консультации с Блэквеллом и Тремейном. Качество вырезанного материала примерно такое же, как и у остального, и обе версии имеют свои достоинства. «Стой, кто идёт?» мрачнее и сфокусированнее, но есть что-то очень эффектное – и странно современное – в том, как «Ледяной Ад» резко меняет жанры с приключений на ужасы. Это радикально меняет тон всей истории, и результат стоит считать чем-то большим, чем просто любопытство.

Наконец, очевидна бережность, с которой Кэмпбелл подошёл к сохранению этой рукописи. Как и все остальные отвергнутые вступления, это подразумевало, что автор хотел его напечатать. Кэмпбелл был человеком огромных амбиций, и у него, возможно, были смешанные чувства при мысли, что его самая известная работа будет той, которую он написал в свои двадцать лет. Тем не менее он, несомненно, хотел войти в историю, и, я думаю, был бы удовлетворен нынешними волнениями по поводу «Ледяного ада». Каждая из версий этого произведения повествует об открытии, которое было бы лучше не делать, как это отражено в третьем заголовке «Пандоры», который, по-видимому, учёл автор. Но я подозреваю, что Кэмпбелл был бы доволен, что именно этот ящик был найден и открыт.

ВВЕДЕНИЕ ОТ РОБЕРТА СИЛЬВЕРБЕРГА

«Стой, кто идёт?» Джона Вуда Кэмпбелла Мл. – один из самых известных когда-либо написанных научно-фантастических хоррор-рассказов. Когда его впервые опубликовали в августе 1938 года в журнале «Astounding Science Fiction», где 28-летний Кэмпбелл был редактором меньше года, «Стой, кто идёт?» сразу же стал классикой. Наряду с «По пятам» Роберта А. Хайнлайна, «Нервами» Лестера дель Рей, и «Приходом ночи» Айзека Азимова, это была одна из четырех главных историй в антологии «Приключения во времени и пространстве» 1946 г. Данная книга издается даже спустя семьдесят лет и является эталоном научной фантастики Золотого Века (чья большая часть пришла из собственного журнала Кэмпбелла.)

Американская ассоциация писателей-фантастов внесла рассказ Кэмпбелла в антологию величайших научно-фантастических новелл 1971 года в Зале славы. Произведение трижды экранизировали, а в 2014 году Всемирная конвенция научной фантастики присудила рассказу ретроспективную премию «Хьюго» за лучшую новеллу 1938 года. Никогда не забуду, как я впервые прочитал это произведение в «Приключениях во времени и пространстве», когда мне было тринадцать лет. Оно оказало на меня огромное влияние,

ведь, перечитывая новеллу на протяжении десятилетий, я испытывал такое же волнение, как и в первый раз. «Стой, кто идёт?» — это шедевр, это проявление писателя во всей красе.

Кэмпбелл оставался редактором «Astounding», а затем «Analog Science Fiction» на протяжении 33 лет, где попутно публиковал лучшие работы таких авторов, как Хайнлайн, Азимов, Теодор Старджон, Генри Каттнер, Л. Р. Хаббард, А. Э. ван Вогт, Л. С. де Камп, и других значимых фигур того периода становления научной фантастики. Он и сам был значимой фигурой: статный, крупный мужчина с властным голосом всё ещё был главным редактором в своей области, когда я с трепетом впервые вошел в его офис, будучи молодым писателем в 1955 году. Хотя Кэмпбелл больше не писал научную фантастику – его редакторские обязанности не оставляли для этого времени – он был источником идей и щедро делился ими с авторами, которых он принимал (включая меня, несмотря на то что я был двадцатилетним новичком.)

Что мне было трудно осознать, будучи начинающим писателем, стоя перед великим Джоном Кэмпбеллом в 1955 году, так это то, что когда-то сам Кэмпбелл был новичком - неуверенным в себе юнцом, изо всех сил пытающимся заработать на жизнь писательством. Он, как и я, начал писать научную фантастику в подростковом возрасте.

Так же как и я, Джон завоевал признание редакции. Редактор, который взял его первый рассказ, сразу же его потерял, так как у Кэмпбелла не было копий, рукопись была утрачена навсегда. Но второй рассказ «Когда не выдерживают атомы» обеспечил молодому автору профессиональный дебют в январском выпуске журнала «Amazing Stories» за 1930 год. Писателю было на тот момент всего девятнадцать лет. В предисловии редактора говорилось: *«Наш новый автор, студент Массачусетского технологического института, демонстрирует удивительные способности сочетать науку с романтикой, создавая художественные произведения, имеющие реальную научную и литературную ценность».*

Вскоре молодой Кэмпбелл написал серию длинных рассказов: «Прохождение Чёрной Звезды», «Предпочитаю пиратство», «Острова космоса», «Захватчики из бесконечности» и другие, что сделало его в возрасте чуть старше 20 лет вторым по популярности писателем-фантастом того времени после профессора Э. Э. Смита, автора обширных и тяжеловесных космических эпосов, которым Кэмпбелл тщательно подражал. К 1934 году, когда роман в нескольких частях «Всесильная машина» появился на страницах «Astounding» (уже тогда ведущем журнале в этой области), популярность Джона Кэмпбелла среди читателей стала выше, чем самого Смита.

Проблема была в том, что такой ранний успех никак не мог обеспечить финансовую безопасность. Научно-фантастические журналы раннего периода платили в лучшем случае один цент за слово, а «Amazing Stories» платил за публикацию, это означало, что Кэмпбелл мог прождать 2 года, прежде чем получит выплату. Насколько он был значимой фигурой у читателей научной фантастики, настолько же был никем в обычной жизни. Его отчислили из Массачусетского технологического института на первых курсах, после того как он три раза провалил обязательный экзамен по немецкому языку. После такого позорного провала Джон поступил в Университет Дьюка, где после интенсивного курса по немецкому, он наконец смог получить ученую степень в 1934 году. Затем он женился, и, будучи не в состоянии зарабатывать на жизнь писательством, приступил к ряду непримечательных работ: продавец машин, продавец кондиционеров, секретарь в «Mack Trucks» – но нигде подолгу не задерживался.

Карьера писателя тоже складывалась негладко. Ф. Орлин Тремейн – проницательный редактор «Astounding» – начал подозревать, что читатели устали от супернаучных рассказов, которые принесли Кэмпбеллу раннюю славу. Публика скучала от многословных эпосов, где мрачные методичные сверхлюди постоянно спасали мир от инопланетной угрозы с помощью таких способностей, как перемещение быстрее скорости света. Людям

надоели уничтожающие материю лучи, высвобождение атомной энергии и прыжки в гиперпространство. В 1935 году Кэмпбелл сдал три больших сиквела к «Всесильной машине» и Тремейн забраковал все три. Джону негде было публиковаться, т.к. в «Amazing Stories» уже была напечатана его новелла, за которую ему ещё не заплатили, а «Wonder Stories», один из трех научно-фантастических журналов, на тот момент испытывал финансовые трудности и закупал очень мало нового материала. Поэтому провал всех трёх новелл поставил писателя в тяжёлое финансовое положение.

Выжав всё из высокотехнологичного галактического эпоса, на котором он построил свою славу, Кэмпбелл начал пробовать себя в других жанрах. По предложению Тремейна, он написал серию мрачных поэтических историй о далеком будущем под псевдонимом Дон А. Стюарт. Они, начиная с захватывающих призрачных «Сумерек», включая «Слепоту», «Машину», «Ночь» и нескольких других, сразу же стали успешными в «Astounding». Стремясь вырваться из мира низкооплачиваемой научной фантастики, Кэмпбелл обратился к «Argosy», еженедельному журналу художественной литературы, где публиковались фантастические романы таких писателей, как Эдгар Райс Берроуз и А. Меррит. Публикации в этом журнале неплохо оплачивались.

Кэмпбелл рискнул предложить журналу «Ледяной ад» - компактный напряжённый роман об экспедиции, застрявшей на Луне. Такой литературный труд не заинтересовал Тремейна, так как, кроме прочего, был написан в формате дневника, что не совсем соответствовало требованиям читателей динамичной фантастики. (И только в 1951 году он был напечатан небольшим издательством под названием «Лунный ад».) Поскольку тяжеловесные научные эпосы теряли актуальность, а угрюмых рассказов Дона А. Стюарта оказалось недостаточно, чтобы зарабатывать на жизнь, Кэмпбеллу нужно было найти новый жанр, и с помощью нового редактора Морта Вайзингера он взялся за бульварное чтиво в комедийном стиле Стэнли Г. Вейнбаума, чрезвычайно популярного писателя, который умер в 1935 году, завершив короткую, но впечатляющую карьеру.

Вейнбаум был прирожденным рассказчиком с характерной лёгкой подачей, и его работы снискали ему множество поклонников, начиная с 1934 года в «Wonder Stories» Хьюго Гернсбека с «Марсианской одиссеи», которую часто переиздавали в сборниках рассказов, вплоть до смерти автора восемнадцать месяцев спустя. В начале 1936 года продажи «Wonder Stories» почти прекратились, и Гернсбек продал их журналу с удачным названием «Standard Magazines», который публиковал лёгкие приключенческие истории для юных читателей, позднее переименованные в «Thrilling Wonder Stories». Вайзингер, ставший их руководителем, как давний поклонник научной фантастики, знал, что Вейнбаум был любимцем читателей старого журнала, и, поскольку Вейнбаума не стало, он позвонил Джону Кэмпбеллу и попросил его написать серию рассказов в стиле Вейнбаума.

Кэмпбелл, которому было тяжело платить за аренду квартиры, охотно согласился. В обычном сюжете Вейнбаума персонажами были исследователи космоса, каким-то сложным образом сталкивающиеся с инопланетными существами, и, хотя до тех пор опубликованные работы Кэмпбелла были совсем не беззаботными, он представил серию непринужденных рассказов Вейнбаума с участием двух космических путешественников по имени Пентон и Блейк. Первой, которую Кэмпбелл сдал весной 1936 года, была «Имитация», которой Вайзингер дал более живое название «Похитители мозгов с Марса», когда опубликовал ее в декабрьском выпуске журнала Thrilling Wonder Stories за 1936 год.

«Похитители мозгов» начинаются в веселой вейнбаумской манере. Пентон и Блейк становятся причиной проблем на Земле, вызвав атомный взрыв в ходе эксперимента, прыгают в космический корабль и улетают на Марс. Они с удивлением обнаруживают там нечто, похожее на японские клены, и другие причудливые растения – а фишкой Вейнбаума были как раз странные растения и животные. Вскоре всё становится более странным:

японские клены меняют форму, превращаясь во что-то очень чужеродное; а затем Пентон и Блейк оказываются в окружении примерно двадцати дубликатов Пентонов и Блейков, идентичных во всех отношениях, включая голоса, личности и воспоминания.

Сначала персонажи реагируют довольно небрежно: Блейк стреляет в одного из лишних Пентонов из своего атомного пистолета, когда тот начинает проявлять признаки дальнейших физических изменений, а затем устраняет некоторых других. Затем появляются кентавроподобные существа – марсианские весьма дружелюбные туземцы, телепатически объясняющие, что оборотни — это существа, называемые Тушол, которые обладают способностью превращаться в совершенные имитации других форм жизни.

— Как вы различаете их и тех, кого они имитируют? – спрашивает Пентон.

— Раньше это было проблемой, так как мы не могли их различать. — ответил один из кентавров. — Но теперь это не так.

— Хорошо, но как вам удалось? Вы читаете мысли?

— О, нет. Мы не пытаемся их различать. Теперь они нас больше не беспокоят.

Кентавров не волнуют оборотни (если имитация настолько идеальная, как их различать, в чём разница?), но Пентон и Блэйк видят в них реальную угрозу,

— Если они едят как амёбы, — сказал Пентон, — Да поможет нам Бог. Если оставить одну из них на необитаемом острове, она превратится в рыбу и поплывет домой. Если посадить в тюрьму, она превратится в змею и уползёт в водосточную трубу. Если вы бросите его в пустыне, он превратится в кактус и поблагодарит тебя. Тушол, по его мнению, были существами с прекрасной способностью адаптироваться к чему угодно, они могли уничтожить и поглотить всех своих врагов, и если бы им каким-то образом удалось попасть на Землю, это означало бы конец человеческой расы.

Герои произведения понимают, что нужно немедленно вернуться на Землю. Но все вокруг – дубликаты Пентонса и Блейка, неотличимые от оригиналов. Как может каждый из настоящих землян быть уверенным, что ни один тушол не заменил другого в обратном путешествии? Нужен какой-то надежный способ определения подлинности; и спустя время Пентон изобретает один гениальный биологический тест, вполне вайнбаумский по своей природе, который позволяет им идентифицировать и уничтожать всех ложных Пентонов и Блейков среди них. Мир спасен, и история заканчивается остроумным вейнбаумовским финалом.

«Похитители мозгов с Марса» были не более чем остроумным легковесным рассказом, прекрасно подходящим для нетребовательных читателей журнала «Thrilling Wonder Stories». Кэмпбелл быстро написал для Вайзингера новые истории про Пентона и Блейка. Но он все ещё стремился оторваться от низкооплачиваемых научно-фантастических журналов, и весной 1937 года нанес визит Джеку Бирну, редактору «Argosy», который дал понять, что хочет публиковать больше научно-фантастических рассказов, но понятия не имел, где их найти.

Кэмпбелл рассказал о своей встрече с Бирном в письме своему лучшему другу Роберту Свишеру, химику-фармацевту и заядлому читателю научной фантастики, который жил в пригороде Бостона:

«Бирну был предложен сборник идей для рассказов, в том числе и о человеке-мутанте, но больше всего ему понравилась идея Тушол из «Похитителей мозгов с Марса». Я сказал ему, что сделал это в юмористическом ключе: возможности написать историю в стиле комической оперы, конечно, очевидны для Wonder. Хотел бы он, чтобы это было написано в жанре ужасов, с Землей вместо Марса? Определенно да. Требуется 24 000, 35 000 или 44

000 слов. Они платят от 1-1 / 4 до 1-1 / 2 цента за слово - 34 000 из них звучат интересно… Бирн сказал, что не думает, что Тушол следует выпускать на волю на Земле, поместить их в какую-нибудь далекую колонию, или на необитаемом острове, или ещё где - город для этого не подходил и это бы ощущалось слишком обезличенным. (Я думаю, что он прав.)»

Главная идея хоррор-истории была в том, что существа могут вырваться на свободу.... Я окончательно решил, что они сделают это в антарктической экспедиции, когда одна из таких тварей будет размерожена из антарктического льда…

Начинается всё с обнаружения существа. Биолог помещает замороженного зверя в единственную хижину, где всю ночь поддерживается тепло, чтобы он мог оттаять для препарирования; хижина, где наблюдатель-метеоролог сидит в одиночестве всю ночь. Позади него что-то шевелится, он оборачивается.

На следующее утро он обнаруживает, что животное исчезло. Большое недоумение. Учёный говорит, что не слышал ни звука всю ночь и уходит... Позже он пропадает, но находится трехфутовое существо – тот самый метеоролог со вросшей в него коровой... Таким образом, персонажи узнают ужасную правду…

Так появилась будущая классика «Стой, кто идёт?». Но между зарождением идеи и окончательным вариантом великой истории было много этапов…

Кэмпбелл немедленно приступил к написанию, работая в своем обычном высоком темпе, и к июню 1937 года закончил свой новый рассказ, используя тему изменяющего форму монстра и поместив его на антарктической базе, которую он представлял неким образом после прочтения отчета адмирала Ричарда Э. Берда о недавней экспедиции в южные полярные районы. Возможно, он в некоторой степени находился под влиянием новеллы «Хребты безумия» Говарда Филлипса Лавкрафта, напечатанной в нескольких частях в «Astounding» в 1936 году. Это была мощная история в антураже Антарктики, хотя стиль и повествование у Лавкрафта имели мало общего с Кэмпбеллом.

Третьим фактором, который, возможно, сильно повлиял на идею Кэмпбелла с изменяющимся существом, был странный случай из собственной биографии, который Кэмпбелл раскрыл много лет спустя: его мать была одной из пары однояйцевых близнецов, настолько похожих друг на друга, что в детстве он не мог отличить их друг от друга. Сестры не любили друг друга, а тетя не любила своего племянника. Иногда Джон приходил расстроенный домой из школы и хотел, чтобы его мать утешила, но получал холодный отпор от женщины, которая на самом деле была его тетей.

Джон Кемпбелл назвал новый рассказ «Ледяной ад», таким образом повторяя название своего неизданного романа об исследовании Луны за год до этого. Он хотел опубликовать произведение в «Argosy», но после разговора с Джеком Бирном из этого издательства, в публикации писателю было отказано. Как рассказывал Кэмпбелл своему другу Свишеру, Бирн сказал:

«Это хорошая работа, хорошая идея, написано тоже хорошо. Но в ней нет цепляющих персонажей. В ней много второстепенных персонажей, но нет главных героев». Совершенно верно, я это вижу.

Следовательно, большая часть обсуждения вращалась вокруг того, чтобы выявить персонажей. В ходе последовавшей пятнадцатиминутной дискуссии заместитель редактора Бирна Джордж Пост предположил, что сюжету нужен женский персонаж. Кэмпбелл был готов попробовать, но не видел возможности сделать женщину участницей антарктической экспедиции 1930-х годов. Он пошёл домой, пообещав переписать рассказ, сделав его более приятным для чтения.

Кэмпбеллу суждено было стать одним из самых талантливых редакторов в истории научной фантастики. Я могу засвидетельствовать на собственном опыте его редакторские навыки. Спустя восемнадцать лет после того, как он работал над своим антарктическим ужастиком, я могу сказать, что Джон обладал превосходным чувством построения сюжета и знал, как направить автора не совсем правильного произведения к удовлетворительной доработке. Эти навыки, должно быть, уже проявлялись в 1937 году, когда он писал для научно-фантастических журналов восемь лет и публиковал множество рассказов, вызывавших всеобщее восхищение.

Мы знаем, как Кэмпбелл переделал антарктический роман под названием «Ледяной ад» в шедевральную новеллу «Стой, кто идёт?», потому что мы можем сравнить их сегодня. В течение многих лет об оригинальной версии этого произведения никто не вспоминал, хотя о ней упоминалось в письмах Свишера-Кэмпбелла, опубликованных в 2011 году. Но даже тогда рукопись считалась утерянной.

Однако несколько лет спустя Алек Невала-Ли, проводя исследования для своей книги «Astounding» (исследование о влиянии Кэмпбелла на научную фантастику в частности, о его редакционных отношениях с Айзеком Азимовым, Робертом А. Хайнлайном и Л. Роном Хаббардом), наткнулся в материалах переписки Кэмпбелла на ящик рукописей, который Кэмпбелл передал в библиотеку Гарвардского университета. В конце концов Невала-Ли обнаружил забытый ящик в Гарвардской библиотеке Хоутона, и в ней была та самая версия «Ледяного ада» со вступлением в Антарктике, которая теперь, наконец, представлена для читателей XXI века.

Любопытно сравнить вновь обнаруженную рукопись с опубликованной повестью — это важный урок мастерства Кэмпбелла, растущего в своем ремесле. Что сразу бросается в глаза при сопоставлении одного с другим, так это то, что будущий редактор, должно быть, сразу понял, что он начал рассказ не с того места. «Ледяной ад» начинается с обнаружения космического корабля пришельцев, погребённого во льдах Антарктики, но, хотя Кэмпбелл рассказывает об этом яркой, эффективной прозой, которая стала его профессиональной визитной карточкой и описывает южную полярную обстановку с живостью, достойной адмирала Берда *(«Северный горизонт едва омывался розовым, малиновым и зеленым сиянием, южный горизонт непроглядной тьмой уносился к полюсу…»*), ничто из того, что он рассказывается в первых трех главах первоначального варианта, не подталкивает читателя к ужасающей ситуации, которая является основой сюжета повести.

Ключевая ситуация предвещается в довольно грубой форме в конце третьей главы, когда Макриди, настолько близкий главному герою, насколько это возможно в данной истории, рассказывает о своем кошмаре (что повторяет сюжетную линию, использованную Кэмпбеллом в «Похитителях мозгов с Марса»). В его сне антарктические исследователи вытащили изо льда странное замерзшее существо, которое обладает способностью изменять форму. *«Оно может превратиться во что угодно или в кого угодно...Оно обладало поистине запредельными знаниями о жизни и жизненной субстанции, протоплазме, полученное за века экспериментов и поисков. У него не было своей истинной формы, но оно могло создавать плоть и кровь на клеточном уровне, не просто быть похожим, а натурально могло стать копией любого другого существа, которое оно выберет. Оно могло читать мысли и копировать привычки человека!»*

Это, конечно, главная ужасная ситуация, с которой мы столкнемся в «Стой, кто идёт?», но такое прямолинейное, плоское изложение и пересказ сновидения, должно быть, показалось Кэмпбеллу при перечитывании ужасно неэффективным способом построения сюжета. В более длинной версии были и другие недостатки. На 12 странице ученый по имени Норрис, объясняет Макриди что-то в двух абзацах скучного диалога, то, что Макриди, наверняка, уже знает. («*На Магнитном Южном полюсе компас будет показывать в любом*

направлении север. Тоже самое вам скажет и географ, стоя на истинном Южном полюсе Земли, который находится за 1200 миль отсюда. Горизонтального натяжения нет, кратчайший путь на север - прямо вниз...») А на 35 странице исследователи случайно уничтожают погребенный в антарктических льдах космический корабль пришельцев в результате неудачной попытки раскопать его, хотя гораздо правдоподобнее было бы оставить его во льдах, чтобы его извлекла какая-нибудь более поздняя и лучше оснащенная экспедиция.

В своей переработанной версии Кэмпбелл решил все эти проблемы, просто сократив первые три главы, избавившись от медленной вступительной части и лекций по геомагнетизму, а сон Макриди и разрушение космического корабля уместил в краткие воспоминания, где они были бы менее навязчивыми. Чтобы привести события в движение, он написал два новых абзаца, которые представляют собой одну из ключевых сцен в истории научной фантастики:

«В комнате стояла сильная вонь. Причудливая, смешанная вонь, которая знакома только обитателям ледяных хижин антарктического лагеря, состоящая из человеческого пота и тяжелого рыбного жирного запаха расплавленного тюленьего жира. Нотки льняных масел помогали бороться с затхлым запахом мехов, пропитанных потом и снегом. В воздухе висел едкий смрад пригоревшего жира на кухне и животный, неприятный запах собак, который со временем уже не замечаешь.

Стойкие запахи машинного масла резко контрастировали с запахами ремней и кожи. И все же каким-то образом сквозь всю эту вонь людей, собак, оборудования и еды, пробивался ещё один аромат. Это была странный, едва уловимый, но вызывающий тошноту запах. И это был запах жизни. Но исходил он от того, что лежало на столе, связанное веревкой и брезентом. Из-под него по тяжелым доскам под слепящим светом электрического фонаря медленно стекала вода».

Здесь есть всё: от интригующего начального предложения из трех слов до яркого описания запаха пота и присутствия загадочного инопланетного существа, лежащего обвязанного веревками в брезенте на столе. И с этого момента темп нарастает, ужасные сцены и ситуации следуют одна за другой, и, в конце концов, выжившие побеждают инопланетную угрозу способом, аналогичным решению проблемы, поставленной в «Похитителях мозгов с Марса», но на этот раз никак не юмористическим.

Окончательный вариант рассказа, который теперь называется «Стой, кто идёт?», по сути является последними пятью главами из восьми глав «Ледяного ада» с незначительными изменениями.

«Я получил больше удовольствия от написания этой истории, чем от любой другой, которую я когда-либо писал,» – сказал Кэмпбелл в письме Роберту Свишеру. Хотя он наверняка знал, что переработанный рассказ намного превосходит оригинал, писатель не был настолько уверен в этом, чтобы показать рукопись своей жене Донье, которая часто служила ему первым читателем. *«Донья сказала, что у меня получилось!»* – ликующе сказал он Свишеру. Он также показал ее своему другу Морту Вайсингеру из «Thrilling Wonder Stories». Вейзингер тоже был впечатлен, хотя и немного покритиковал его за повторное использование сюжетной идеи из «Похитителей мозгов с Марса», которая уже была опубликована. *«Морт рассердился,»* - сообщил Кэмпбелл Свишеру. *«Похоже, он считает, что ему продали дважды сюжет и идею из «Похитителей мозгов с Марса». Я с этим не согласен. Мы разошлись во мнениях, не обменявшись колкостями».*

Вайзингер не хотел брать рассказ для «Thrilling Wonder Stories» – ему нужен был материал более близкий к публикации в бульварных журнала, и неясно, представил ли Кэмпбелл его в «Argosy», который предложил автору сократить рассказ. Но в конце лета 1937 года он

предложил произведение Ф. Орлину Тремейну из «Astounding». Пока рукопись лежала на столе у Тремейна, произошла странная вещь.

В сентябре 1937 года «Street & Smith», издательство, владеющее «Astounding», претерпело значительную корпоративную перестройку. Десять журналов были закрыты, некоторые высокопоставленные руководители уволены, а Тремейн переведен на должность исполнительного редактора всей сети журналов. «Astounding» остался без редактора. В начале октября Тремейн попросил Кэмпбелла заменить его. С поразительной быстротой Кэмпбелл оказался редактором того самого журнала, где должен был издаваться рассказ «Стой, кто идёт?»

Фэндом научной фантастики был поражен тем, что Кэмпбелл, которого считали титаном среди писателей, бросил блестящую писательскую карьеру ради простой редакторской работы. С точки зрения самого Джона ситуация выглядела совершенно иначе. После окончания колледжа в 1934 году он зависел от неопределенного дохода от трех научно-фантастических журналов, которые платили за материал в лучшем случае цент за слово. Он работал на низкооплачиваемых работах, которые не приносили удовлетворения ни ему самому, ни его работодателям. Научная фантастика занимала центральное место в жизни Кемпбелла, а работа в «Astounding» обеспечивала стабильный доход. Работа редактором стала последней вехой трудового пути Кемпбелла, он посвятил ей всю оставшуюся жизнь вплоть до своей смерти в 1971 году.

Однако он не мог купить свой новый рассказ по собственному желанию. Как редактор в то время Джон Кемпбелл был просто первым читателем и нуждался в одобрении Тремейна для всего, что шло в печать. «Стой, кто идёт?» не представлял проблем для Тремейна, и рассказ был куплен и внесен в график публикации в одном из первых номеров. Кэмпбелл вёл его не под своим именем, а под псевдонимом «Дон А. Стюарт»; но к тому времени личность "Стюарта" была практически открытым секретом среди читателей научной фантастики.

К тому моменту, когда «Стой, кто идёт?» был опубликован в журнале «Astounding» за август 1938 года, Кэмпбелл больше не контактировал с Орлином Тремейном. Тремейну было не по себе на новом руководящем посту, а «Street & Smith» - с ним, и к маю 1938 года он ушел якобы из-за отставки, но на самом деле его уволил новый президент «Street & Smith». Кэмпбелл писал об этом Свишеру: *«В результате чего теперь на мне весь «Astounding». Больше никого нет. Ни ассистента, ни читателей, никого»*. После ухода Тремейна Кэмпбелл провел масштабную модернизацию журнала, сделав это в динамичной манере, которая стала отличительной чертой всей его долгой редакторской карьеры.

Одним из первых шагов Кэмпбелла было изменение названия журнала с «Astounding Stories» на «Astounding Science Fiction» в мартовском номере 1938 года. Он ненавидел это яркое прилагательное «astounding» (поразительный), но не мог избавиться от него; это было лучшее, что он мог сделать в 1938 году. (В конце концов, он отказался от слова в 1960 году в пользу «Analog Science Fiction», название которого он носит до сих пор). Формат обложки был изменен, и появился новый великолепный художник Хьюберт Роджерс, который ежемесячно создавал образы сияющего будущего, соответствующие представлениям Кэмпбелла. Он унаследовал от Тремейна значительное количество накопившихся рассказов, что не являлось серьезной проблемой, поскольку Тремейн был отличным редактором.

Но Кэмпбелл, будучи более молодым человеком, твердо стоящим на ногах в двадцатом веке, хотел, чтобы фантастика в журнале имела более свежий подход, и изменение тона стало очевидным уже через несколько месяцев. Некоторые рассказы, которые он покупал, были написаны давними сотрудниками Тремейна, такими как Джек Уильямсон, Нат Шачнер и Раймонд З. Галлун, но месяц за месяцем на странице содержания появлялись

новые имена - Лайон Спрэг де Камп, Лестер дель Рей, Теодор Стерджен, Роберт А. Хайнлайн, Айзек Азимов, А.Э. ван Фогт и многие другие, которые под редакционным руководством Кэмпбелла навсегда изменили представление о научной фантастике. Это была радикальная и запоминающаяся метаморфоза, и сегодня знающие читатели все ещё оглядываются на эпоху «Astounding Science Fiction» ранних лет Кэмпбелла как на золотой век.

Из всех классических произведений Золотого века ключевое место долгое время занимала повесть Кэмпбелла «Стой, кто идёт?», и те из нас, кто высоко ценит этот рассказ с момента знакомства с ним, обязаны Алеку Невала-Ли глубокой благодарностью за обнаружение ранней версии этого шедевра. «Ледяной ад» представляет большой интерес не только тем, что показывает, как великий фантаст становится мастером своего дела, каким был Джон В. Кэмпбелл в 1937 году, демонстрирует, почему журнал, в котором он в скором времени станет главным редактором, определил современную эру научной фантастики, но и тем, что сама оригинальная версия, при всех ее недостатках, захватывает, предоставляя развитие персонажей и детали предыстории, которые Кэмпбелл, ради более быстрого темпа повествования, исключил из своего окончательного варианта. Сама по себе эта версия является сокровищем. Нам повезло, что она у нас есть.

ЛЕДЯНОЙ АД

ГЛАВА 1

Макриди окинул взглядом расстилающийся перед ним ландшафт, затем посмотрел на север. Солнце было тусклым диском света, едва висящим над горизонтом скованного льдом плато. Безумный ветер мчался от предгорий Южного полярного плоскогорья в 800 милях к югу и свирепо проносился через континент, не сбавляя скорости. Тридцать миль в час, да ещё при 75 градусах мороза.

Летящие острые льдинки напоминали Макриди о раскопках, прошедших три дня назад. Высокая голая равнина уже давно была очищена от снежного заноса; непрекращающиеся ветра образовали огромное пятно диаметром 10 миль, лысое, как горло канюка.

Мужчина ухмыльнулся за шарфом и поправил очки. Физики выбрали отличное место для ночлега. В четверти мили от стоянки из сумерек показались силуэты оранжевого вездехода и более темных саней. На южном полюсе уже почти наступила весна: октябрь, точнее 2 октября 1939 года.

Барклай, подгоняемый ветром, бежал ему навстречу, из-под его ледоступов вылетали стружки льда. Внезапно земля ушла из-под ног, и ветер швырнул мужчину на десять ярдов, прежде чем он смог подняться на ноги. Подкладка пальто и многослойная термоодежда защитили тело от серьёзных травм.

Когда Барклай был уже возле Вспомогательной магнитной станции, ему ветром запустило в лицо крупным куском льда. Если бы не защитные очки, то он бы мог ослепнуть. Макриди отступил, пропуская коллегу вперёд. Барклай выругался, протиснулся сквозь хлопающую брезентовую дверь и спустился по маленькой лестнице в прихожую станции.

— Господи, Мак, — его голос приглушали несколько слоев шерсти, — тебе нравится торчать на улице при такой погоде?

Макриди медленно улыбнулся. Небо было безоблачным; только органная музыка ветра и шум, подобный гулу турбин транспортного самолёта, наводили на мысль о шторме.

— Это место очаровывает меня. Как метеоролога меня всегда интересовали штормы. Будь я в другом месте, я бы назвал это штормом, но с тех пор, как мы прибыли сюда, он не прекращается уже четыре дня. Барометр опустился на 23 дюйма. Интересно... что будет, когда начнется настоящий шторм?

Барклай медленно поднял голову над уровнем голубого льда, в котором был расположен их лагерь. В его очках вспыхнули отблески белого солнца.

— Если бы здесь была вода, — размышлял Барклай, — то её было бы чертовски много. Даттон из Главной магнитной базы сообщал о прекрасном, чистом небе с юго-западным ветром. Ба! Это худшее место в мире для лагеря! Надо будет написать им пару ласковых за такой прогноз!

Макриди протянул руку и закрыл брезентовую створку. Затем они прошли через следующую дверь – уже деревянную – на станцию.

Крыша из брезентового полотна, лежащего на проволочной решётке и перекладинах, укрепленная кусками льда, выдолбленными при строительстве, опиралась на фиксированные болтами стойки. Боковые стены были отделаны панелями из ДВП. Медная печь в центре комнаты смогла нагреть верхний слой воздуха до температуры около 80 градусов, но на деревянном полу расстилался морозный узор. В печной трубе угрожающе ревел ветер.

Норрис и Вэйн, облачённые в серое шерстяное бельё с длинными рукавами, сидели на краю койки Норриса и работали над техническими данными. Их волосы доходили до плеч. На мужчинах были лёгкие брюки цвета хаки, высокие шерстяные носки до колен и тяжёлые сапоги с меховой подкладкой.

Скоропортящиеся продукты хранились в замороженном виде на полу, в то время как сухие пайки, пиво и другие запасы продуктов были чуть выше, где была более благоприятная температура. Жар под потолком, почти семи футов в высоту, был нужен для сушки носков, двух комплектов нижнего белья и койки Вэйна.

Вся кухня в данный момент была забита разными ящиками с инструментами Норриса и Вэйна. Самые тяжёлые метеорологические приборы Макриди были прикреплены к стене. Он подошёл, чтобы проверить данные анемометра. На циферблате вырисовывалась почти прямая линия: за последние 20 часов скорость ветра колебалась от 30 до 35 миль в час. Термометр же показывал активные изменения, добравшись до отметки -40°.

— Точно по расписанию? — Вэйн взглянул на Барклая.

— Батареи разморозились и надолго их не хватит. В следующий раз мне придется использовать динамо-машину, а тебе, боюсь, придётся прикрыть лавочку, Вэйн. — Барклай кивнул в сторону оборудования.

— Даттон по рации сказал, что мои вещи только что пришли, хотя связь паршивая. Вот данные. Я попробую перевести их на английский язык, если ты не сможешь прочитать, но писать на этой установке чертовски сложно.

— Я знаю. — Вэйн кивнул. — Но это сработало?

— Ну… в каком-то смысле. Мне ни холодно, ни жарко, но пытаться использовать походную плиту как письменный стол – не лучший вариант.

Барклай пожал плечами:

— Командующий Гэрри хотел узнать, удалось ли вам что-нибудь выяснить, потому что, как я понял, информации нет. Верно?

— Не совсем. — Норрис ткнул коротким пальцем в большую карту местности, которая включала в себя их Вспомогательную магнитную станцию, а также Главную Антарктическую базу на Южном магнитном полюсе, в 78 милях от неё. Рядом со станцией он нарисовал маленький крестик. — Данные, которые мы получили с Главной базы в сочетании с тем, что мы собрали за последние 24 часа, дают понять, что предположения о магнитной горе неверны. Похоже, это метеорит или что-то в этом роде. По-видимому, это очень большая масса чрезвычайно плотного материала, слишком маленькая и концентрированная, чтобы быть горой оксида железа.

— Метеорит? — Макриди с сомнением посмотрел на место, отмеченное на карте. — Примерно в полумиле отсюда, да? Но не повлияет ли метеорит на ваши приборы на Главной базе?

Норрис кивнул.

— Главная база находится прямо над Южным магнитным полюсом Земли, поэтому стрелка компаса должна указывать прямо вниз. В горизонтальном положении стрелка компаса будет указывать, что любое направление – север, свободно вращаясь вокруг вертикальной оси. На Магнитном Южном полюсе компас будет показывать в любом направлении север. То же самое вам скажет и географ, стоя на истинном Южном полюсе Земли, который находится за 1200 миль отсюда. Горизонтального натяжения нет, кратчайший путь на север – прямо вниз.

— Но с помощью наших улавливающих приборов мы обнаружили элемент, указывающий на своего рода второй Магнитный Южный полюс, у которого был замечен очень слабый сигнал в этом направлении. Его можно обнаружить только там, где нет горизонтальных помех со стороны магнитного полюса Земли. — Палец Норриса снова ткнул в крестик. —

А этот метеорит, из чего бы он ни был, обладает чертовски мощными магнитными свойствами!

Макриди тихо присвистнул:

— Думаешь, ты его обнаружил? Собираешься его откопать?

Вэйн с улыбкой посмотрел на него:

— Если бы ты нашёл гнездовье прадеда всех бурь, ты бы пошёл за ним?

Макриди рассмеялся:

— Спасибо, парни, но, я думаю, вы уже нашли для меня того прадедушку всех бурь! Барометр падает, и в этом месте ветер обычно достигает 30 миль в час. Командующему Гэрри придется послать один из самолётов в том направлении, чтобы проверить, нет ли там воронкообразной горной цепи, посылающей нам этот ветерок. — Он взглянул на карту. — Как думаешь, ты сможешь найти этот метеорит?

— Конечно, — сказал Вэйн. — Если он находится всего в полумиле, он вряд ли зарыт очень глубоко под землёй. Возможно, мы даже сможем выкопать его. Знаю, что чертовски глупо на это надеяться, но завтра я собираюсь отправиться в путь с ледорубами и лопатами.

— О боги, — простонал Барклай, — ещё копать? Я думал, что ненавижу лопаты для снега, но с тех пор, как я повозился с этими твоими немагнитными малышками на этом раздолбанном льду, я сильнее всего ненавижу ледорубы!

Барклай взглянул на ящик с инструментами. Крышка была приподнята дюйма на два или около того, концы трех заостренных ледорубов торчали так, что были похожи на зубы в ухмыляющейся пасти.

— Можешь, конечно, надеяться, что он зарыт так основательно, что нам его не выкопать, — заметил Норрис, — но эти инструменты из бериллиевой бронзы не так уж плохи: они режут сталь.

— Ну, может быть, для ледорубов и ножа для разделки мяса это ещё сгодится, — признал Барклай, — но каждый чертов гаечный ключ и слесарное зубило, что у нас есть, сделаны из этого сплава. У него нет такого сцепления, как у закалённой стали. Гаечные ключи Стиллсона не стоят выеденного яйца на тракторном валу из закаленной стали. Я не стану использовать инструменты бронзового века на современной технике. Так как магнитная масса вездеходов в любом случае не позволяет вам работать рядом с ними, вы могли бы отдать стальные инструменты мне.

— Избегай лишнего веса. — сказал Вэйн, скорбно разводя руками. — Аксиома номер один южнополярных исследований. Нам пришлось использовать углекислый газ в счетчиках Гейгера для работы с космическим излучением, потому что баллон с аргоном протекал, а запасного у нас не было. Если ты хочешь таскать с собой дополнительные 150 фунтов стали, то дело твоё. Кстати, о запасах и раскопках, сколько термитных бомб у нас осталось?

— Три. — сказал Барклай. — Я упал, споткнувшись о них, пытаясь добраться до радиоприемника на вездеходе. Каждый заряд весит по 25 фунтов.

— Что ж, если буря Макриди утихнет, завтра мы отправимся на охоту. Я думаю, что Норрису лучше поехать на санях с оборудованием, пока мы будем тянуть его за собой. Печальный опыт убеждает меня, что нельзя одновременно следить за приборами и смотреть под ноги. Этот ледяной купол может быть абсолютно пустым, но в нем есть несколько здоровых трещин, в которые можно провалиться.

Макриди вздохнул и сел на край своей койки.

— Кажется, сегодня вечером моя очередь готовить. Если вы, ребятки, уберете этот хлам, я поставлю примус, и мы посмотрим, что можно взять из запасов в кладовой. Думаю, я разобью несколько яиц. Все согласны?

— Что, пеммикана нет? Нет прогорклого тюленьего жира? Мы не можем смириться с такой потерей! — Вэйн кинулся убирать магнитный аппарат. — Кстати, Мак, как ты думаешь, там, на севере, ещё есть яйца, которые растекаются, когда их разбиваешь? Яйца, которые лежат вместе, словно лев и ягнёнок, с желтком и белком?

— Если вам не нравятся замороженные яйца, можете их не есть. И у нас ещё есть этот тюлений жир. А если вам это не нравится, помните, что тюлень не просился быть съеденным. Я просто подумал, что было бы неплохо подкрепиться перед завтрашней работой. Либо мы откапываем твой чертов метеорит, либо нам приходится латать крышу, чтобы не сорвало ветром. Разнообразим наш сегодняшний ужин и завтрашний завтрак тоже. Как насчет какао и овсянки?

— Но разве вчера было не тоже самое? Что вчера, что сегодня были какао и овсянка?

— Нет, это были овсянка и какао. — заверил его Макриди. — Всё готово. Барклай, начинай разгребать кухню. Сначала примус принеси.

Барклай принялся за верхние части, а затем перешёл вниз. Печка. Ящик с едой.

* * * *

На следующее утро Макриди встал первым, и ему выпало счастье разжечь медную печь, чтобы разогнать ночной мороз. Экспедиция Гэрри довольно успешно опробовала новую систему исследования Антарктики. Поскольку они базировались на Южном магнитном полюсе, Главная Магнитная База вынужденно находилась в 350 милях от ближайшей точки, доступной для кораблей. Вся масса экспедиционного оборудования была доставлена пятью самолётами. Даже один из шести вездеходов пришлось доставлять самолётом. Но невозможность доставить 500 тонн топлива вглубь материка вынудила Гэрри попытаться использовать имевшиеся ресурсы; известно, что запасы угля в Антарктиде превышают запасы любого аналогичного района на Земле, за исключением только Соединенных Штатов. Вездеходы и электростанция экспедиции работали на пару, отопительные и кухонные печи работали на угле.

Однако топливо, найденное в 20 милях от Главной базы в Магнитном хребте, представляло собой низкосортный каменный уголь, который оставлял после себя много золы. Следовательно, задача Макриди по розжигу маленькой печки была не из легких. Выбросы дыма быстро заставили остальных выпрыгнуть из своих коек в холодный воздух лагеря.

— Температура снаружи упала до -58°. — сообщил Макриди, осторожно подложив ещё один кусок угля. — Начался шторм, для местного климата это ненормально. Я мог бы догадаться, что так и будет.

— Я ничего не слышу. — сказал Барклай.

— Мёртвый штиль. Бар, дружище, я боюсь, что сегодня мы будем копать, если только метеорит не окажется очень глубоко. Давайте помолимся.

— Чёрт. Мертвый штиль. Ну, температура может и понизиться, но это приятнее, чем ветер. Она всё ещё падает?

— Да. Когда мы начнём, будет -65°. — заверил его Макриди. — Не принесёшь льда для растапливателя?

* * * *

Два часа спустя термометр подтвердил предсказание Макриди. От горизонта до горизонта тянулся голубой лёд лысого плато под мерцающими звездами, это была самая ясная погода, которую они видели с тех пор, как достигли этого продуваемого ветрами купола. Северный горизонт едва омывался розовым, малиновым и зеленым сиянием, южный горизонт непроглядной тьмой уносился к полюсу. Огни полярного сияния колебались мерцающими занавесками вокруг них, немного усиливаясь к северо-востоку, в направлении Главной базы и магнитного полюса. Самые яркие звезды двоились кристаллами на сверкающем под ногами льду. С западной стороны доносились слабые звуки трескающегося льда.

— Чёрт возьми, если одна из этих трещин пробьет лагерь, — пробормотал Барклай. — Мы ослабили лёд, когда располагались здесь, так что возможно.

— Сейсмическое зондирование показало, что лёд прямо здесь имеет глубину 1200 футов, — отметил Вэйн. — 7-футовая дыра — это всего лишь маленькая часть. Между прочим, здесь движение льда идёт на северо-запад, и мы возьмём это направление. Вероятно, подо льдом есть гора или холм; мы можем на него наткнуться.

—Всё взял? — спросил Макриди.

— Э-э, дайте мне устроиться, и слава богу, что ваша буря оказалась мёртвым штилем.

Вэйн был единственным членом отряда, который носил тяжёлые меха. Остальные потели в плотных брюках цвета хаки, шерстяных рубашках и плотных куртках под непродуваемой одеждой. Вэйну, едущему на санях, предстояла наименее приятная задача — сидеть неподвижно и наблюдать за магнитными приборами.

— Я говорил, что грядут необычные условия, — защищался Макриди, — так и случилось. Это первое затишье, которое мы наблюдаем с тех пор, как мы здесь. Я признаю, что дал неверную интерпретацию, но в это время здесь должны быть ураганы. Можно даже сказать, что встречный ветер со скоростью 35 миль в час – это шторм.

Отряд отправился в путь. Шипы на подошвах их обуви вгрызались в лёд, идти было не слишком трудно, но изрытый временем и непрекращающимся ветром ледник оставался шероховатой и неровной поверхностью. Человеку на санях приходилось постоянно выгибаться под неожиданными углами. Две глубокие расщелины без мостков для перехода на этой свободной от ветра территории, вынудили команду отклониться почти на милю, прежде чем вернуться на курс, указанный магнитной стрелкой и промежуточными показаниями индуктора, сделанными Вэйном.

Магнитная стрелка медленно реагировала на их движение, а устойчивая точка постепенно ослабевала относительно большей силы Южного Магнитного полюса Земли по мере того, как они приближались к неопознанному магнитному телу. Стрелка закачалась, как только они достигли участка, изрытого сотней расщелин: от 6-дюймовых трещин, до 10-футовых провалов неизведанной глубины. Покачалась, потом вяло взяла новое направление в скоплении сжатого льда.

— Стой! — воскликнул Вэйн. — Она качнулась!

Когда он достал гальванометр и открыл клапан, раздались свист воздушной турбины и тихий визг катушки индуктора, бешено вращающейся в магнитном поле. Вэйн медленно поворачивал прибор, пока Норрис смотрел на яркие звёзды на юге, гаснущие в свете солнца, подкрадывающегося к горизонту с севера. — Эффективное поле отсутствует. Магнитные поля Земли и этого метеора здесь почти нейтрализуются. — Вэйн закрыл клапаны воздушной турбины, и свист прекратился.

Магнитная стрелка качалась вместе с санями, изгибаясь в многочисленных тонких карданных подвесках. По мере того, как они приближались к новому центру притяжения, стрелка двигалась всё медленней и медленней. Расщелины вынуждали учёных петлять, что требовало предельной осторожности: малейшая трещина могла оказаться подлёдной пропастью. Связанных друг с другом мужчин возглавлял 190-фунтовый Барклай, изучавший каждую трещину на своём пути.

— Тот подлёдный хребет должен лежать здесь, Норрис. — Макриди указывал в сторону зоны трещин в леднике, за которым простиралось поле гладкого льда, которое переходило в область знакомых антарктических снежных заносов.

Сани пересекли последнюю расщелину. Солнце, развернувшись над горизонтом, принесло лёгкий ветерок, который еле поворачивал лопасти анемометра, но при такой температуре появилась опасность внезапного обморожения. Ледяной гребень холма был преодолён, и теперь перед отрядом расстилалось более ровное заснеженное поле, чем пройденный ими участок.

— Она сейчас почти в вертикальном положении, Норрис. — сказал Вэйн через некоторое время.

— Наклон немного влево...Оу! Она встала! Норрис, кажется этот чёртов метеорит больше 50 футов в поперечнике!

Барклай достал из саней фонарь, молот из бериллиевой бронзы и измерительные приборы. Из-под ледоруба вылетала ледяная крошка, в то время как физики были заняты своим оборудованием. Макриди было нелегко держать фонарь, чтобы освещать то, как Барклай закапывает шумомер и приёмник в сугроб. Внезапно загоревшийся факел растопил снег, и ледяная крошка тут же облепила измерительные приборы, застыв на них после того, как факел был убран. Опытный в таких делах Барклай сразу же убрал их в свой пояс. Он нажал кнопку шумомера, и из прибора вырвался резкий, пронзительный визг. Мгновенно стрелка дернулась по циферблату аппарата и резко остановилась в доле деления от стопорного штифта.

— Менее пятидесяти футов льда, а затем незарегистрированная глубина скалы. — наконец доложил Барклай.

Паяльная лампа освободила части аппарата. Он попробовал с новой позиции. Всё ещё меньше пятидесяти футов. Затем глубина резко уменьшилась, когда они миновали какой-то обледенелый скалистый край утеса. Они маневрировали взад и вперед, чертя профиль невидимой поверхности подо льдом.

Вэйн и Норрис прокладывали спирали вокруг себя, то расширяя, то сужая радиус действия, пока, наконец, не нашли его центр. К ним присоединились Барклай и Макриди. Дюжина тщательных измерений взад и вперед по линиям, которые Вэйн и Норрис определили магнитным путем, дала только последовательные показания менее пятидесяти футов – слишком мало для измерения звуковым прибором.

— Не хочется упоминать, но...— Вэйн посмотрел на ледорубы и лопаты, приставленные к саням. — Этот ледоруб всю дорогу сюда настойчиво напоминал мне о своем присутствии. Пора им поработать.

Солнце постепенно поднималось над горизонтом к северу, скользя по невидимой наклонной дорожке где-то за краем замерзшего континента. Термометр медленно поднимался вместе с ним, и ветер начал ползти по плато, набирая скорость по мере увеличения разницы температур. Термометр перевалил за -50°, а скорость ветра достигла 15 миль в час. Четверо мужчин по-прежнему рубили лёд, от которого летела холодная

крошка. Наклонный, ступенчатый туннель с зазубринами уходил вглубь, твердая синева материала начала сверкать ослепительной лазурью, чистыми лучами сапфира, а летевшие ледяные щепки сияли словно изумруды, сапфиры и рубины. Косые лучи солнца пробивались вниз, не давая тепла, сквозь почти двадцатифутовый слой чистейшего льда. И всё же магнитная игла указывала прямо вниз.

Барклай вернулся на поверхность, чтобы выбросить обломки льда в брезенте, и попытался заставить работать паяльную лампу, бранясь последними словами. Поднявшийся ветер щипал его руки без перчаток, держать металл было сущей пыткой, а бензин обжигал пальцы, быстро испаряясь и отказываясь воспламеняться. Ветер сдувал пламя, и прошло несколько минут, прежде чем оно заревело долгожданным сине-белым жаром.

— Раз уж у нас есть эта проклятая дыра, мы можем попробовать её растопить! — крикнул Барклай, идя, спотыкаясь, по туннелю к остальным. — Этот лёд прозрачный, как стекло. Может быть нам удастся разглядеть то, к чему мы движемся, если расплавим гладкий участок.

Пламя паяльной лампы лизнуло отколотую стенку на дне ямы. Рваные трещины начали таять. Медленно, пока Барклай вращал фонариком, в гладкой поверхности кристально чистого льда образовывался небольшой проём. Постепенно прояснялись очертания скал, когда тающая вода утекала от пламени; за расширяющимся проёмом стало видно синее море, освещенное рассеянным светом солнца.

Норрис посмотрел в образовавшееся окно. Лишь смутно виднелись темные, округлые формы исполинских темных скал, которые были слишком далеко, чтобы их хорошенько разглядеть. Стрелка компаса указывала почти прямо вниз.

— Попробуй проплавить проём в полу, Бар. Я думаю, у тебя должно получиться.

Пламя омыло пол после того, как Макриди разбил его почти вровень ледорубом и прорезал более глубокую канавку для отвода талой воды. Остальные, столпившиеся у узкого прохода, когда Барклай работал внизу, увидели, как он внезапно отвернул факел. Он чертыхнулся про себя, заикаясь и неразборчиво бормоча. Барклай уставился вниз через проделанное им отверстие на черную ровную поверхность среди синевы льда.

Он медленно выпрямился и выключил фонарь. Откинув голову, чтобы посмотреть вверх по крутому туннелю в сторону остальных, Барклай заявил:

— Похоже, я умом тронулся, пока проделывал это отверстие, а вы, ребятки, можете продолжать копать, если хотите.

Ледоруб Макриди раскалывал непроглядную черноту на преломляющиеся осколки, а Барклай твёрдо шёл вверх по грубым ступеням, вырубленным в наклонной стене ямы.

— Бар, в чём, дело, чёрт побери? — спросил Вэйн.

— Давай копай. Я прекрасно знаю, что облажался, так что я позволю вам самим всё выяснить. Если ты обнаружишь то, что мне показалось, я помогу. Но не ранее того. Глубина около пяти футов. Осторожней там, как доберёшься. — Барклай направился в сторону саней и начал перекладывать груз.

На мгновение остальные трое с тревогой посмотрели друг на друга.

— Есть один надежный способ это выяснить. — предложил Макриди. Он соскользнул вниз по крутому склону, используя ледоруб, чтобы вовремя затормозить. Вэйн присоединился к нему, бросая обломки льда в брезент, чтобы доставить их на поверхность. Норрис последовал за Барклаем к саням, безуспешно пытаясь выяснить, что он там увидел.

Внезапно двое мужчин обернулись на громогласный крик Макриди из глубин ямы. Сначала была абсолютная тишина, потом короткая брань. Затем раздался его голос.

— Бар! Бар, ты чёртов слепошарый идиот! Какого чёрта ты не сказал, что увидел? Норрис! Норрис! Ради бога, спускайся сюда! Здесь пластина обработанного металла тянется на неопределённое расстояние.

— Это магнит, Норрис! — раздался глухой голос Вэйна из ямы.

— Это не то, что я увидел, — тихо ответил Барклай, садясь на край саней, — Полагаю, я ещё не свихнулся, но этот момент уже близок. Они не продвинулись ниже пяти футов. Скажи, чтобы продолжали.

Примчался Норрис, и Вэйн передал ему второй мешок с осколками, в то время как Макриди быстро расширил и углубил яму ледорубом и лопатой для снега, прежде чем Норрис смог спуститься для осмотра. Затем звонкий треск раскалываемого льда сменился более глухим звуком. Внизу внезапно воцарилась тишина.

— Боже правый… — тихо произнёс Макриди.

Норрис не мог видеть, что там случилось, но услышал тихий вздох Вэйна, а над его головой мелькнул сверкающий серебристый металл. Гладкая изогнутая металлическая поверхность площадью почти пять квадратных футов была обнажена. Солнце снова село, но северное сияние всё ещё озаряло небо своими переливами. Свет, просачивающийся сквозь двадцатифутовый лёд, мерцал на оголенном металле, выделяя огромную массу обработанных закругленных металлических пластин, соединенных явно не человеком.

Вэйн выпрямился, затем отпрянул. Между ног Макриди наполовину виднелась голова, рассечённая напополам ледорубом. Норрис поднял голову к залитому солнцем кусочку неба и крикнул Барклаю.

— Бар, если у того, что ты видел, были голубые волосы словно черви, и три красных глаза, то оно здесь!

ГЛАВА 2

Гироплан осторожно опустился на лёд в абсолютно вертикальном положении. 35-мильный ветер мчался по голому льду непрерывной струей ледяного воздуха, текущей от Южно-Полярного плато к морю где-то на севере. Ярко-оранжевый самолёт, который был единственным цветным пятном в ландшафте, стал вовсе кричащим в свете четырёх магниевых факелов. Как только самолёт приземлился, четверо членов группы Вспомогательной магнитной станции с факелами устремились на поверхность, а Блэр выпрыгнул из кабины самолёта с анкерами для ледолазания в руках.

Коренастая фигура доктора Коппера с новыми анкерами вывалилась позади маленького, но крепкого биолога. Гироплан слегка покачивался вперёд-назад, пока пилот неуверенно пытался справиться с управлением. Пропеллеру приходилось поддерживать изрядную тягу, чтобы едва удерживать самолёт на месте, борясь с непрекращающимся ветром с юга. Мерцающие лопасти ротора двигались рывками, затем замедлялись, когда Мэйси постепенно уменьшал скорость их вращения, чтобы самолёт устойчивее держался на земле.

Пока Макриди и Норрис добрались до них, биолог и медик успели установить анкеры, пилот убавил газ. Почти мгновенно поток холодного воздуха охладил двигатель, и он зашипел. Мэйси снова нажал на газ, чтобы он заработал. Его рот двигался за пластиковыми окнами, но рёв двигателя заглушал его слова.

— Шесть мешков угля, запасы еды, ещё две койки. — крикнул Блэр. — Он возвращается обратно. Доктор Коппер может остаться только на пару дней. Командующему Гэрри пришлось остаться из-за перевеса.

Норрис энергично кивнул. Барклай и Вэйн подошли, затушив свои факелы. Резкий шум со стороны воздушного винта заставил мужчин отойти подальше, пока Коппер объяснял планы.

— Гэрри думает, что он позволит вам работать здесь, изменив планы Геологического отряда, чтобы оставить вам вездеход. Они послали ещё одну бригаду людей на тот угольный пласт, чтобы можно было использовать больше топлива. Ещё что-нибудь откопали?

Вэйн покачал головой. Из-за рокота двигателя слов было практически не разобрать.

— Жду тебя. Подогнал вездеход. Привезли пилу?

— Да. Апджон сопротивлялся, но все-таки дал её. Она ему нужна для сооружения "домов" на других вездеходах, так что он хочет её забрать сразу же, как только мы тут закончим. Мэйси хочет поскорее улететь. Говорит, что не сможет посадить здесь самолёт, если тут постоянно будет такой ветер, как вы говорите.

Макриди ехидно усмехнулся.

— У нас такой ветер практически целые сутки, пока мы тут были. Высота всего 1100 футов, и небольшая рубка сгладит все неровности этого льда. Он сможет посадить здесь большой "Боинг", если понадобится. Я обещаю ему 35-мильный ветер в любой день, а по специальному заказу мы можем организовать ему даже 50-мильный.

— Нам понадобится больше угля, — вставил Барклай. — Мы будем часто использовать двигатель вездехода для динамо-машины.

— В дорогу с собой я не всё смог взять. Слишком много хлама. Он сказал, что вернется за мной на "Локхиде", и привезет три тонны, если понадобится. Давайте вывезем это барахло, пока двигатель не заглох. Боже, ну и холод!

— Вы ещё не видели холода, доктор. — сказал Макриди. — Сегодня ночью будет -45°. Пойдемте.

* * * *

Через десять минут лопасти гироплана начали вращаться быстрее почти без усилий для двигателя: поток ветра разгонял их до нужной скорости. Самолёт оторвался ото льда, вертикально набирая высоту, лопасти гироскопа неуклюже хлопали, словно какая-то огромная утка, взлетающая с поверхности синей воды. Крошечные огни покружились над головой, а затем исчезли с огромной скоростью, когда Мэйси повернул вниз по ветру в сторону Главной базы.

— Я дам сигнал к взлету. — Барклай направился к засыпанной станции, два мешка с углем тянулись за ним шлейфом чёрной пыли, которую порывистый ветер мгновенно сдувал со льда и уносил в сторону антарктического океана на 400 миль к северу.

Блэр и Макриди прикрепляли инструменты маленького биолога к саням, нагромождая сверху секции койки и мешки с продовольствием.

Станция казалась ещё более тесной, все было прижато к одной стене. Магнитные приборы упаковали в вездеход и перевезли на новое место. Вместо них теперь была дорожная радиостанция, работающая от аккумуляторов; сухие батареи образовали бахрому под койкой Барклая, раскачиваясь достаточно высоко от пола, чтобы быть выше "линии замерзания". Передатчик был подвешен на шнурах к потолку на высоте плеч, а пульт прикреплен к горизонтальной перекладине стены.

Барклай прислонился к вертикальной койке и начал выстукивать сообщение для Главной базы. Мэйси и его гироплан уже были в поле зрения над нею, когда через пятнадцать минут он получил ответ. Мэйси обнаружил поток 80-мильного ветра на высоте 4 000 футов.

— Уже пришло время теорий? — спросил доктор Коппер, когда секции коек встали на свои места.

— Кстати, надеюсь, вы, девочки, не будете неряшливыми обжорами. Я уже вижу, как моя койка превращается в обеденный стол.

— Барклай не так плох, - ворчал Макриди. — Он даже с пола не брезгует есть. Но я не думаю, что сейчас время строить теории. Что бы это ни был за объект, его можно принять за подводную лодку: по нашим магнитным и звуковым данным его диаметр составляет около пятидесяти-шестидесяти футов, а магнитные приборы показывают, что длина сужается примерно на 250 футов. У него точно нет крыльев. По словам Вэйна, вблизи центра находится огромная концентрация магнитной массы. Возможно, двигатели или что-то ещё. Это, конечно, может быть подводная лодка, потерпевшая крушение, когда эта часть Антарктиды была затоплена, но я в это не верю. Тогда это какой-то доселе невиданный летательный аппарат, потерпевший крушение. Длина его, кстати, идет на северо-восток и юго-запад, почти под прямым углом к линии, проведенной от него к Магнитному полюсу.

— Здесь в дело вступает метеорология. Под объектом началось оледенение. Когда-то давно здесь выпал снег, и это Нечто было погребено под сугробами. Вес уплотнил снег до состояния голубого льда. Затем ветер с этого лысого плато унёс бог знает сколько снега и льда. Если эта штука упала до того, как снег начал уплотняться, ей по меньшей мере полмиллиона лет. Если он упал в теплое время, то мог какое-то время таять под поверхностью и в любой момент приземлиться сюда. Он находится на защищенной стороне

утопленного хребта, за гребнем высокогорья, который тянется на юг на полмили, разделяя ледник и отводя движение и давление льда. Это образовало те расщелины, на которые мы наткнулись. Знаешь, Док, эта штука могла пролежать там чертовски долго.

— Как насчет того... существа, что ты нашёл? — поинтересовался Блэр.

— Да хрен там. — Вэйн разжег свою трубку и раскурил её. — Мы не особо с ним возились. Мерзкое животное, могу тебе сказать. Думаю, большего мы тебе и не расскажем. Крепко-накрепко вмерзло в лёд. Возможно, оно пролежало там миллион лет или все пятьдесят. Для трупа, оно, конечно, прекрасно сохранилось. Точно как те мамонты, которых находят в Сибири. Это существо пролежало довольно долго, и мы решили, что до вашего приезда оно точно никуда не денется. Можешь вдоволь с ним наиграться. Но мы не в восторге.

— Вы довольно пространно описали голову, — возразил биолог. — Она антропоморфная?

— Человекоподобная, да. Остальная часть этого создания находится подо льдом и слабо различима. Нам хватило того, мы увидели. Если у него тело такое же, как лицо, то мне это не интересно, даже если тварь лежит там с тех пор, как замерзла Антарктика.

— Остальное тело... лицо? — Блэр с любопытством оглядел членов отряда Станции.

Барклай плюнул в маленькую печку и подбросил несколько кусков угля.

— Завтра на него можешь полюбоваться, если захочешь, конечно.

— Что?

— Он имеет в виду, меньше знаешь – крепче спишь, — сказал Вэйн. — Насколько я понимаю, научных терминов для описания выражения лица не существует. — Он некоторое время молча смотрел на огонь.

— В любом случае, у него не человеческое лицо, так что, возможно, мы не можем определить его эмоцию. Возможно, Нечто на самом деле замерзло с единственным выражением, которое может скорчить. Но я так не думаю. Если это так, то оно запечатлено в самой худшей своей эмоции: такая физиономия просто не создана для мира и дружелюбия. Я бы сказал, что это существо было в ловушке, и оно разозлилось, но не выглядело безумным. Хотя любой человек, у которого в глазах отражается столько злобы, сумасшедший по определению. Я думаю, оно было просто в ярости.

— Смутно сквозь лёд я уловил, что неопознанная летающая субмарина врезалась в скалу, носовая часть смята. Небольшой участок, который мы обнаружили, был деформирован; я думаю, что нос разрушен. Судя по конструкции объекта, я бы сказал, что чем бы он ни был, он был быстрым, чертовски быстрым. Он мог преодолеть расстояние от магнитного полюса до места, где он находился, может быть, за 30 секунд, скажем, или, возможно, от Марса или Венеры за три или четыре дня. Ничто из когда-либо порожденного Землей не имело той невыразимо жестокой ненависти, которую демонстрировали эти три красных глаза, я знаю это.

— Но в центральной части корабля была невозможная магнитная масса, в той части, где должны быть рабочие двигатели. Все то притяжение, которое мы обнаружили в 80 милях от Главной базы, возникло в секции размером примерно 20 на 20 футов. Это факт. А вот дальше у меня есть только догадки. Я думаю, что корабль спустился на Землю слишком близко к магнитному полюсу, и двигатель, как бы он ни работал, взорвался, впитав слишком много магнитного поля Земли. Оно не особенно интенсивно, но большое. Сила в сто миллионов ампер, циркулирующая по экватору, может привести к такому. Если бы двигатели корабля взаимодействовали с полем планеты, что-то бы взорвалось. И это было бы не поле Земли.

— Значит, это существо вылезло из своего корабля и оказалось в ловушке. Должно быть, оно принадлежало к более древней расе, чем человеческая. Перед ним расстилалась уже замерзшая Антарктида, возможно, тогда было ещё холоднее, чем сейчас. Между тварью и недостижимым морем во все стороны пролегали четыреста миль непроходимого ледника без единого живого существа крупнее микроба или водорослей. И, бог ты мой, сколько ненависти в этой трехглазой башке с синими червями вместо волос.

— Чёрт возьми, мужик, давай заканчивай. Утро вечера мудренее, успеешь ещё пофантазировать об этой твари из ямы.

Вэйн хрипло выругался, выбил трубку о медное брюхо печки и начал приводить в порядок свою койку. Ветер доносил из печной трубы горластые проклятия и завывания, его обрывчатые звуки заставляли прислушиваться к почти неразборчивой брани. Возможно, такие же звуки могла издавать та тварь.

* * * *

Ветер изрыгал всё те же невнятные крики, когда физики поднялись утром. Норрис, в свою очередь, бранясь, разжигал потухшую печь.

Когда мужчины вышли в путь, ветер налетел с остервенением, усиленным температурой в -45°. Веревки саней скрежетали и трещали под его напором. Казалось, что неумолимая сила отталкивает их, пытается повернуть назад от отмеченной флажками тропы. За 30 часов, прошедших с момента установки опознавательных знаков, многие из жестких оранжевых матерчатых флагов превратились в трехдюймовые рваные остатки, а некоторые и вовсе были сорваны.

Но теперь тропа была помечена. Им больше не нужно было наощупь пробираться через предательские расщелины, а когда учёные миновали область, растрескавшуюся под давлением ледяной реки на юге, оранжевое пятно вездехода образовалось на фоне пёстрого полотна северного горизонта. Недалеко за ним выровненные ветром кучи льда, срезанные командой Магнитной станции вокруг погребенного корабля, обозначали вход в котлован.

Они припарковались и расположились на стоянке. Макриди повёл группу в туннель, заменив раскаленный магниевый факел на более тусклые лампы, которые использовались на тропах. Магний горел невероятным белым светом в голубом проходе, а лёд вокруг рассыпался неровными, сияющими кристаллическими отблесками. Ярчайшее сияние проникало сквозь лёд на расстояние более ста футов. С поверхности казалось, что люди внизу превратились в огромные тени летучих мышей, извивающихся подо льдом; всё ледяное поле светилось внутренним сиянием на сто футов вокруг, за исключением огромной чёрной тени странного корабля, застывшего в этом леднике неизвестно сколько веков назад.

Когда команда учёных добралась до Нечто, Блэр и Коппер задумчиво осмотрели черты лица, выглядывающего из сверкающего дна тоннеля. Ледяная крошка, занесенная ветром, припорошила его слоем снега, который под блеском магниевой вспышки сверкал, как алмазная пыль.

Блэр достал небольшую камеру из-под ветронепроницаемой одежды и сделал полдюжины снимков. Лицо существа казалось обезображенным – изваяние безумного скульптора, воплощенное зло, небрежно брошенное на сверкающий пол. Коппер осторожно поскреб ледорубом и провел по сглаженной поверхности рукой без перчатки. Тепло его тела превратило поверхность в чёрную, скользкую, волнистую линзу, открывающую вид на скрытые под ней глубины.

Макриди усмехнулся, когда доктор торопливо заскрипел по поверхности альпинистской кошкой.

— Это наш симпатичный зверёк, док. Мы должны выкопать эту проклятую хреновину.

— Чертовски верно подмечено, что проклятую. Уроду самое место в этой яме посреди замёрзшего ада, и так пусть оно и остаётся. Этот сверкающий лёд кажется нереальным в свете факела — Коппер встряхнулся. — Чёрт знает, что сказали бы медик и учёный, но я не хочу это выкапывать.

Блэр продолжал смотреть вниз на лицо чудовища. Маленький биолог внезапно заговорил, перекрывая гул ветра над устьем ямы.

— Вы случайно раскололи ему голову, когда копали?

Макриди кивнул.

— Из-за кучи снега и льда не было не разобрать куда мы копаем. Лёд становится прозрачным как стекло, когда начинаешь его плавить, но он мутнеет, когда начинаешь копать. Первым предупреждением стало то, что я услышал другой, хрустящий звук. Эти инструменты из бериллиевой бронзы тяжёлые, и я вошёл лезвием ему прямо в череп.

— Это представитель расы гораздо более древней, чем человеческая, все верно? — Биолог кивнул. — Всё указывает на это. Странно, однако, как растёт мех на его плоти. Сейчас оно выглядит почти живым, как будто оно замёрзло тут совсем недавно. Но это не самое примечательное. Выражение лица у него конечно жуткое, но это такое же дитя природы и её странных нравов, как и люди, собаки или водоросли, которые каким-то образом умудряются жить здесь, внизу, где нет других живых существ.

— Неприятная тварь. — Коппер сердито хмыкнул. — Полагаю, мы должны вытащить эту штуку и начать исследовать корабль. Надеюсь, внутри нет ничего подобного.

— Может и есть, — сказал Макриди. — Вэйн подсчитал, что для управления им потребуется не менее десяти человек и что он может с легкостью перевозить до трехсот.

Коппер присвистнул.

— Как ты думаешь, сколько он весит? Сможем ли мы вытащить его целиком?

Макриди взглянул на товарища.

— Я не знаю. Мне никогда не приходилось оценивать ничего подобного.

— Допустим, 85 фунтов, — сказал Блэр. — Он такой же большой, как хаски.

— Ты уверен, что хочешь это выкопать? — Коппер спросил Блэра. — Как сказал Вэйн, учитывая злобный вид этой твари, я бы поставил её против крысы, загнанной в угол, копьеголовой гадюки и вылезшего из ада дьявола.

— Твой гибрид проиграет. — Макриди покачал головой. — Надеюсь, Болдуин никогда не увидит эту штуку. Если этот художник когда-нибудь увидит это нечто, то его картины станут богомерзкими произведениями. Мы должны вытащить эту штуку. Барклай заведет вездеход и к тому времени, как он наберёт обороты, мы должны будем освободить эту тварь вместе с глыбой льда.

Вэйн соскользнул вниз по шахте в потоке ледяной крошки.

— Нравится наш зверек, Коппер?

— Ух. Мое проклятое любопытство до добра не доведёт. Норрис там рядом?

— Так и есть.

— Попроси его накинуть брезент или что-нибудь в этом роде. Мне будет лучше работаться, если его лицо будет скрыто.

— Он не уродлив — отметил Вэйн. — В каком-то смысле, хотя эти три глаза довольно жуткие, и эти волосы – я думаю, эти штуки у него на голове можно назвать волосами – возможно являются своего рода органом. В любом случае, оно может шокировать, но, если разобраться, черты лица довольно правильные, почти классически правильные.

— Адом правит падший ангел. — Коппер повернулся к глухой металлической стене корабля. — Что это за металл, удалось выяснить?

Вэйн покачал головой.

— У нас нет аппаратуры, чтобы выяснить это. Попробовали кислоту из аккумулятора, но она не произвела никакого эффекта. Он твёрже, чем наши инструменты из бериллиевой бронзы, и запасная шестерёнка от вездехода, сделанная из специально закаленной хромированной стали, не оставила никаких следов. Голубоватый оттенок наводит на мысль о высококачественном хромированном сплаве, но Бог знает, что могли использовать эти существа. Он намагничен до чертиков, так что, возможно, это высококачественная хромированная сталь. Но, как я уже сказал, мы не знаем ни свойств их сплавов, ни источника их металлов. Однако мы находимся недалеко от центра их корабля, и мне кажется, я видел тень огромной металлической пластины, когда Мак поджигал факел в тоннеле. Давайте откопаем эту штуку и спустимся вниз.

Ледорубы вгрызлись в хрупкий кристалл. Макриди воткнул остаток магниевого факела в расщелине во льду, где он горел с редким потрескиванием. Хвостовая часть исчезла в последней вспышке яркого голубого пламени, когда факел догорел, и растаял в луже воды, вступая в такую же яростную реакцию с водой, как и с холодным воздухом.

В свете керосиновых ламп углубление расширялось наружу и вниз. Вездеход на поверхности разогрелся, и его лебедка вытаскивала разрыхлённый лёд на поверхность, освобождая людей от самой тяжелой работы. Нечто во льду превратилось в смутную тень, заключенную в сверкающий, преломляющий свет столб. Когда столб достиг около 5 футов в высоту и 3 футов в диаметре, учёные откололи его. Вездеход потянул колонну вверх, а Вэйн и Норрис страховали на труднопроходимых участках.

Отблеск медленно восходящего солнца сверкал на блоке льда, когда они привязывали замерзшее Нечто к саням и накрывали брезентом. Температура медленно поднималась к -40°, и вместе с ней ветер завывал чуть более высокими нотами в оранжевой кабине вездехода, вытягивая чёрное облако дыма из его трубы и заставляя его мгновенно исчезнуть.

Норрис спустился вниз, чтобы сменить Вэйна, а тот занял свое место в устье ямы, сбрасывая мешки с мусором и кусками льда, которые поднимались наверх. Барклай и Макриди некоторое время работали вместе, затем Макриди погрузился в яму с плотницкой ручной пилой, подсоединив к ней провод питания от гудящей динамо-машины вездехода. Шум ледорубов прекратился, уступив место разъяренному рычанию пилы, пробивающей лёд быстрыми движениями. Куски льда начали подниматься на поверхность плитами толщиной в пять дюймов и площадью в два фута.

* * * *

Солнце снова шло к горизонту, когда Вэйн спустился вниз. Они добрались до большой металлической пластины, которая виделась им скошенной тенью в свете магниевой вспышки; это была огромная дверь шлюза, почти шесть футов в квадрате и фут толщиной, распахнутая расщелиной шириной в фут Пила и топоры освободили её внешнюю поверхность и, насколько это было возможно, прорубили вход в шлюз, но огромную дверь сковывала ледяная глыба, и до нее было не добраться.

Барклай спустился вниз, чтобы осмотреть её, паяльной лампой растопил гладкие отверстия во льду, что позволило рассмотреть механизм внутри. Смутно виднелись огромные металлические болты, предназначенные для крепления двери к эластичным втулкам; сейчас болты были убраны в пазухи с винтовыми зубцами.

— Если бы мы могли растопить эту ледяную глыбу внутри, думаю, я смог бы просунуть домкрат в эту брешь и открыть ее. — Барклай наконец-то доложил. — Насчёт раскалывания льда я не знаю. У нас есть деканитовые взрывные заряды, но я думаю, что они скорее навредят, чем помогут. Но как насчет термитных зарядов?

— Думаешь, они сгодятся? — спросил Вэйн.

— Должны. Они плавят лед за счет теплового излучения, радиус действия около двадцати футов, чего более чем достаточно.

— А разве они не спровоцируют пожар? — возразил Коппер.

Барклай усмехнулся.

— Док, какой пожар на твердом льду. Кроме того, я не вижу там ничего, кроме металла.

— Один или два? — спросил Вэйн.

— Один, а потом ещё второй, если понадобится. Слишком много тепла в этом замкнутом пространстве может создать пар. Дверь, скорее всего, все равно откроется. Я установлю бомбу, запитаю её, а затем переведу вездеход за хребет. Выходящее тепло может разрушить часть другого льда и пробить расщелину под нашими ногами.

Барклай наблюдал, как Макриди, уходивший последним, выполз из проделанного отверстия.

— Всё чисто! — крикнул он. — Подождите меня.

Он побежал к остальным, по пути пропуская через руку длинный электрический кабель, ведущий от вездехода к бомбе, проверяя возможные заломы. Шестеро мужчин стояли на вершине хребта, перед ними был виден небольшой спуск к впадине. Снаряжение было перенесено назад, кроме ледорубов, лопат и мелких предметов. Большой опасности возникновения оползней не было, а за скальным гребнем, где давление льда меняло направление, она вовсе отсутствовала. Барклай увеличил скорость динамо-машины до тихого гудения, а затем с испуганным ворчанием замкнул выключатель.

Во льду под устьем ямы загорелся огонь: 25 фунтов алюминиевой пудры и смеси оксида железа с термитом разгорелись в невероятное по силе пламя. Расплавленное железо вспыхнуло при температуре почти достаточной для того, чтобы металл закипел, вытекая из расплавленного стального корпуса в лёд. Лёд превратился в пар, трещал, лопался, нестерпимые слепящие лучи сияющей энергии пробивали слабые места в твёрдом материале.

Из устья котлована вырвался клубок пара.

— Должно быть, всё закончилось, — решил Барклай, когда яркий свет стал медленно угасать. Он подождал мгновение, замедляя работу динамо-машины. Остальные начали медленно продвигаться вперёд и остановились. Свечение снова нарастало, становясь все более ярким. Ещё одна струйка пара вырвалась из ямы в антарктические сумерки. Огонь внизу становился всё сильнее.

Медленный шипящий рёв нарастал, он рвался к стремительному потоку встречного ветра; белые облака пара превратились в ледяную дымку, вырываясь из устья ямы в порывах ветра. Сияние распространялось, ослепительный столб света вырвался из белого пятна льда высоко в тёмное антарктическое небо, рёв стал громом. Отверстие заметно увеличилось перед безумным порывом огромной струи пара. Невероятно, но твердь над погребённым веками Нечто начала колебаться, раскалываясь в расходящихся лучах с приглушённым разрывом.

Поверхность льда сильно вздыбилась и треснула, превратившись в белую светящуюся массу, за которой виднелся невероятный, неземной по своей природе свет факела. Грохот огромного столба пара, вырывающегося из растущей ямы, разносился ветром, когда люди бросились плашмя на наледь. Сотрясающий небо рёв поднял в воздух пятидесятифутовые

глыбы льда, освободив раскалённое растущее озеро расплавленного пылающего металла. На мгновение в его пламени проступила огромная форма корабля-чужака: обтекаемая продолговатая фигура длиной 300 футов, диаметром 60 футов, неуверенно лежащая на скалистом склоне. Её огромный нос был прижат к возвышающемуся бастиону из серого твёрдого гранита.

Невероятное зарево посреди огромной взорванной области замёрзшей воды. Ослепительный, бело-синий поток расплавленного вещества вырвался из пробоины в боку корабля и покатился вниз, к возвышающимся мощным валам льда, всё ещё несокрушимым. Он ударил в них с огромным шипящим рёвом, и они рассыпались, превращаясь во взрывающийся пар и падая в растущее озеро сверхъестественного огня. Белые раскалённые сферы пылающего металла вырвались наружу, чтобы с грохотом обрушиться вниз сквозь лед толщиной в тысячу футов.

Воющий порывистый ветер, казалось, набирал силу, направляя сырой дым в сторону далёкого антарктического океана. Огромные глыбы льда бешено метались в воздухе. На мгновение устояв в бело-голубом жаре, выдержав даже нахлынувшее море раскалённой ярости, огромные ослепительные громады твёрдо держались в центральной части корабля, исполинские машины искажённого ослепительного великолепия проливали дождь пылающего металла с раскаленных несокрушимых адамантовых спин. Затем они резко растворились в огромном, более яростном пламени, которое отбрасывало шальные лучи сквозь возвышающиеся покачивающиеся ледники, смотрящие на корабль. Чёрная сверкающая скала утонувшего во льдах склона горы тускло поблескивала красным цветом под этим натиском.

Колеблющиеся завесы северного сияния над головой внезапно дрогнули, закружились в безумном вихре мерцающего света и обрушили на раскаленную стихию дикую ярость. С горы, из-под тверди, огромные гневные языки молний ударили в расплавленный бассейн. Молнии поменьше вылетали из вездехода и со стальных протекторов. Ледорубы и лопаты нагревались в руках мужчин, а от наручных часов и металлических пряжек шли электрические разряды.

Вдоль горного склона пронеслось огромная масса льда. С ледника на юге, давящего веками на хребет, поток миллиардов тонн льда обрушил глыбы длиной в милю. Угасающая пылающая лужа металла исчезла под шипящим, пронзительным гулом грохочущего льда.

Порывистый ветер с юга уносил последние следы ледяного дыма. Он монотонно бился об оснастку вездехода, обдавая режущим холодом. Высоко в небе, на фоне розово-лавандового сияния заходящего солнца колыхались и двигались занавеси северного сияния.

Вэйн, пошатываясь, поднялся на ноги.

— Это был магниево-алюминиевый сплав, укреплённый бериллием и другими металлами!

— Там их больше нет, — мрачно сказал Макриди, кивнув в сторону саней. — Что случилось? Мы подорвали запасы их топлива?

Вэйн покачал головой.

— Я думаю, это был просто металл корабля. Огромное пламя магниевого металла. Сотни и сотни тонн. Та вспышка в конце, когда двигатели отключились, я думаю, это была энергия, которую эта штука выкачала из магнитного поля Земли много лет назад и снова высвободила с окончательным уничтожением двигателей. Это ощущалось в северном сиянии, в молниях...

— Динамо-машина тоже это ощутила, — отозвался Барклай. — Катушки сплавлены в сплошной комок. Трансформаторы и катушки радиоприемника также сплавлены. Ваш

магнитный аппарат выглядит так, как будто его раздавили. Мы не сможем связаться с главной базой, пока не вернемся на станцию, если вообще вернемся. А они, я полагаю, будут беспокоиться о нас.

— Они это видели, — кивнул Вэйн. — Нам придется немедленно возвратиться, хотя они могут догадаться, что здесь сгорели катушки. Тут мы больше ничего не сможем сделать, если, конечно, сможем уйти. Расщелины...

— По эту сторону хребта лёд почти не двинулся. — Макриди указал на запад. — Но это точно произойдет. Нам лучше уезжать, пока есть возможность.

Вездеход зашевелился, из выхлопной трубы вырвался пар.

— Мы обсудим это позже, если будем двигаться сейчас. — предложил Барклай.

ГЛАВА 3

— Спокойное местечко! —крикнул Барклай через гусеницу вездехода.

Главная магнитная база находилась в укромной ложбине внизу, среди грязных сугробов, сбитых в кучу и нависших над закопченными хижинами. Полдюжины печных труб вяло дымили, темная копоть уходила по поразительно медленным спиралям, казавшимся почти волшебными этим людям, возвращавшимся с обдуваемого ветром лысого плато на Вспомогательной магнитной станции, которой больше не было.

Макриди оживленно кивнул. Из-за лязга металлических деталей и шипения пара разговаривать было слишком сложно. Вою хаски каким-то образом удалось заглушить грохот вездехода раскатистой, отчаянной нотой.

Главный корпус, казалось, внезапно всколыхнулся от снега, когда полдюжины человек вышли наружу, заслоняя друг другу обзор, чтобы посмотреть на приближающийся вездеход и его прицепные сани. Вертлявый стреловидный палец радиовышки отбрасывал длинную, изломанную тень на утоптанный снег в их сторону.

— Представьте себе! — воскликнул Барклай. — Никакого ветра в течение целых семидесяти часов подряд! Интересно, смогу ли я теперь нормально спать?

— Можешь вернуться, если настаиваешь! — крикнул в ответ Макриди. — Я все ещё могу найти там что-нибудь интересное, даже если любимец Вэйна и Норриса уже сдох!

— Держись! Я поворачиваю! — Барклай нажал на левое сцепление, и грохот вездехода изменил свою тональность. Левая гусеница остановилась, а правая продолжила движение. Неуклюжая машина покатилась вбок, затем повернула в сторону заваленной снегом стоянки для техники. Пять покрытых брезентом громадин, наполовину занесенных сугробами, представляли собой остаток механического наземного транспорта Базы.

Всё новые и новые люди появлялись из антарктического снега, выскакивая из разбросанных занесенных снегом хижин и направляясь к прибывающей группе. Вездеход загрохотал и завибрировал, остановившись рядом со своими товарищами, и Макриди тяжело спустился с него. Воздух здесь казался просто чудесным; было -45°, но практически безветренно. Норрис, Вэйн и Блэр спускались с двух прицепных саней: Норрис и Вэйн – с первой, Блэр – со второй. Блэр был не единственным, кто ехал на этих вторых санях; у них был ещё один пассажир, который теперь получил прозвище Пугало.

— Я предлагаю немного подождать. — Макриди кивнул в сторону людей, двигавшихся по снегу в их сторону. — Чувствую себя немного разбитым, и, возможно, тяжелая работа по перетаскиванию этих проклятых саней в лагерь меня вконец доконает.

Вэйн усмехнулся.

— Думаю, они помогут. Может, Бар ответит, как он находит все выбоины на дороге? Для меня просто чудо, что за последние пять миль я умудрился не выпасть из саней по меньшей мере раз этак сорок.

— В этом весь его секрет. Блэр, куда ты хочешь отнести своего маленького питомца? Мы могли бы сейчас переложить остальную часть груза с тех саней на эти и сэкономить на двойной перевозке.

— Я пока не решил, куда его пристроить, — с сомнением в голосе ответил Блэр. — Я хочу, чтобы он оттаял как можно быстрее, но грубые методы здесь не подходят. Думаю, лучше всего будет выяснить, кто сегодня на ночном дежурстве, и решать исходя из этого. Возможно, это будет один из метеорологов, или специалист по космическим лучам, или кто-то из магнитной группы. Если они справятся с работой, мы сможем отнести Нечто в соответствующую хижину и держать ее в тепле в течение следующих 36 часов. За это время оно оттает.

— А что, если дежурить будет кто-то из пилотов?

— Боюсь, мне придется подождать. Они почти не отапливают ангар, тем более ночью.

Барклай неожиданно рассмеялся.

— Блэр, ты станешь самым популярным парнем в лагере, когда они узнают, что у тебя есть такая зверушка!

Макриди, Вэйн и Норрис тоже дружно посмеялись, но маленький биолог был слишком серьезен в отношении своей находки.

— Он ничем не отличается от обычных замороженных тюленей и прочего. Это такая же мёртвая и такая же естественная вещь...

— Но это не так, — произнес Макриди. — Для мертвеца он выглядит уж слишком хорошо, и это неестественно. Во всяком случае, не для этой планеты. Вы можете поставить деньги – даже весь капитал лагеря для игры в покер, все 42 доллара и 23 цента, – что люди будут куда охотнее глазеть на Пугало только после того, как его выпотрошат и замаринуют в формальдегиде.

Около них собралась группа Главной магнитной базы, представители отделов физики и механики, само собой, потянулись вместе с Вэйном, Норрисом и Барклаем к вездеходу, осматривая расплавленную динамо-машину и радиоаппаратуру. Группа рассредоточилась, возвращаясь к завернутому, громоздкому ледяному цилиндру в задней части саней. Командующий Гэрри стоял с Блэром и доктором Коппером, обсуждая находку и планируя дальнейшие действия. Вэйн и Норрис подошли к ним, чтобы сообщить информацию об уничтожении странного корабля.

Сани начали разъезжаться, груз перекладывался из саней Блэра в более крупный первый прицеп. Макриди вернулся, чтобы узнать, какие решения были приняты.

— Как я понимаю, на карауле сегодня Коннант, — сказал он и улыбнулся. — Его интерес к космическим лучам не исчез после того, как ты упомянул о своем маленьком плане, Блэр?

Командующий Гэрри усмехнулся. — Не могу сказать, что я его сильно виню, но он не особо в восторге. Мы слышали истории об этом парне. Похоже, Джерри ждет неприятный вечер.

— Подожди, пока не увидишь его. — пообещал Макриди. На его лице не было улыбки. — Лаборатория космических лучей мала, Джерри и Коннант ещё до конца вечера захотят разделиться.

— Все готово! — раздался голос Барклая. — Всем уйти с дороги!

Группа вокруг вездехода расступилась. Из топки посыпались шипящие раскаленные угли. Над машиной поднялось облако грязного пара. Мгновение спустя раздался пронзительный свист котла, из которого под давлением пара хлынула вода. Облака ледяного дыма медленно покатились в направлении лагеря, замедляясь по мере того, как свист сменялся ревом, когда последняя струя воды вырвалась наружу вместе с паром из сливного отверстия. Рёв утих; раскаленный металл начал позвякивать от сжатия. Холод овладевал вездеходом.

Макриди шёл обратно к главному корпусу рядом с Пауэллом, старшим метеорологом экспедиции.

— Значит, этот ветер скорее всего спас вас, когда корабль взорвался?

Макриди кивнул.

— Не скорее всего, а так и было. Сотни тонн магниевого металла. Только тот факт, что лёд непрозрачен для тепловых лучей, что мы находились на дальней стороне твердого скального хребта, и этот лютый, непрекращающийся ветер спасли нас.

— Мне кажется, вы должны были как-то распознать металл с содержанием магния, — нерешительно сказал Пауэлл. — Я не имею в виду, что вы ошиблись; я имею в виду, почему было невозможно распознать разницу?

— Мы не могли его поднять, поэтому у нас не было представления об удельном весе. Он был тверже, чем наши инструменты, поэтому мы не могли взять образец. Это был совершенно неизвестный нам сплав, явно внеземного происхождения. И они как-то сделали его невосприимчивым к высоким температурам. Возможно, там было хромовое покрытие. В любом случае, он не вступал в реакцию с кислотой, а это говорит о неактивном металле. У нас не было с собой анализаторов; простой кислотный тест, который мы сделали, был идеей Барклая, и он использовал обычную кислоту для аккумуляторных батарей. Боже, один только этот сплав стоил бы нам целое состояние! Только за счет него можно было бы финансировать эту экспедицию. А какие немыслимые тайны этого корабля мы потеряли в том взрыве — это трагедия, не имеющая аналогов в истории! Мы могли бы изменить всю историю Земли, если бы смогли изучить этот корабль!

Пауэлл задумчиво кивнул.

— Мы за вас волновались какое-то время. Мы видели это огромное пламя и сияние. Магнитные приборы обнаружили эту штуку, но мы сначала не поняли - они вели запись. Даттон в течение часа пытался выйти с вами на связь, и весь лагерь замерев стоял у него над душой. Не было слышно ни звука, кроме шума статического электричества.

— У нас нет инструкций на такие случаи — сказал Даттон.

— Не будь кретином, — огрызнулся Коннант. — Они не стали бы ждать инструкций! Чтобы это ни было, у них было бы больше шансов с этим справиться.

— Тогда мы ещё не знали о магниевой вспышке. Это была идея Толмана.

— Тот странный корабль был тем самым магнитом, — внезапно сказал он, – и я готов поспорить, что это был взрыв именно от корабля. Мы не можем лететь, пока не взойдет солнце или пока они не сообщат, что проверили местность. Если бы корабль взорвался, магнитная сила была бы высвобождена...— и Толман потянулся за самописцами. Два стержня заклинило, и они пытались вернуться на бумагу, вертикальный, компонентный самописец все ещё выводил уменьшающуюся синусоиду.

Толман посмотрел на существо во льду, затем обратился к Даттону:

— Завязывай уже, он тебя все равно не слышит, даже не пытайся. Корабль взорвался, и произошёл выброс магнитного излучения. Все катушки в радиусе десяти миль от него, способные функционировать в качестве индуктора, превратились в расплавленный хлам. Их генераторы, трансформаторы, катушки индуктивности, возможно, даже конденсаторы - все сгорели. Мы догадывались, что вы ещё живы и планировали вылетать завтра.

— Итак, Гэрри отправил "гироскоп", когда взошло солнце, и вернул доктора Коппера. Но это были малоприятные двенадцать часов ожидания.

Макриди кивнул.

— Мы знали, что так и случится, но ничего не могли сделать. Я думал послать в небо сигнал в надежде, что вы увидите и узнаете, что мы живы, но понял, что он слишком мал. Мы получили несколько ваших поздних сигналов, как вы знаете, потому что Барклай собрал приемник из запчастей, металлолома и бог знает, чего ещё. Но Вспомогательной базы больше нет. И шанс узнать секреты более древней инопланетной расы исчез вместе с ней. Магнитное излучение там закончилось, навсегда, но я думаю, мы могли бы попытаться организовать экспедицию в этом направлении. Ветры, мягко говоря, здесь особенные.

Пауэлл усмехнулся.

— Доктор Коппер сказал что-то о том, что тут очень холодно.

— Я никогда раньше не видел 35-мильного ветра с температурой -50° или ниже. Это практически аксиома, что сильный ветер приносит высокую температуру: сопротивление воздуха нагревает их, если не больше. Но даже это не сработало. Я думаю, что за все века, что зверь там был заморожен, температура никогда не поднималась выше нуля; его постоянно охлаждали ветры прямо с Полярного плато.

Они добрались до крайней хижины метеорологов и вместе вошли в нее. Макриди бросил свои вещи на койку и машинально взглянул на встроенные в стену записывающие приборы. Он усмехнулся, кивнул в их сторону и засмеялся.

— Мужик, эти записи выглядят забавно. Подождите, пока мы вам не покажем показания о скорости ветра, которые захватили с собой. Пойдемте в главный корпус.

Как ни странно, погода на станции была сравнительно теплой, не то что весенний день в умеренном климате. Они начали спускаться по коммуникационному туннелю, совмещенному с кладовой и подземным проходом. Его стены были заставлены ящиками и коробками, некоторые из них были пустыми, некоторые наоборот – полными. Бензин и консервы, инструменты, карты и лучшая смазка для обуви. Зубные щетки и обезвоженная морковь, баночное пиво и запасные части для измерительных гигрометров. Ящики, коробки и снежные блоки. Крыша представляла собой полосу водонепроницаемой бумаги поверх металлической проволоки, уложенной на деревянные рейки.

Неизбежный антарктический ветер покрывал её толстым слоем снега. И проволока, и брусья, и ящики были покрыты великолепными ледяными узорами, сверкавшими в свете

лампы накаливания Макриди; ледяные кристаллы, идеальные плоские шестиугольники, некоторые из них – два дюйма в поперечнике, одинаковые, но разные одновременно.

Пол из плотного снега неравномерно поднимался и опускался. Впереди дверь главного корпуса на мгновение открылась и снова закрылась. Остальные стекались в лагерь. Под снегом в один соединялись коридоры и тоннели; они миновали вход в радиорубку и туннель с изолированными кабелями, которые тянулись в сторону электростанции, расположенной почти в четверти мили. Ещё через четверть мили в противоположном направлении находилась магнитная обсерватория.

Макриди повернулся к Пауэллу с легкой улыбкой. — Столько людей, снующих туда-сюда, и их суетливость - угнетают меня. Из-за этого шума я почти не слышу звуков ветра.

— На Вспомогательной базе было куда тише? — Пауэлл улыбнулся.

— Это было что-то нереальное. Чудовище из ямы, невероятный корабль, которого не могло быть, невыносимый ветер, который никогда не утихал. Словно кошмар, приснившийся сумасшедшему.

— Этот зверь...я таких ещё не встречал. — сказал Пауэлл.

Улыбка исчезла с лица Макриди.

— И не стоит. Пусть Блэр возится с этим проклятым Нечто, если хочет, а потом задает ему вопросы. Эта замерзшая пустыня словно пыточная в ледяном аду, а этот монстр – местный дьявол. Отчасти вся эта экспедиция кажется мне кошмаром потому, что у меня был странный сон, он был настолько же реален, как мы с вами. Мне снилось, что «дитя природы», как назвал его Блэр, каким-то образом все ещё было живо. Оно смутно понимало все, что происходит вокруг него, всю бесконечность чёрных полярных ночей и ослепительных полярных дней на протяжении веков, находясь в ледяной ловушке. Существо ожило при нашем появлении и даже выдержало удар ледорубом по голове. Настолько сильная была в ней нечеловеческая ненависть и не менее сильное стремление к жизни.

— Это всего лишь сон.

— Это был самый жуткий кошмар, что мне снился за всю жизнь, хотя одного взгляда на эту рожу будет достаточно, чтобы тебе всю жизнь снились кошмары. Даже на уровне подсознания я, должно быть, пытался сопротивляться ему, потому что во сне оно будто менялось и медленно превращалось в лицо Вэйна.

Пауэлл остановился прямо перед дверью здания рекламы и посмотрел на Макриди.

— Да уж, спокойной ночи после того, как насмотришься на такие ужасы, явно не будет. Превратилось в лицо Вэйна говоришь?

Макриди кивнул.

— Это ещё не самое страшное. Я был чертовски уверен, что оно превратилось в лицо Вэйна, потому что хотело этого, и что оно может превратиться во что угодно или в кого угодно. Оно обладало поистине запредельными знаниями о жизни и жизненной субстанции, протоплазме, полученными за века экспериментов и поисков. У него не было своей истинной формы, но оно могло создавать плоть и кровь на клеточном уровне, не просто быть похожим, а натурально могло стать копией любого другого существа, которое оно выберет. А также читать мысли и копировать привычки человека!

Пауэлл хмыкнул.

— Довольно странные идеи. Не думаю, что буду рассматривать это существо, если оно вызывает такие сны.

Макриди неуверенно рассмеялся.

— Я на твоем месте тоже не стал бы. Год жизни бы отдал, чтобы забыть об этом. Существо будоражит разум болезненными идеями, мыслями и видениями о других мирах, которые человеку никогда не суждено было узнать! Как, например, та концепция, о которой я только что рассказал. Ты хоть на секунду задумывался, что произойдет, если существо с такой силой будет выпущено на свободу?

— Ты же не намекаешь на то, что эта чертова хрень на такое способна? — спросил Пауэлл.

Макриди покачал головой.

— Этот кошмар никак не идет у меня из головы. Он словно долбаная заноза у меня в мозгу. Это вызывает неловкое ощущение взгляда через плечо, что-то вроде мысленной оценки своих друзей.

— Своих друзей?

Макриди взялся за дверную ручку главного корпуса. Он не взглянул на Пауэлла, когда тот рассмеялся.

— Да, о друзьях. Если такое Нечто может читать мысли, дублировать ткани, лица, манеры, как ты узнаешь, что я или кто-либо другой, которого ты встретишь, – человек? Это может быть просто... скажем, совершенной имитацией, сотворенной в аду и предназначенной для такого, о чем ты даже думать никогда не мог.

Пауэлл негромко ругнулся.

— Господи, Мак, что за больные фантазии у тебя в голове? Ей-богу, если бы я знал, зачем мне...

Макриди вздохнул. — Прости, Стэн. Не стоило тебе все это рассказывать, но этот сон не дает мне покоя. Звучит скверно, но размышления над этой идеей в одиночку медленно сводят с ума.

Пауэлл резко откинул руку Макриди с ручки двери и гневно дернул ее.

— Чёрт тебя подери. Я бы...

Его голос умолк, когда он подошёл к толпе, собравшейся вокруг центрального стола, на котором лежало вмурованное в толстый слой льда существо, накрытое брезентом. Блэр осторожно долбил лёд молотком и зубилом.

ГЛАВА 4

— Я понимаю, что тебе не нравится эта штука, Коннант, но ее просто нужно правильно разморозить. Ты предлагаешь оставить её в таком виде, пока мы не вернёмся к цивилизации. Хорошо, но как мы собираемся уберечь его от разморозки и гниения, пока мы пересекаем экватор? Ты же не хочешь просидеть с ним хоть одну ночь? Что ты предлагаешь, повесить его труп в морозилку вместе с говядиной? — Блэр посмотрел вверх и победно кивнул лысой головой.

Киннер, коренастый повар со шрамом на лице, избавил Коннанта от необходимости отвечать.

— Послушай-ка, мистер, если ты засунешь эту штуку в контейнер с мясом, то клянусь всеми богами, я запихну тебя туда с нею за компанию! Вы, ребята, уже таскали на мой стол всё, что только можно, но если вы поместите эту херню в контейнер с мясом или на мясной склад, тогда жратву будете готовить себе сами!

— Но Киннер, это единственный стол, достаточно большой для работы, все это знают, — возразил Блэр.

— И поэтому все остальные тащат сюда все что угодно! Кларк приносит своих собак каждый раз, когда они подерутся, чтобы зашить раны. Ральсен вечно притаскивает сюда свои сани. Господи Боже, на моем столе только "Боинга" не было! Но я не сомневаюсь, вы бы нашли способ и его сюда притащить!

Гэрри усмехнулся. — Становится немного тесновато, а, Киннер? Думаю, временами мы все так думаем.

— Думаю, нам с этим Нечто в помещении космической лаборатории будет тесновато. — проворчал Коннант.

– Кстати, почему бы тебе не сколоть лед с этой штуки где-нибудь в другом месте? Уверяю, никто не будет против! А затем подвесишь ее над котлом электростанции? Там достаточно тепло. Курица или говядина размораживается там за десять часов.

— Я знаю, – заявил Блэр, отложив ледоруб и молот, чтобы можно было свободно жестикулировать, а его маленькое тело напряглось от волнения и серьезности, — но это дело слишком важное, чтобы рисковать. Таких находок не было раньше, и, думаю, никогда больше не будет. Это единственный шанс, который когда-либо будет у человечества, и им нужно распорядиться правильно. Я должен препарировать эту штуку и протравить в формальдегиде, пока ничего не случилось. Придется немедленно провести микроскопические наблюдения. Помнишь, мы как-то ловили рыбу в море Росса? Она замерзала почти сразу же, как только ее вытаскивали на палубу, и оживала, когда мы медленно ее размораживали. Низшие формы жизни не умирают при быстром замерзании и постепенном размораживании...

— Ради всего святого, уж не думаешь ли ты, что этот монстр оживёт? — взревел Коннант. — Ты хочешь, чтобы он ожил? А ну пустите меня туда! Я покрошу это исчадие ада на сто тысяч кусков...

— Нет! Стой, идиот! — Блэр вскочил, чтобы преградить Коннанту дорогу к своей драгоценной находке. — Только низшие формы жизни! Ради всего святого, послушай меня! Высшие формы жизни при таких условиях не выживают... Подожди минутку! Подожди же! Рыба оживает после замораживания потому, что представляет собой низшую форму жизни. Отдельные клетки ее организма могут восстанавливаться, и этого достаточно, чтобы

вернуть рыбу к жизни. Любые высшие формы в такой ситуации погибнут. Несмотря на то, что отдельные клетки выживут, сложный организм умрет, потому что для жизни ему необходима согласованная, связанная работа всех клеток. А такие связи не восстанавливаются. Поэтому оно будет не менее мертво, чем был бы мёртв человек.

— Лучше уж оно будет мёртвым, чем живым. А мёртвым оно мне нравится больше. — Категорично заявил Коннант. — Дай-ка мне ледоруб.

Гэрри положил руку ему на плечо.

— Подожди-ка минуту, Коннант. Я хочу понять. — Начальник экспедиции повернулся к Блэру.

— Я хочу кое-что прояснить: я согласен с тем, что нам не стоит размораживать это существо, если есть хоть малейший шанс, что оно оживет. Но я не представляю себе, откуда может взяться этот шанс.

Сидящий на кровати Коппер вытащил трубку изо рта.

— Нет. Блэр говорит слишком формально. Это существо мертво. Мертвее сибирских мамонтов. Потенциальная жизнь — это как атомная энергия; она может и есть, но никто её ещё не обнаружил, и у нас есть всевозможные доказательства того, что живые существа не оживают после заморозки. В чём смысл, Блэр?

Маленький биолог задумчиво кивнул.

— Дело в том, — начал он обиженным голосом, — что отдельные клетки, выжившие при правильном размораживании существа, могут отразить особенности жизнедеятельности организма в целом. Мышечные клетки человека, например, живут ещё несколько часов после его смерти. Вы же не станете называть труп зомби или что-то в этом роде просто потому, что волосы или ногти продолжают расти? Так что, разморозив это создание подобающим образом, мы сможем узнать из какого оно мира. Мы не знаем и не можем знать, явилось ли оно с Земли, Марса, Венеры или из другой галактики. Но если мы обнаружим, что его клетки созданы для сухого и прохладного климата, мы сможем догадаться, что это Марс или подобная ему планета. Если они подходят для жаркого и влажного климата, значит мы будем ломать голову над тем, из какого же он мира.

— Можно, конечно, разморозить курицу в кастрюле с помощью паяльной лампы или струи горячего пара, но я не думаю, что кто-то из вас хочет, чтобы этот цыпленок был приготовлен и подан на...

— Заткнись, паскуда. Боже, ну и мысли! — Беннинг, авиамеханик, аж позеленел.

— Хорошо, тогда не предлагайте мне размораживать его над котлом электростанции, как мы делаем это с говядиной или цыплятами. Его нужно оттаивать в теплом помещении в течение ночи. Я сколю этот лёд, и мы сможем поместить его в космической лаборатории.

— Тогда давай, убирай эту тварь с моего стола! — рыкнул Киннер. — Но оберните его брезентом. В одежде оно или нет, выглядит оно уж слишком отталкивающе.

— Кажется, Киннер начинает закипать, — съязвил Коннант.

Киннер поднял глаза на физика.

— Хорошо, здоровяк, и о чем ты брюзжал минуту назад? Если хочешь, можем эту очаровашку рядом с тобой посадить.

— Его физиономия меня не пугает. И, хотя возможность просидеть с ним целую ночь не радует, я всё же собираюсь это сделать.

Киннер усмехнулся.

— Да-да. — Он подошёл к кухонной плите и энергично стряхнул пепел, заглушая хрупкий треск льда, поскольку Блэр опять принялся за работу.

Макриди бросил взгляд на Пауэлла.

— Бар сказал ему, что он будет самым популярным парнем в лагере, благодаря своей зверушке.

— Я не удивлен. — Пауэлл краем глаза взглянул на неясный полупрозрачный лёд, — нисколько.

* * * *

Раздались клацающие звуки счетчика космических лучей.

— Чёрт! — Коннант уронил карандаш, не закончив и первой строчки.

Он взглянул в дальний угол, где находился счетчик Гейгера, полез под стол и, отыскав потерю, вновь принялся за отчёт, стараясь сделать свой почерк более разборчивым. Его рука подрагивала в такт резким звукам счетчика Гейгера. Приглушенный гул от лампы накаливания, освещающей ему рабочее место, всхрапы и стоны дюжины людей, спящих в главном корпусе, гудение угля в печи, щёлкающие звуки счетчика и оттаивающего льда в дальнем углу несколько разнообразили тишину уснувшего лагеря.

Коннант нервно достал из кармана пачку сигарет, вытряхнул одну и сунул её в рот. Зажигалка не работала, и он сердито порылся в стопке бумаг в поисках спичек, несколько раз пощелкал колесиком, ругнулся и встал, чтобы выковырять горячий уголек из печки с помощью щипцов.

Вернувшись к столу, Коннант опять попробовал зажигалку, и теперь, будучи уже ненужной, эта зараза высекла яркое пламя. Счетчик отозвался серией хохочущих звуков. Коннант бросил в его сторону сердитый взгляд и постарался сконцентрироваться на данных, собранных за последнюю неделю. Недельный отчет...

Он решил поддаться любопытству. Или нервозности. Учёный взял со стола лампу и направился к дальнему углу комнаты. Затем он вернулся к плите и взял в щипцы для угля.

Тварь оттаивала уже почти 18 часов. Он с неосознанной осторожностью потрогал её; плоть больше не была твердой, как броневая пластина, а приобрела какую-то резинообразную текстуру. Капли воды, точно круглые алмазы, блестели в ярком свете лампы. Коннант почувствовал непреодолимое желание принести канистру с бензином, облить существо с головы до ног и бросить на него окурок. Три красных глаза, полные ненависти, смотрели на него, рубиновые глазные яблоки отражали неясные лучи света.

Коннант вдруг осознал, что смотрит на существо уже довольно долго и что глаза монстра кажутся ему не столь уж мутными. Он даже не обратил внимание на то, как щупальцеобразные отростки на тощей, пульсирующей шее, начали тихонечко шевелиться ...

Учёный поднял лампу накаливания и вернулся в свое кресло. Он сел, уставившись на лежавшие перед ним страницы с цифрами. Щелканье счетчика больше не беспокоило, а потрескивание углей в печи не отвлекало. И даже когда раздался за спиной скрип половиц, он продолжил машинально работать над еженедельным отчетом, заполняя колонки данных и делая краткие, обобщающие заметки. Скрип половиц раздался ближе.

* * * *

Блэр резко проснулся, с трудом изгоняя остатки кошмарного сна. Возникшее испуганное лицо Коннанта на секунду показалось ему продолжением этого кошмара.

— Блэр! Блэр! Проклятый хрен, проснись!

— Э-э-э? — протер глаза биолог. На соседних койках зашевелились, кое-где оторвались от подушек заспанные физиономии, чтобы узнать, что происходит.

Коннант выпрямился.

— Вставай и пойдем. Кажется, эта сраная тварь сбежала!

— Сбежала! Что? — голос главного пилота Ван Волла прогремел с такой силой, что дрогнули стены. Из соединительных туннелей послышались другие голоса. Вскоре в помещение главного корпуса ввалилась дюжина обитателей других корпусов. Впереди шёл Барклай, коренастый и приземистый, в шерстяном нижнем белье и с огнетушителем в руках.

— Что здесь происходит, черт возьми? — воскликнул Барклай.

— Этот поганый зверёныш сбежал. Я уснул минут на двадцать, а когда проснулся, его уже не было. Эй, док, не ты ли говорил, что оно при размораживании не оживет? Что там насчёт потенциальной жизни? Так вот, Блэр, эта хрень развила чертовски большой потенциал и сбежала от нас!

Коппер уставился в пустое место.

— Оно же не с Земли! — резко выпалил он. — Да для него земные законы ничего не значат!

— Ну, оно решило ожить и свалить. Мы должны найти и поймать его! — сердито отозвался Коннант. — Удивляюсь, как эта адская тварь не сожрала меня, пока я спал!

Блэр отпрянул назад, в его глазах внезапно возник страх.

— Может, оно... Да, мы непременно должны найти его!

— Вот ты и будешь его искать. Как - никак это твой питомец. А я уже и так сделал всё, что мог. Просидеть в компании с этой тварью семь часов, да ещё слушая ваш давящий на мозги храп! Удивительно, что мне удалось заснуть. Я иду в главный корпус!

Командующий Гэрри вынырнул из дверного проема, натягивая ремень.

— Что значит "поймать"? Басистый голос Ван Вола походил на шум взлетающего "Боинга". — Уж не хочешь ли ты сказать, что оно ожило?

— Неужели ты решил, что я вынес его на своем горбу, да? — огрызнулся Коннант. — Последнее, что я видел, как из его расколотого черепа начала сочиться зеленая слизь, похожая на раздавленную гусеницу. Док только что сказал, что наши законы к нему не применимы – это что-то неземное. По базе разгуливает внеземной агрессивный монстр, да ещё и с расколотым черепом и сочащимися мозгами!

Пауэлл и Макриди появились в дверном проеме, заполненном другими обеспокоенными людьми.

— Надо дать объявление о розыске, — сказал Пауэлл, состроив невинную физиономию. — И не забыть про особые приметы: около четырех метров ростом, с тремя красными глазами и мозгами наружу... Мне кажется, кое-кто решил над нами очень злостно пошутить...

Давайте-ка найдем этого блэровского питомца и привяжем его Коннанту на шею. Как альбатроса древнему моряку. Лично для меня это звучит гораздо более правдоподобно!

— Это не розыгрыш. — Коннант содрогнулся. — Боже, как бы я хотел, чтобы это так и было. Я бы лучше...— он замолчал.

Дикий, протяжный вой пронесся по коридорам и туннелям базы. Все замерли.

— Кажется, я знаю где он, — сказал Коннант.

Он кинулся в соседнюю комнату и тут же вернулся: с револьвером сорок пятого калибра и ледорубом в руках.

— Эта тварь попала на псарню. Слышите, псы сорвались с цепей?

Сдавленный, истошный вой сменился шумом схватки. Вой собак взрывался в тишине туннелей, а его заглушало низкое зычное рычание, переполненное ненавистью. Пронзительный крик боли, дюжина рычащих воплей.

Коннант бросился к двери. Сразу за ним рванулся Макриди, а затем Барклай и Гэрри. Остальные разбежались по главному корпусу за оружием. Помрой, отвечавший за пятерку лагерных коров, метнулся в противоположный конец – у него в коровнике завалялись шестифутовые вилы.

Барклай затормозил, когда Макриди резко свернул в сторону от туннеля, ведущего к псарне, и скрылся за углом. Механик мгновение колебался, огнетушитель в его руках ходил из стороны в сторону, а затем он помчался за широкой спиной Коннанта.

На следующем повороте внезапно остановился и Коннант. Его свистящее дыхание прервалось.

— О... Боже!

По коридорам прогремел мощный выстрел из револьвера. Потом раздались ещё два. Тут же револьвер отлетел в сторону, и Барклай увидел, как взметнулся к потолку ледоруб. Огромная фигура Коннанта напрочь загораживала обзор. Слышались жалобные рычащие звуки, и как ему показалось, безумное хихиканье. Собаки затихли; в их низком рычании слышалась смертельная опасность. Когтистые лапы скребли по твердому снегу; лязгали и звенели порванные цепи.

Потом Коннант резко отскочил в сторону, и Барклай смог наконец увидеть, что находилось впереди. На секунду он застыл, а затем со вздохом выругался.

Существо бросилось на Коннанта.

Мощные руки мужчины с размаху ударили ледорубом по тому, что могло быть головой. Тварь страшно заверещала, и разорванная полудюжиной диких хаски, снова вскочила на ноги. Красные глаза пылали неземной ненавистью и неуничтожимой живучестью.

Барклай направил на него огнетушитель; ослепляюще-обжигающий поток химических брызг сбил его с толку. Перепуганные собаки сразу почувствовали перемену обстановки, осмелели и возобновили прерванную атаку

Макриди расталкивал людей, пока пробирался по узкому коридору, чтобы добраться до места схватки. В действиях Макриди была уверенная, заранее спланированная стратегия; в руках он держал одну из гигантских паяльных ламп, используемых для прогрева двигателей самолёта. Когда он завернул за угол и открыл клапан, раздался грозный рёв. Безумный вой стал громче. Собаки отпрянули от трехфутового языка синего пламени.

— Бар, возьми силовой кабель, проведи его сюда как-нибудь. И побыстрее! Мы можем убить этого монстра током, если я его не испепелю. — Макриди говорил с уверенностью в голосе, видно было, что он за ранее все продумал, Барклай бросился к электростанции, но его опередили Норрис и Ван Волл.

Барклай нашёл кабель в электротехническом отсеке в стене туннеля. Через полминуты он уже взломал его и тащил обратно. Ван крикнул:

— Подаю питание! — когда аварийная динамо-машина, работающая на бензине, пришла в действие. Ещё полдюжины мужчин находились внизу, запихивая хворост и уголь в топку паровой электростанции. Даттон работал шустрыми, ловкими пальцами на другом конце кабеля Барклая, подключая контактор к одному из силовых проводов.

Собаки отступили, когда Барклай достиг поворота, где находилось разъяренное чудовище, которое смотрело на него злобными красными глазами, скалясь от ненависти. Собаки расположились полукругом. Их морды были измазаны кровью, а зубы клацали со злобным остервенением, которое почти соответствовало ярости трёх красных глаз. Макриди стоял на повороте коридора, уверенно держа факел в руках, готовый к действию. Он отошёл в сторону, не сводя глаз с чудовища, когда к нему подошёл Барклай. На худощавом бронзовом лице Макриди появилась легкая усмешка.

В коридоре раздался голос Даттона, и Барклай пошёл вперед. Кабель был примотан скотчем к длинной ручке снегоуборочной лопаты, два проводника были разделены и удерживались на расстоянии 18 дюймов друг от друга обрезком пиломатериала, прикрепленным под прямым углом к дальнему концу ручки. Оголенные медные проводники, заряженные напряжением 220 вольт, сверкали в свете ламп накаливания. Существо шипело и изворачивалось. Макриди продвигался вперед со стороны Барклая. Собаки за дверью почувствовали их план почти телепатически. Их вой становился то громче, то тише, они подсеменили ближе. Внезапно на загнанного монстра прыгнула огромная, чёрная, как ночь собака по кличке Аляска. Существо взвизгнуло и выпустило острые, как сабли, когти.

Барклай рванулся вперед и ткнул оголенными проводами в тело монстра. Раздался странный, пронзительный крик, который сразу же оборвался. Вспышка — и коридор наполнился запахом горящей плоти. Клубами повалил густой дым. Гул динамо-машины, что слышался по коридору, превратился в глухой стук.

Красные глаза на сморщенном чудовищной гримасой лице помутнели. Существо повалилось на снег, и задергало лапами, которые были похожи на собачьи. Свора рванулась вперед, едва не сбив Барклая с ног, и принялась рвать на части неподвижное тело.

* * * *

Гэрри оглядел переполненную комнату. Тридцать два человека, многие в нервном напряжении стояли у стен, кто-то беспокойно оглядывался, некоторые сидели, было тесно как в банке с сардинами. Тридцать два, плюс ещё пятеро, занятых зашиванием раненых собак, — всего тридцать семь человек.

— Хорошо, я полагаю, что все в сборе. — Сказал Гэрри. Некоторые из вас – трое или четверо, не больше – видели, что случилось. Все вы видели эту штуку на столе и потому имеете о ней некоторое представление. Кто не видел, я покажу, — его рука потянулась к брезенту, накинутому на лежащую на столе тварь. От неё исходил едкий запах паленой плоти. Мужчины беспокойно зашевелились.

— Похоже, что Чарнак больше не будет вожаком своры, — продолжил Гэрри. — Блэр желает заполучить это существо и провести более детальное исследование. Мы хотим знать, что произошло, и убедиться, что оно окончательно мертво. Верно?

Коннант усмехнулся.

— Все, кто не знает, могут посидеть с ним сегодня вечерком.

— Хорошо, Блэр, что ты можешь сказать об этом? Что, во имя всего святого, это было? — Гэрри повернулся к маленькому биологу.

— Интересно, видели ли мы когда-нибудь его истинную форму? — Блэр посмотрел на накрытую массу. — Возможно, оно имитировало существ, которые построили тот корабль, но я так не думаю. Я думаю, это и была его истинная форма. Те из нас, кто был в тот момент возле псарни, видели это Нечто в действии. И вот результат. Придя в себя, это существо обнаружило, что Антарктика все так же заморожена, как много лет назад, когда оно впервые

попало сюда. Пока оно размораживалось, я срезал и исследовал его ткани. Исследования показали, что оно с планеты более жаркой, чем Земля.

В своем естественном виде оно не может выдержать такую температуру. На Земле нет такой формы жизни, которая могла бы жить в Антарктиде зимой, но лучший компромисс — это собака. Оно каким-то образом нашло собак и подобралось к Чарнаку достаточно близко, чтобы поглотить его. Остальные почуяли незваного гостя или услышали странные звуки, не знаю, всякое может быть. В любом случае, они взбесились, разорвали цепи и набросились на него, прежде чем оно закончило. Нечто, которое мы нашли, было частью Чарнака, наполовину переваренного желеобразной протоплазмой, и частью останков инопланетного существа.

— Когда собаки напали на него, он превратился в опасное боевое существо, которое только можно было придумать, видимо, в какого-то инопланетного зверя.

— Превратился, — проворчал Гэрри. — Как?

— Каждое живое существо состоит из протоплазмы и мельчайших частиц, так называемых ядер, которые контролируют протоплазму... Существо было лишь разновидностью непредсказуемой природы: клетки, состоящие из протоплазмы, управлялись крошечными ядрами. Вы, физики, можете сравнить отдельную клетку любого живого существа с атомом; основная часть атома, заполняющая пространство, состоит из орбитальных элементов электронов, но характер вещи определяется атомным ядром.

— Это не слишком выходит за рамки того, что мы уже знаем. Это просто некая модификация, которую мы раньше не видели. Это так же естественно, так же логично, как и любое другое проявление жизни, и подчиняется точно таким же законам. Клетки состоят из протоплазмы, их характер определяется ядром.

— Единственная разница состоит в том, что по желанию этой твари ядра могут изменять ее клетки. Пока оно переваривало Чарнака, оно изучило каждую клетку его ткани и сформировало свои собственные клетки, чтобы в точности имитировать их. Это – части, которые успели закончить трансформацию. Они являются собачьими клетками. Но у них нет ядер собачьих клеток. — Блэр приподнял часть брезента. Показалась изувеченная лапа собаки с грубой серой шерстью. — Это, например, вообще не собака, а имитация. В некоторых частях, я не уверен; ядро пряталось, имитировало собачью клетку. Со временем даже микроскоп не показал бы разницы.

— Предположим, — спросил Макриди, — что было бы, если бы он успел поглотить пса?

— Тогда он бы сам стал собакой. Другие собаки приняли бы его за своего, и мы тоже. Ни микроскоп, ни рентген, ни любые другие земные средства доступные нам не смогли бы отличить их. Это представитель высшей разумной расы, которая узнала глубочайшие секреты биологии и использовала их в своих целях.

— Что оно собиралось делать? — Барклай посмотрел на свисающий брезент.

Блэр неловко усмехнулся. Его губы подергивались от подавляемой нервозности.

— Захватить весь мир, я полагаю.

— Захватить мир! Целый мир, да в одиночку? — выдохнул Коннант. — Стать единым диктатором?

— Нет. — Блэр покачал головой. Он случайно выронил скальпель, который вертел в руках. Биолог наклонился, чтобы поднять инструмент, так что, когда он произнес следующую фразу, его лица не было видно.

— Оно бы просто заселило Землю.

— Заселило Землю?! - Коннант опешил. — Оно что, размножается почкованием?

Блэр покачал головой и сглотнул.

— Это... это не обязательно. Оно весило 85 фунтов. Чарнак весил около 90. Оно могло бы стать Чарнаком, и у него осталось бы 85 фунтов, чтобы стать Джеком, например, или Чинуком. Оно может имитировать что угодно. Если бы оно достигло Антарктического моря, то стало бы тюленем, а может быть, двумя тюленями. Оно бы могло напасть на кита и стать китом. А может быть, оно поймало бы альбатроса или поморника и улетело в Южную Америку.

Пауэлл тихо выругался.

— И каждый раз, когда оно что-то поглощает и имитирует...

— У него должна была оставаться первоначальная масса, чтобы начинать превращение сначала. — Блэр закончил. — Ничто не могло бы убить эту тварь. У него нет естественных врагов, потому что оно становится тем, чем хочет. Если бы на него напал кит-убийца, он стал бы китом-убийцей. Если бы это был альбатрос и на него напал орёл, он стал бы орлом. Боже, он может стать самкой орла. А представьте, если оно так сможет откладывать яйца!

— Ты уверен, что эта адская тварь мертва? — тихо спросил доктор Коппер.

— Да, слава Богу! — вздохнул маленький биолог. — После того, как они отогнали собак, я пять минут стоял и тыкал в нее током той штуковиной, что смастерил Барклай. Она мертва и зажарена!

— Можно только радоваться, что оно попало в Антарктиду, где нет ни одного живого существа, чью форму он бы мог принять, кроме животных в лагере.

— Не считая нас! — усмехнулся Блэр. — Оно может имитировать нас. Собаки не могут пройти четыреста миль до моря; там нет еды. В это время года нет ни одной чайки, которую можно было бы имитировать. Нет никаких пингвинов так далеко в глубине материка. Тут нет никого, кто бы мог добраться до побережья. Кроме нас! Мы разумны. Только мы в состоянии сделать это. Неужели вам не понятно, что она собирается трансформироваться в одного из нас? Только так она может завладеть самолётом и покорить Землю всего за два часа. Оно захватит мир, если примет наше обличье!

— У твари ещё не было возможности это узнать. Она очень торопилась и приняло форму существа, наиболее близкого ей по размеру. Смотрите, я – Пандора! Я открыл ящик! Но я обо всём позаботился! Я вывел из строя все средства передвижения! Ни один самолёт не сможет взлететь. Ничто и никто не сумеет выбраться отсюда! — Блэр истерично расхохотался, рухнул навзничь и принялся кататься по полу.

Главный летчик Ван Волл бросился к двери. Его шаги гулко отдавались в коридорах. Доктор Коппер склонился над бившимся в истерике Блэром, затем открыл свой медицинский чемоданчик и достал одноразовый шприц и сделал Блэру укол в руку с успокоительным.

— Надеюсь, он прийдет в себя, когда очнется, — со вздохом сказал доктор, поднимаясь. Макриди помог ему перенести биолога на ближайшую койку. — Все зависит от того, сможем ли мы убедить его, что эта тварь мертва.

Ван Волл вернулся в хижину, небрежно вытирая руки.

— Я не думал, что биолог может сработать так тщательно. Он упустил запасную технику во втором складе. Но ничего, я о ней позаботился.

Гэрри кивнул.

— А вот что на счет радио?

Доктор Коппер фыркнул

— Неужели ты думаешь, что это существо может просочиться по радиоволне? Если связь будет прервана, за нами в течение трех месяцев будет отправлено пять спасательных бригад. Наоборот, нам нужно поддерживать связь в обычном режиме, но молчать о происшествии. Теперь мне интересно было бы знать...

Макриди пристально посмотрел на доктора.

— Ведь это может быть сродни заразной болезни, а у нас многое испачкано её кровью?

Коппер покачал головой.

— Блэр что-то упустил. Эта тварь, видимо, способна имитировать любые жизненные формы, но в любом случае у нее должно быть что-то своё, собственная жизненная структура, своя химия тела, свой метаболизм. Иначе бы она превратилась, например, в собаку и была бы просто собакой и ничем больше. Это должна быть имитация собаки. Поэтому ее можно обнаружить с помощью сывороточных тестов. Поскольку эта тварь из другого мира, ее химия должна коренным образом отличаться от нашей, поэтому несколько её клеток, к примеру, капля крови, были бы восприняты человеческим или собачьим организмами как вирусы.

— Кровь...у этой имитации может быть кровь? — спросил Пауэлл.

— Конечно, в крови нет ничего особенного, — заверил его Коппер. Мышцы на девяносто процентов состоят из воды. Кровь отличается от них только тем, что в ней воды на пару процентов больше, а связующих клеток меньше. У этого существа точно так же текла бы кровь.

Блэр неожиданно сел на своей койке и спросил.

— Коннант... где Коннант?

Физик подошёл к маленькому биологу.

— Я здесь. Чего тебе нужно?

— А ты — это ты? — хихикнул Блэр. Он рухнул обратно на койку, корчась от беззвучного смеха.

Коннант смотрел на него непонимающе.

— Что значит я — это я?

— А ты ли это? – Блэр разразился хохотом. — Ты Коннант? Тварь ведь хотела стать человеком, а не собакой...

ГЛАВА 5

Доктор Коппер устало поднялся с койки и тщательно промыл гиподермический шприц. Тихие звуки, которые он издавал, казались громкими в битком набитой комнате, когда заливистый смех Блэра наконец затих. Коппер посмотрел на Гэрри и медленно покачал головой.

— Боюсь, безнадежно. Не думаю, что нам удастся убедить его в том, что Нечто мертво.

Пауэлл неуверенно рассмеялся.

— Не уверен, что ты сможешь даже меня в этом убедить. Черт тебя побери, Макриди.

— Макриди? — Командующий Гэрри с любопытством перевел взгляд с Пауэлла на Макриди.

— Дело в его кошмарах, — объяснил Пауэлл. — Он рассказал мне о кошмарах, которые снились ему на Вспомогательной базе после того, как нашли эту штуку.

— И что же...? — Гэрри пристально посмотрел на Макриди.

Метеоролог прочистил горло и беспокойно заерзал.

— Это существо не было мертво, оно пребывало в каком-то анабиозном состоянии, которое, тем не менее, позволяло ему частично быть в сознании. Создание ждало все эти годы кого-то вроде нас, тех, кто обнаружит его. Мне приснилось, что оно обладает способностью к имитации.

— Ну, возможно, — хмыкнул Коппер

— Не будь болваном, — огрызнулся Пауэлл. — Меня беспокоит не это. По его словам, что оно может проникать в разум, читать мысли и копировать манеры поведения.

— Что в этом плохого? Похоже, это волнует тебя больше, чем мысль о веселом времяпрепровождении с сумасшедшим в антарктическом лагере. — Коппер кивнул в сторону спящего Блэра.

Лицо Макриди исказилось в ухмылке.

— Вы, ребята, прекрасно знаете, что Коннант — это Коннант, потому что он не просто выглядит как Коннант — а мы начинаем верить, что тварь способна нас в этом убедить — но он думает, как Коннант, говорит как Коннант, передвигается как Коннант. А для этого нужно не просто имитировать внешность. Для этого нужен собственный разум, мысли и манеры Коннанта. Поэтому, хотя вы знаете, что Нечто может принять облик Коннанта, вас это не сильно беспокоит, потому что вы прекрасно понимаете, что оно обладает разумом из другого мира, и потому не сможет реагировать, думать и говорить как человек, которого мы знаем, и делать это так идеально, что мы даже бровью не поведём. Идея существа, имитирующего одного из нас, восхитительна, но слишком нереальна, чтобы ввести нас в заблуждение. У этого существа не человеческий разум.

— Я уже говорил тебе это и повторю ещё раз, — сказал Пауэлл, пристально глядя на Макриди, — Жути нагоняешь, да ещё в такое неподходяще время. Заканчивай фантазировать уже!

Киннер, стоявший рядом с Коннантом, вдруг направился через переполненное народом помещение к своей кухне и шумно вытряхнул пепел из кухонной печи.

— Ничего бы это не дало, – сказал доктор Коппер тихо, словно размышляя вслух, — просто выглядеть как то, чему он пытается подражать недостаточно; он должен понимать свои чувства, свои реакции. Это не человек; он обладает способностями к имитации, превосходящими все представления о природе человека. Хороший актёр, натренировавшись, может имитировать другого человека, копировать его манеры достаточно хорошо, чтобы обмануть большинство людей. Конечно, ни один актёр не может имитировать настолько идеально, чтобы обмануть людей, которые жили с имитируемым в полном отсутствии уединения в антарктическом лагере. Это потребовало бы сверхчеловеческого мастерства.

— Ох, и тебя туда же понесло! — Пауэлл негромко выругался.

Коннант, стоявший в одиночестве в другом конце комнаты, дико озирался по сторонам, его лицо было бледным. Постепенно люди потихоньку оттеснили его в другой конец комнаты, так что он стоял совершенно один.

— Вы двое можете заткнуться, бога ради? — Голос Коннанта дрожал.

— Вы ведь говорите сейчас обо мне? Я вам что, какой-то паразит для изучения или червь, которого вы обсуждаете в третьем лице?

Макриди поднял на него глаза; его медленно двигающиеся руки на мгновение остановились.

— Мы прекрасно проводим время, Коннант. Как жаль, что тебя нет с нами. Подпись: все. Коннант, если ты думаешь, что тебе чертовски не везет, просто пересядь на другой конец на некоторое время. У тебя есть то, чего нет у нас; ты знаешь, каков ответ. Вот что я тебе скажу: сейчас ты самый грозный и уважаемый человек на всей базе.

— Господи, видели бы вы сейчас свои глаза! — задыхался Коннант. — Хватит пялиться! Что, чёрт возьми, вы собираетесь делать?

— У тебя есть какие-нибудь предложения, Коппер? — уверенно спросил Гэрри.

— Нынешняя ситуация кажется невероятной.

— Неужели? — Коннант раздраженно огрызнулся. — Подойди сюда и посмотри на эту толпу. Ей-богу, они похожи на ту свору хаски из псарни! Беннинг, может бросишь уже этот хренов ледоруб?

Медное лезвие звякнуло об пол, когда авиамеханик от волнения выронил его. Он нагнулся, тут же поднял его и медленно повертел в руках, его карие глаза метались по комнате.

Коппер присел на койку рядом с Блэром и так шумно заскрипела. Далеко в коридоре завыла от невыносимой боли собака. Беднягу тихо успокаивали участливые голоса собаководов.

— Как заметил Блэр, исследование под микроскопом бесполезно, — задумчиво произнес доктор. Прошло достаточно времени. Однако серные тесты могут дать результат

— Серные тесты. Что вы имеете в виду? —спросил Гэрри.

— Кролику в течение некоторого времени увеличивающимися дозами переливают человеческую кровь. Затем из его крови делают сыворотку. Потом берут две пробирки. В одну наливают кровь человека, а в другую кровь любого другого живого существа. Затем в обе пробирки добавляют изготовленную сыворотку и чистую серу. В пробирке, где была кровь человека, будет происходить активная химическая реакция. А там, где кровь коровы или собаки... да любой другой белковый материал, кроме человеческой крови, никакой реакции не будет. Такой тест точно докажет, кто есть кто.

— Не подскажешь, где я мог бы поймать для тебя кролика, Док? — спросил Макриди. — Только в Австралию тащиться мне не с руки.

— Я знаю, что в Антарктиде нет кроликов, — сказал Коппер с кивком, — Подойдет любое другое животное, кроме человека. Например, собака. Но тест займет несколько дней, а из-за крупных размеров животного потребуется несколько большее количество человеческой крови, чем при опыте с кроликом. Двое из нас должны будут пожертвовать свою кровь. Одним буду я, а вторым...

— Я подойду? — спросил Гэрри.

— Ну вот нас уже и двое, — кивнул Коппер. — Я сейчас же приступлю к работе.

— А что тем временем делать с Коннантом? — поинтересовался Киннер. — Я скорее выйду на поверхность и пешком дойду до моря Росса, чем стану готовить для него пищу!

— Он может оказаться человеком... — начал Коппер.

Коннант разразился потоком ругательств.

— Человек, может быть человек, ты, проклятый кусок дерьма! За кого вы меня принимаете, черт возьми?

— За монстра, — резко огрызнулся Коппер. — А теперь заткнись и слушай.

После этих слов лицо Коннанта побелело, и он тяжело сел.

Коппер продолжал:

— Пока мы не узнаем человек ты или нет – а ты прекрасно знаешь, что у нас есть основания, чтобы сомневаться в этом – мы вынуждены тебя изолировать. Ведь если ты не человек, ты намного более опасен, чем бедняга Блэр. Впрочем, он представляет собой реальную угрозу и, я полагаю, тоже должен быть изолирован. Возможно, что его следующей стадией будет яростное желание убить тебя, всех собак и возможно, всех нас. Когда он очнется, он будет убежден, что мы все нелюди, и ничто на планете не переубедит его в обратном. Было бы гуманнее дать ему умереть, но мы, конечно, не можем этого сделать. Мы запрём его, а ты останешься в своей лаборатории со своими приборами, так что тебе к этому не привыкать Мне нужно подготовить пару собак для тестов.

Коннант с горечью кивнул.

— Я человек. Поторопитесь с этим тестом, ради Бога. Ваши глаза...Боже, как бы я хотел, чтобы вы увидели свои глаза...

* * * *

Гэрри с тревогой наблюдал за тем, как собаковод Кларк держал за ошейник большого бурого пса по кличке Аляскин. Коппер взялся за работу. Пес не очень рвался сотрудничать, игла причиняла ему боль, ведь ему сегодня утром уже делали не мало уклолов. Пять швов стягивали края раны, тянувшейся от холки, почти на пол тела. Один из клыков Аляскина был наполовину обломан. Недостающую его часть наверняка можно было найти в плечевой кости существа, что лежало на столе в главном корпусе.

— Сколько времени это займет? — спросил Гэрри, осторожно держась за место укола на руке, откуда Доктор Коппер взял у него кровь.

Коппер пожал плечами.

— Я не знаю, если честно. Мне известен общий метод. Я делал подобные опыты на кроликах, но ни разу не экспериментировал с собаками. Это большие, неуклюжие животные, с которыми нужно работать; естественно, кролики для этого лучше подходят. На материке всегда можно купить десяток кроликов с уже перелитой человеческой кровью, ученым не часто приходится заниматься переливанием самостоятельно.

— И что они с ними делают? — спросил Кларк.

— Их используют в криминологии. К примеру, А говорит, что не убивал Б, а пятна, обнаруженные на его рубашке, — это кровь зарезанного им цыпленка. Делается тест, после чего А объясняют, что кровь цыпленка наблюдаемой реакции никогда бы не вызвала. Кровь реагирует на кроликов с человеческим иммунитетом, но не на кроликов с куриным иммунитетом.

— Что нам делать с Блэром в это время? — устало спросил Гэрри. — Пусть, конечно, спит на своем месте, но когда он проснется...

— Барклай и Беннинг уже укрепляют двери космической лаборатории, — мрачно сказал доктор. — Коннант ведет себя как джентльмен. Я думаю, выражение наших глаз дает ему право желать покоя и одиночества. Бог свидетель, каждый из нас хоть однажды мечтал здесь о покое и одиночестве.

Кларк усмехнулся.

— Но только не сейчас. Вместе веселее.

— Блэр также нуждается в покое и запертых дверях. — продолжил Коппер. — Когда он проснется, у него в голове появится вполне определенный план. Слышали о самом надёжном способе остановить эпидемию среди крупного рогатого скота?

Кларк и Гэрри молча покачали головами.

— Нужно перебить весь скот. Как больных, так и здоровых. — объяснил Коппер.

— Блэр – биолог, и прекрасно знает это. Он боится этой твари, которую мы выпустили. Вероятно, теперь ответ в его голове достаточно ясен. Убить всех и вся в этом лагере, пока чайка или кочующий альбатрос не забрели сюда и не подхватили эту заразу.

Губы Кларка скривились в усмешке.

— По-моему, звучит логично. Если дела пойдут совсем плохо, может быть, нам лучше отпустить Блэра на свободу. Он избавит нас от самоубийства. Мы можем даже дать друг другу что-то вроде клятвы.

Коппер тихонько засмеялся.

— Последний живой человек на всей базе не будет человеком, — заметил он. — Помимо всего прочего, кому-то придется убивать тех, кто не способен на самоубийство. У нас недостаточно взрывчатки, чтобы решить проблему разом, а деканит здесь не поможет. У меня есть подозрение, что даже маленькие кусочки одного из этих существ могут быть самостоятельными организмами.

— Если они могут изменять свою форму по своему желанию, разве они не могут просто изменить себя в птиц и улететь? — задумчиво произнес Гэрри. — Они могут залезть к нам в голову и узнать всё о птицах и имитировать их строение, даже не встречая их. Или подражать, скажем, птицам своей родной планеты?

Коппер покачал головой и помог Кларку снять с собаки медицинское оборудование.

— Люди веками изучали птиц, пытаясь понять, как создать машину, чтобы летать, как они. Никому это так и не удалось. Успех в этом деле пришёл только тогда, когда человек перестал подражать птицам и попробовал новые методы. Знание общей идеи о структуре крыла, костей или нервной системы — это совершенно другое. Что же касается летающих созданий с других планет, то вполне возможно, что их птицы не смогли бы летать в земной атмосфере. Оно могло жить на планете, подобной Марсу, с таким разреженным воздухом, что там не может быть никаких птиц.

В главный корпус вернулся Барклай, таща на плече трос от самолёта.

— Все готово, док. Из лаборатории космического излучения выбраться без посторонней помощи невозможно. Теперь будем решать, куда мы поместим Блэра?

Коппер взглянул в сторону Гэрри.

— Биологической лаборатории у нас нет. Я не знаю, где мы можем его запереть.

— Как насчет Восточного склада? — сказал Гэрри после минутного раздумья. — Блэр сможет позаботиться о себе сам или за ним нужно присматривать?

— Он вполне дееспособен. За нами бы кто присмотрел. — мрачно заметил Коппер. — Поставим ему печь, оставим пару мешков с углем и всё необходимое. Там ведь никого не было с прошлой осени, верно?

Гэрри кивнул.

— Если он будет сильно шуметь, я подумал, что это может быть хорошей идеей.

Барклай поднял инструменты, которые он нес, и посмотрел на Гэрри. Если он будет бормотать весь этот бред и ночью, то это будет то ещё испытание.

— А что он бормочет? — спросил Коппер.

Барклай пожал плечами.

— Я не очень-то прислушивался. Сам слушай эту чушь, если хочешь. Но я понял, что у этого идиота были всё те же сны, что и у Макриди, а может ещё и хуже. Он уснул рядом с этим существом, когда мы возвращались со Второй станции, помнишь? Ему снилось, что существо ожило, и все такое. И черт меня подери, если Блэр не догадался о большем! Он знал, что у твари есть телепатические способности, и что у оно может не только читать мысли, но и внушать их. Тварь и сейчас влияет на него, навязывает ему идеи, пока он спит. Вот почему он так много знал о его способностях! Думаю, все дело в том, что мы с тобой, док, не столь чувствительны, если конечно ты веришь в телепатию.

— Мне приходится в неё верить, — тихо сказал Коппер. — Доктор Райн из Дьюкского университета доказал, что она существует. Просто люди неодинаково чувствительны к ней.

— Что же, если тебя интересуют подробности, пойди послушай, что он там вещает!

Из главного корпуса все разбежались. Остался только Киннер, гремящий сковородами, а в промежутках помешивающий угли

— Кстати, командир, что мы будем делать весной, ведь все самолёты выведены из строя?

Гэрри вздохнул.

— Боюсь, что наша экспедиция обречена на провал. Мы и сейчас не можем ничего поделать.

— Никакой это не провал, если мы мы будем живы и сделаем все возможное! — возразил ему Коппер. — Если нам удастся взять под контроль ту тварь, то она очень пригодится учёным. Результаты исследований по космическим лучам, магнитному полю и наблюдениям атмосферы человечеству тоже не помешают.

Гэрри невесело усмехнулся.

— Я как раз думал о радиопередачах. Рассказывать половине мира о замечательных результатах наших исследований, пытаясь обмануть таких людей, как Бьёрд и Эллсворт, недоговаривая об остальном.

Коппер решительно кивнул.

— Они поймут, что тут что-то не так. Но они поймут и то, что мы не стали бы так поступать без веской причины, и они будут ждать нашего возвращения. Я думаю, все сводится к следующему: люди, которые знают достаточно, чтобы распознать наш обман, будут ждать

нашего возвращения. А те, кто не обладает достаточным благоразумием и верой, чтобы ждать, не смогут обнаружить обман. Мы достаточно знаем здешние условия, чтобы распознать хороший блеф.

— Только бы они не послали "спасательные" экспедиции, — взмолился Гэрри. — Когда...если....мы когда-нибудь будем готовы к убраться отсюда, нам придется передать капитану Форсайту, чтобы он захватил с собой запас магнитов, когда он отправится за нами. Но не важно.

— Ты имеешь в виду, если нам не удастся выбраться? — спросил Барклай. — Даже если мы передадим по радио грохот землетрясения, это не поможет. Ничто никогда не заставит людей держаться подальше отсюда. Скорее всего получится слезливая сцена из плохонького ужастика, когда в живых остаётся лишь один. Тот, кто сделает всё возможное, чтобы его нашли.

Гэрри искренне улыбнулся.

— Неужели все в лагере тоже так думают?

Коппер усмехнулся.

— Что скажешь, Гэрри? Мы уверены, что сможем выиграть. Но, думаю, это будет не просто.

Кларк натянуто улыбнулся, глядя на собаку, которую он успокаивал.

— Говоришь, док, уверены?

* * * *

Блэр беспокойно расхаживал по маленькому помещению, бросая задумчивые взгляды на четырех человек, стоявших у двери: Барклая, шести футов ростом и весом более 190 фунтов, Макриди, такого же роста, но более худощавого, доктора Коппера, невысокого, приземистого, крепкого, и Беннинга, пяти футов, жилистого и сильного.

Блэр прижался к дальней стене Восточного склада, его вещи, сваленные в кучу в центре помещения, представляли собой баррикаду, отделившую его от остальной четверки

— Пусть никто ко мне не приходит, — сказал он нервно. — Киннер, может, пока ещё и человек, но я в этом сомневаюсь. Я сам буду себе готовить. Мне не нужна ваша пища. Я выберусь от сюда, но от вас еды я не возьму. Я буду питаться исключительно консервами.

— Хорошо, Блэр, мы принесем их сегодня вечером, — пообещал Барклай.

— У тебя есть уголь и спички, можешь топить печь. — Он сделал шаг вперед. — А если...

Блэр мгновенно отскочил в самый дальний угол.

— Прочь от меня, монстр! — взвизгнул он и принялся скрести ногтями стену, словно пытался проковырять в ней дыру и выбраться из помещения, — Убирайся отсюда! Я не хочу превратиться в монстра, как ты!

Барклай вздохнул и отошёл назад. Доктор Коппер покачал головой.

— Оставь его в покое. Бар. Пусть лучше сам готовит себе еду. А нам, полагаю, лучше запереть покрепче двери...

Все четверо вышли. Беннинг и Барклай тут же занялись дверью. В антарктическом лагере не было замков, поскольку отсутствовали каморки, где можно было бы уединиться. В замках попросту не было необходимости. Поэтому на дверь поставили два мощных засова

и обмотали ее стальным тросом. Потом Барклай прорезал в двери небольшое окно, через которое можно было передавать предметы, не трогая основные запоры. Окно также запиралось на засов. Изнутри открыть дверь и окошко было невозможно.

Блэр беспокойно метался внутри. Он тащил что-то к двери, задыхаясь и бормоча неистовые проклятия. Барклай открыл люк и заглянул внутрь, доктор Коппер заглянул ему через плечо. Блэр придвинул тяжелую койку к двери. Теперь её нельзя было открыть без его участия даже снаружи.

— Я, конечно, не знаю, но у этого человека должны остаться хоть какие-то права, — со вздохом сказал Макриди. — Если он вырвется на свободу, его заклятое намерение – убить каждого из нас как можно быстрее, чего мы не можем допустить. У нас и так проблем полно по эту сторону двери. И тем не менее, если кто-то из нас погибнет, я вернусь и сломаю все эти запоры.

Барклай усмехнулся.

— Сообщи мне, и я покажу тебе, как быстро все это снять. Пора возвращаться.

Северный горизонт играл всеми цветами радуги, сверкая под его огненными красками миллионом отражающихся бликов. Контуры заснеженных холмов резко выделялись на его фоне. Маленькие вихри поднятого ветром снега уносились от их лыж, когда они направились к основному лагерю, расположенному в двух милях от них. Снег под их лыжами был похож на мелкий твердый песок.

— Скоро наступит весна, — с горечью сказал Беннинг. — Разве не здорово! Мне так и хочется убраться подальше от этой проклятой ледяной дыры!

— На твоём месте я бы не пытался делать это сейчас, — отозвался Барклай, — в ближайшие дни любой, кто решит убраться отсюда, вызовет у остальных большие подозрения

— Как там ваши собаки, док? Уже есть результаты? — спросил Макриди.

— Прошло только тридцать часов, Мак. Я только сегодня перелил ей свою кровь. Но я полагаю, что потребуется ещё пять дней. Если прервать эксперимент раньше, результаты могут оказаться недостоверными.

Барклай задумчиво сказал.

— Мне интересно, если бы Коннант... изменился... предупредил бы он нас сразу? Не подождал бы, пока тварь полностью перевоплотится, пока мы сами не проснулись?

— Эта тварь чрезвычайно живуча, — заявил Макриди. — Я думаю, каждая ее частица – отдельный организм. Это все те странные сны, бессознательно передаваемые телепатические видения, скажем так. Если бы Коннант обратился, чтобы спасти свою шкуру, он должен был бы... Чёрт, но ведь чувства Коннанта не изменились, они полностью имитируются этим созданием. А значит, тварь, имитируя чувства Коннанта, вела бы себя точно так, как вел бы себя и Коннант. Имитацию невозможно разоблачить.

— Скажи, могли бы Норрис или Вэйн устроить Коннанту тест? Если знания Нечто превосходят людские, то оно явно будет знать больше, чем Коннант, и на этом и попадется.

Коппер устало покачал головой.

— Нет, если оно читает мысли, то знает все твои шаги на перед. Вэйн предложил это прошлой ночью. Он рассчитывал, что существо ответит на некоторые вопросы физики, на которые человек хотел бы знать ответы.

— Эта экспедиция из четырех человек проходит просто отлично! — Макриди посмотрел на своих компаньонов. – Каждый друг друга в чем-то да подозревает. Мужики, разве нам не стоит доверять друг другу? Каждый смотрит на своего соседа с большим недоверием... Я начинаю понимать, что Коннант имел в виду, говоря: "Хотел бы я, чтобы вы видели свои глаза". Время от времени у всех нас это случается, я думаю. Каждый из нас хотя бы однажды думал, "что там задумали те трое?". Между прочим, я не исключаю и себя.

— Насколько нам известно, монстр мёртв, и никто кроме Коннанта не попадает под подозрения, — заявил Коппер. — А договоренность все время быть на виду друг у друга – всего лишь мера предосторожности.

— Докладываем Гэрри и ложимся спать. – Барклай вздохнул. — Я все время считал, что у меня нет возможности уединиться. Но теперь, после этой договоренности...

* * * *

Никто не следил за маленькой пробиркой, наполовину заполненной желтоватой жидкостью так напряженно, как Коннант. Одна-две-три-четыре-пять капель прозрачного раствора, который доктор Коппер приготовил из крови, взятой из руки Коннанта. Пробирку осторожно встряхнули, затем поместили в стакан с чистой теплой водой. Термометр показал температуру крови, маленький термостат шумно щелкнул, и электрическая плита начала раскаляться. Свет слегка мерцал.

В желтоватой жидкости плавали маленькие белые хлопья.

— Боже мой... — сказал Коннант. Он тяжело опустился на койку, заплакав, как ребенок.

— Шесть дней...— всхлипывал Коннант, — шесть дней ждать, не соврет ли этот проклятый тест...

Гэрри молча подошёл и по хлопал физика по спине.

— Тест не должен соврать, — сказал доктор Коппер. — Кровь среагировала на серу.

— Он в порядке? — Пауэлл выдохнул. — Значит, тварь мертва окончательно?

— Он человек.

Коппер решительно заявил:

— А тварь мертва окончательно.

Киннер вскочил со стула и разразился истерическим смехом. Макриди повернулся к нему и пару раз ударил по щекам. Повар расплакался, потом вновь расхохотался. И наконец сел, растирая щеки и бормоча слова благодарности.

— О боже.... Как мне было страшно! Боже, как мне было страшно...

Макриди усмехнулся.

— Думаешь, нам страшно не было, придурок? Думаешь, Коннант не был напуган?

Главный корпус наполнился радостью. Мрачные, настороженные лица расцвели веселыми и дружелюбными улыбками. Люди собрались вокруг Коннанта, хлопали его по спине. Сам Коннант беспрерывно говорил что-то неестественно громким голосом. Кто-то высказал предложение, и дюжина людей бросилась к своим лыжам.

— Блэр...Блэр может вернуться, – сказал Гэрри.

Решение было принято быстро. Группа людей отправилась к хижине Блэра, шумно стуча лыжами. Вниз по коридору подняли радостный лай собаки.

Доктор Коппер суетился со своими пробирками. Макриди заметил его первым: он сидел на краю койки с и держал в руках две пробирки с белыми хлопьями. Его лицо его было белее, чем снег, а из широко открытых от ужаса глаз текли слезы.

Макриди почувствовал, как холодный нож страха пронзил его сердце. Что-то было не так.

Коппер поднял голову.

— Гэрри! Гэрри, ради Бога, скорее сюда! — хрипло позвал он.

Командующий Гэрри быстро подошёл к нему. В главном корпусе воцарилась тишина. Коннант поднял глаза и тяжело поднялся со своего места.

— Гэрри! Ткань от монстра тоже подвержена реакции. Это ничего не доказывает! Ничего, кроме того, что один из нас двоих, сдававших кровь… один из нас монстр!

ГЛАВА 6

— Мак, отзови тех ребят, пока они не рассказали Блэру, — сказал Гэрри.

Макриди вышел, его приглушённый крик донёсся до молчаливых мужчин. Затем он вернулся.

— Они идут. — сказал он. — Я не объяснил, зачем это нужно, просто сказал, что доктор Коппер просил их не уходить.

— Ван Волл, — вздохнул Гэрри. — Ты теперь за старшего. Помоги тебе Господь, но я больше не могу.

Ван Волл поднял ошарашенный взгляд на Гэрри.

— Но...

— Но может, это я.… — ответил Гэрри. — Я знаю, что это не так, но в любом случае не смогу вам это доказать. Тест доктора Коппера не сработал, и монстру было бы не выгодно дать нам узнать, что тест бесполезен, так что выходит, что он – человек.

Коппер тихонько качался вперёд-назад на лавке.

— Я знаю, что я — человек. Но не могу этого доказать. Один из нас двоих лжёт, и если тест не врёт, то один из нас — монстр. Я доказал, что тест не работает, что доказывает, что я — человек. А теперь Гэрри привёл аргумент в пользу того, что он — человек, если он был монстром, не раскрыл бы себя. И это какой-то замкнутый круг...

Коппер начал крутить головой в такт словам. Внезапно он лёг на лавку, заливаясь смехом.

— Тест не обязательно должен определять, что из нас монстр! Совсем не обязательно! Ха-ха! он бы сработал так же, будь мы здесь все монстрами! Мы все здесь монстры, все! Коннант, и Гэрри, и я — и все вы!

— Макриди, — тихо позвал Ван Волл, — ты ведь собирался получить степень доктора медицинских наук, когда занялся метеорологией, не так ли?

Макриди медленно подошёл к Копперу, взял из его руки раствор для инъекций и тщательно обработал 98% спиртом. Гэрри с деревянным лицом сел на краю койки, бесстрастно взирая на Коппера и Макриди.

— Возможно, Коппер прав, — вздохнул Макриди. — Ван, ты поможешь мне. Спасибо.

Шприц вонзился в бедро Коппера. Его смех медленно утихал, переходя во всхлипывания, затем, когда морфин подействовал и он уснул.

Макриди снова повернулся. Мужчины, которые собрались за Блэром, стояли в конце комнаты с заснеженными лыжами в руках, их лица были белые, как снег. Коннант держал по зажжённой сигарете в руках, одну он задумчиво курил, уставившись в пол. Жар от другой сигареты привлёк его внимание, и он начал смотреть на неё. Он бросил сигарету и медленно придавил её ногой.

— Доктор Коппер, — произнёс Макриди, — может и прав. Я знаю, что я — человек, но, конечно, не могу это доказать. Я сделаю новый тест по моей информации. Вы все тоже можете за мной повторить.

Через две минуты Макриди держал тестовую пробирку с белым пенициллином, медленно оседающем на желтоватой плазме.

— Он тоже даёт реакцию на человеческую кровь, поэтому они — не монстры.

— Я про них и не думал. — пожал плечами Ван Волл. — Это тоже не устроило бы монстра; мы бы сразу уничтожили их, если бы узнали точно. Кстати, как ты думаешь, почему монстр не уничтожил нас? Тут он явно облажался.

Макриди фыркнул. Затем тихо рассмеялся.

— Элементарно, мой дорогой Ватсон! Монстру нужны разные формы жизни. Он не может вселиться в мёртвое тело. Он выжидает удобный случай. Он держит нас, оставшихся людей, про запас.

Киннер внезапно встрепенулся.

— Эй, эй, Мак. Мак! А я бы узнал, что я монстр? Я бы узнал, если монстр уже меня захватил? О, Господи, может, я уже монстр!

— Ты бы знал. — ответил Макриди.

— Но мы бы... нет! — Пауэл залился тихим, полуистеричным смехом.

Макриди посмотрел на оставшуюся в пузырьке сыворотку.

— Есть одна вещь, на которую эта проклятая дрянь годится. — задумчиво сказал он. — Кларк, вы с Ваном поможете мне? Остальным лучше держаться вместе. Присматривайте друг за другом, — добавил он с горечью, — смотрите, чтобы ничего не произошло, ясно?

Макриди двинулся по туннелю к загону с собаками, за ним шли Кларк и Ван Волл.

— Тебе нужно больше плазмы? — спросил Кларк.

Макриди кивнул.

— Тесты. У нас есть четыре коровы и один бык. И почти семьдесят собак. Эта штука реагирует только на человеческую кровь. И на монстра.

* * * *

Макриди вернулся в главный корпус и молча подошёл к умывальнику. Через минуту к нему присоединились Кларк и Ван Волл. Губы Кларка задрожали, и он неожиданно чихнул.

— Ты что делаешь? — Коннант внезапно разразился. — Заразу тут разносишь?

Кларк хмыкнул и остановился, икнув. — Заразу, ага. Вся зараза уже и так распространилась!

— Этот монстр, вполне логично действует. — уверенно сказал Ван Волл. — Наша собака была привита, и мы взяли ещё немного сыворотки для анализов. Больше тесты мы делать не будем.

— Нельзя... нельзя использовать кровь одного человека на другой собаке...— начал Пауэлл.

— Собак больше нет, — тихо сказал Макриди — Ни одной. И скота тоже нет.

— Больше нет... собак? — Беннинг медленно осел.

— Они выглядят отвратительно, когда начинают медленно менять форму, — сказал Ван Волл, то устройство для электрошока, которое придумал Барклай, очень быстро действует. Осталась только одна собака - та, которую мы привили. Монстр оставил ее, чтобы мы могли поиграть в наш маленький тестик. Остался только...

— Скот... — сглотнул Киннер.

— Да, именно. Они выглядят чертовски забавно, когда начинают плавиться. Из собачьих цепей монстр быстро вырваться не мог, ведь сначала ему надо было перестать быть собакой.

Киннер медленно встал. Его взгляд метался по комнате и остановился на жестяном ведре на камбузе. Медленно, шаг за шагом, шаг за шагом, направился к двери, глотая ртом воздух, словно вытащенная из воды рыба.

— Молоко... — прошептал он. — Я доил их час назад...— Его голос сорвался на крик, когда он выбежал через дверь.

Он выскочил наружу без верхней одежды.

Ван Волл некоторое время задумчиво смотрел ему вслед.

— Скорее всего, он абсолютно спятил, – сказал он в конце концов, – но он может оказаться чудовищем, которому удалось сбежать. Барклай, Роузен, Тайдер и Пауэлл – поймайте его. Даже лыжи с собой не взял. Возьмите паяльную лампу на всякий случай!

Их стремительные приготовления немного разрядили обстановку. Но потом остальные трое почувствовали себя совсем плохо. Даттон, позеленев лицом, лежал на нижнем ярусе койки, глядя на дно второго яруса.

— Мак, как долго коровы были...

Макриди безнадежно пожал плечами. Он подошел к ведру с молоком и со своей маленькой пробиркой с сывороткой принялся за работу. Молоко помутнело, что затрудняло определение. Наконец он опустил пробирку в подставку и покачал головой.

— Тест отрицательный, а это значит, что либо они были на тот момент настоящими коровами, либо, будучи идеальными имитациями, они давали очень хорошее молоко.

Коппер во сне дернулся, издал какой-то звук, нечто среднее между стоном и смехом. Все безмолвно посмотрели на него.

— А морфий мог бы подействовать на тварь? — спросил кто-то.

— Бог его знает, — Макриди пожал плечами. — Он действует на любое земное существо.

Коннант внезапно поднял голову.

— Мак! Должно быть, собаки сожрали куски монстра, и это их и убило! Собаки были там, где обитал монстр. Я был заперт. Разве это не доказывает...

Ван Волл покачал головой.

— Извини. Это ничего не говорит о том, кто ты такой. Доказывает лишь то, чего ты не делал.

— Этого ничего не доказывает, — вздохнул Макриди — Мы беспомощны, потому что мало знаем. Мы сильно возбуждены, раздражены, и поэтому не можем принять верное решение. Сидим взаперти. Господи, что за издевательство! Вы когда-нибудь видели, как белое тельце крови проходит через стенку кровеносного сосуда? Нет? Оно просовывает такой тонкий псевдоподий, что он может просочиться между стенками клеток, проталкивает его на другую сторону, а затем просто проходит через. И вот оно уже на дальней стороне стенки.

— Ох, — несчастно сказал Ван Волл. — Оно ведь могло просто расплавиться! Стать желеобразной массой и протечь под дверью, чтобы за ней опять превратиться в корову...

— Если, — сказал Макриди, — вы прострелите ему сердце, и он не умрет, значит, это монстр. Это лучший тест, который я смог придумать.

— Никаких собак, — тихо сказал Гэрри, — и никакого скота. — Теперь оно будет имитировать людей. Изоляция ничего хорошего не принесет. Твой тест может сработать, Мак, но боюсь, это будет слишком тяжело для остальных.

* * * *

Дуайт поднял глаза от плиты на кухне, когда вошли Ван Волл, Барклай, Макриди и Пауэлл, смахивая с одежды остатки снега. Все остальные люди, забившиеся в главный корпус, продолжали заниматься своими делами - играли в шахматы, покер, читали.

Роузен чинил сани на столе, Вэйн и Норрис склонились над диаграммами магнитуд, а Харви низким басом диктовал им табличные данные.

Коппер тихонько похрапывал на койке. Гэрри и Даттон разбирались с радиограммами на углу койки Даттона и на небольшой части радиостола. Коннант занял часть стола материалами по космическому излучению

Через коридор, несмотря на две закрытые двери, они совершенно отчетливо слышали голос Киннера. Дуайт поставил чайник на плиту и тихо позвал Макриди. Метеоролог подошел к нему.

— Я не против готовки, черт возьми, - нервно сказал Дуайт, — но нет ли какого-нибудь способа избавить нас от этих воплей? Мы все согласились, что будет безопаснее перевести его в космическую лабораторию.

— Ты о Киннере? — Макриди кивнул в сторону двери. — Боюсь, что нет. Я могу накачать его снотворным, наверное, но у нас нет столько запасов морфия, но он не свихнулся. У него просто истерика.

— Ну, зато мы можем свихнуться! Вас не было полтора часа, а это безумие продолжается аж два часа до вашего ухода. Есть предел, в конце концов.

Гэрри медленно подошёл к нему. На мгновение Макриди уловил в лице Дуайта выражение ужаса и в тот же миг осознал, что такое же выражение сейчас и у него самого. Гэрри...Гэрри или Коппер, несомненно, были монстрами.

— Мак, если бы ты смог прекратить эти ужасные стоны, было бы неплохо. — Гэрри говорил тихо. — Обстановка и так накалена до предела. Мы решили, что Киннеру там будет безопаснее, потому что все остальные в лагере находятся под постоянным наблюдением.

Гэрри слегка вздрогнул.

— И уж постарайся, во имя Господа, найти какой-нибудь тест, который сработает!

Макриди вздохнул.

— Под присмотром или нет, все на взводе. Блэр заблокировал дверь, так что теперь она не откроется. Говорит, что у него достаточно еды. А едва мы приблизились к нему начал кричать «Прочь, проклятые твари! Вам ни за что меня не сожрать! Ни за что! Меня скоро спасут, и я все им расскажу! Прочь!». И мы ушли.

— Неужели нет других способов выявления? — с мольбой произнес Гэрри.

Макриди пожал плечами.

— Коппер был совершенно прав. Тест мог бы сработать, если бы кровь не была заражена. Но это единственная оставшаяся собака, и она уже привита.

— А химия? Химические тесты?

Макриди покачал головой.

— Наша химия не настолько развита. Я попробовал воспользоваться микроскопом, но от этого никакого толку.

Гэрри сокрушенно воскликнул.

— Собака-монстр и настоящая собака оказались совершенно идентичны. Но...ты должен продолжить исследования. Что мы будем делать после ужина?

Ван Волл незаметно подошел к ним.

— Спать посменно. Половина спит, половина бодрствует. Господи, сколько из нас тут монстров? Все собаки мутировали. Мы думали, что мы в безопасности, но каким-то образом Коппер или ты... могли обратиться, — глаза Ван Волла тревожно вспыхнули. — Оно могло мутировать в каждого из нас. Но я — это я. Вы бы уже тогда напали на меня, и мне была бы крышка. Нас – людей, должно быть больше, чем обращенных. Но монстр остановился.

Макриди коротко рассмеялся.

— Пауэлл тоже закрывал глаза, на то, что я ему говорил.

— Если хоть один из нас ещё обратится, то баланс нарушится. Оно не воюет с нами. Я не думаю, что этой штуке есть хоть какой-то смысл воевать с нами. Это существо могло быть очень даже мирным, если можно так сказать. Зачем этой твари сражаться, она и так всегда достигнет того, чего захочет?

Ван Волл искривился в противной ухмылке.

— Значит, ты считаешь, что почти все уже стали монстрами, и теперь все они ждут не дождутся, когда я, последний человек, утомлюсь и лягу вздремнуть? Мак, ты обратил внимание на их глаза, когда они смотрят на нас?

Гэрри вздохнул.

— Я все четыре часа наблюдал за тем, как на нас с Коппером смотрят, пока вас не было.

Дуайт повторил свою просьбу.

— Вы не могли бы прекратить вопли этого засранца? Он сводит меня с ума! Пусть он заткнется!

— Все ещё молится?

— Все ещё молится, — проворчал Дуайт, — он не останавливается ни на секунду. Я не против его молитв, если от этого ему становится легче, но он так истошно орёт во всю глотку, что сил больше нет терпеть! Он видимо думает, что Бог не услышит его отсюда.

— Может он не хочет. — произнес Барклай, — Иначе он бы избавил нас от этого адского отродья.

— Кто-нибудь обязательно попробует тот тест, о котором ты говорил, если ты его не заткнешь, — мрачно заявил Дуайт. — Я думаю, что удар тесаком по голове будет таким же положительным тестом, как и пуля в сердце.

— Ладно, ужинайте на здоровье. Я посмотрю, что смогу сделать. Может быть, в шкафах что-нибудь найдется.

Макриди устало двинулся к кабинету, который Коппер использовал как медпункт. В трех высоких шкафах из грубых досок, два из которых были заперты, хранились все медикаменты лагеря. Двенадцать лет назад Мак окончил университет, начал проходить практику и переключился на метеорологию. Коппер был опытным человеком, знающим свою профессию глубоко и основательно. Половина из имеющихся лекарств была совершенно незнакома Макриди, а многие он попросту забыл. Ему пришлось иметь дело с небольшим количеством медицинской литературы доктора Коппера, там не было журналов, которые бы освежили в его памяти забытый материал. Книги – вещь тяжёлая, а припасы доставлялись по воздуху.

Макриди с неуверенностью выбрал ампулу с барбитуратами. Барклай и Ван Волл двинулись за ним – теперь в лагере никто никогда не ходил поодиночке.

Роузен убрал свои сани со стола, а физики, игравшие в покер, прервали свою партию. Дуайт разносил еду. Стук ложек и приглушенные звуки трапезы были единственным признаком жизни в комнате. Когда трое вернулись, никто не произнес ни слова, все просто вопросительно посмотрели на них, продолжая жевать еду.

Макриди внезапно почувствовал тяжесть в теле, Киннер продолжал истошно петь свои молитвы сорванным и осипшим голосом. Он устало посмотрел на Ван Волла с кривой ухмылкой и покачал головой.

Ван Волл ругнулся с досадой и сел за стол.

— Придется терпеть, пока его голос совсем не сядет. Он же не может вечно так орать?

— У него железная глотка. — сказал Даттон. — Когда он заткнется, то скажет, что он наш друг. В таком случае, он может выть до ишачьей пасхи.

Наступила тишина. В течение двадцати минут они ели молча. А потом взорвался Коннант.

— Вы тут все расселись, словно надгробные статуи! Если бы не ваши глаза, можно было бы подумать, что вы уже умерли! Вытаращили свои пешки, словно безумцы, вращаете ими как ненормальные, перемигиваетесь, щуритесь так странно! Может хватит уже так зыркать? Аж смотреть тошно! Давайте на что-нибудь переключимся?

Коннант повернулся к Ван Воллу.

— Слушай, Ван, есть идея! У нас тут есть проектор с фильмами. Мы хранили бобины с фильмами на крайний случай. На случай чего? Может, завтра их и смотреть будет некому! А так хоть отвлечемся друг от друга

— Разумная идея, Коннант. Я, например, только за.

— Сделай только звук погромче, Даттон. Хоть так эти вопли не будет слышно! — предложил Дуайт.

— Но прошу, — тихо сказал Пауэлл — не выключайте свет совсем.

— Свет мы выключим, — огрызнулся Ван Волл. — Мы будем смотреть все мультфильмы, которые у нас есть. Ты же не против старых мультфильмов?

— Хорошо, хорошо, давайте-ка посмотрим мультфильмы. Я как раз в настроении.

Ван Волл повернулся, чтобы посмотреть на говорившего — это был Колдуэлл, тощий долговязый тип из Новой Англии. Колдуэлл неторопливо набивал свою трубку, уставившись недовольным взглядом на Ван Волла.

Командующий Гэрри был вынужден рассмеяться.

— Ладно, Барт, твоя взяла. Может быть, мы не совсем в настроении для "Моряка Попая" и прочих мультяшек, но это уже хоть что-то!

— Давайте поиграем в слова, — предложил Колдуэлл, — или, может быть, вы назовете это игрой Гуггенхайма. Разлинуем лист бумаги и надпишем графы. К примеру, живые существа. Одно на "Ч", другое тоже на "Ч". К примеру, человек и чудовище. Я думаю, это будет поинтереснее. Слова — это то, что нам сейчас нужно. И намного больше, чем фильмы. Есть у кого карандаш, чтобы отделить человека от чудовища?

— Макриди уже ищет такой карандаш, — тихо ответил Ван Волл, — но у нас тут, знаете ли, три вида животных. Одно из них тоже них начинается на "Ч". Больше нам не нужно.

— "Чокнутые", вы имеете в виду? Ага, Дуайт, давай я помогу тебе с посудой, чтобы уже начали показывать мультфильмы. — Колдуэлл медленно встал.

Даттон, Барклай и Беннинг, отвечавшие за проектор и звуковое оборудование, молча занимались своими делами, пока в главном корпусе мыли посуду и кастрюли. Макриди медленно подошел к Ван Воллу и откинулся на спинку койки рядом с ним.

— Я тут подумал, Ван, — сказал он с хитрой усмешкой, — стоит ли молчать о пришедших на ум идеях? Я забыл, что "Ч-чудовища", как назвал их Колдуэлл, могут читать мысли. У меня есть одна идея, которая может сработать. Но она ещё не обдумана до конца. Смотрите мультфильмы, пока я пытаюсь понять логику этой твари. Я займу эту койку.

Ван Волл внимательно посмотрел на него и кивнул. Киноэкран находился практически на одной линии с этой койкой, поэтому мельтешение на экране его почти не отвлекало.

— Ведь только монстры знают, что ты планируешь. К тому же ты и сам можешь стать монстром, прежде чем успеешь воплотить в жизнь свою идею.

— Если я буду действовать верно, это не займет много времени. Никаких больше тестов с собаками. Лучше переместить Коппера на эту койку прямо надо мной. Он тоже не будет смотреть на экран. — МакРиди кивнул в сторону мягко храпящего Коппера. Гэрри помог поднять и перенести доктора.

Макриди прислонился спиной к койке и погрузился в глубокие раздумья, снова и снова пытаясь обдумать ситуацию. Он едва успел заметить, как остальные молча распределились по местам, и экран засветился. Бессвязные хриплые молитвы Киннера раздражали его, пока не включился звук. Свет был погашен, проектор все же хорошо освещал комнату. Отблески проектора отражались в глазах беспокойных людей. Киннер все ещё заглушал звук проектора, и Даттон сделал погромче.

Его голос звучал так долго, что сначала Макриди не сразу осознал, что чего-то не хватает. Когда он лежал в узкой комнате напротив коридора, ведущего лабораторию космических лучей, голос Киннера доносился до него довольно отчетливо, несмотря на звуки проектора. И тут его поразило, что стоны прекратились.

— Даттон, выруби звук! — крикнул Макриди, резко встав. Во внезапной тишине мерцали картинки на стене. Лишь поднявшийся снаружи ветер меланхолично завывал в печной трубе. — Киннер замолк. — тихо сказал Макриди.

— Так бога ради, включите звук; возможно, он замолчал, чтобы послушать! —

воскликнул Пауэлл.

Макриди встал и пошел по коридору. Барклай и Ван Волл последовали за ним. Мерцающие картинки вспыхивали и извивались на спине Барклая в серых кальсонах, когда он пересекал все ещё работающий луч проектора. Даттон включил свет, и картинки исчезли.

Пауэлл стоял у двери, как его попросил Ван Волл. Гэрри тихо сидел на ближайшей к двери койке, вынудив Дуайта освободить для него место. Большинство остальных оставались на своих местах. Только Коннант медленно ходил взад и вперед по комнате в ровном, неизменном ритме.

— Если ты и дальше будешь бездумно шаркать туда-сюда, Коннант, — проворчал Дуайт, — я тебя прикончу, не зависимо от того, человек ты или нет! Ты меня понял?

— Извини.

Физик сел на койку и задумчиво посмотрел на носки своих сапог. Прошло почти пять минут, хотя всем показалось что пять веков, прежде чем Макриди снова появился в двери и прервал одинокое завывание ветра.

— Нам и без того тут тяжко. — объявил он. — Кто-то пытался оказать нам услугу. Кто-то перерезал Киннеру горло, оставив в нем торчать нож. И так, Колдуэлл, у нас теперь целых четыре существа, чье имя начинается на "Ч" - Человек, Чудовище, Чокнутый и Человекоубийца. И мы столкнулись со всеми.

ГЛАВА 7

— Блэр сбежал? — спросил кто-то.

— Блэр не сбежал, он бы обязательно сюда приперся. Если есть сомнения, откуда взялся наш доброжелатель, то у нас есть подсказка. — Макриди держал в тряпке нож с тонким лезвием длиной в фут с обгоревшей деревянной рукояткой.

Дуайт уставился на него.

— Это из-за меня. Я забыл эту чертову штуку и оставил ее на плите сегодня в полдень...

Ван Волл кивнул.

— Я почуял его, если вы помните. Я знал, что нож принесен был с кухни.

— Интересно, — сказал Беннинг, настороженно оглядывая собравшихся, — сколько среди нас ещё монстров? Кто-то из нас сумел соскользнуть со своего места, подойти к плите, взять нож и незаметно сбегать в космическую лабораторию? Ведь все здесь...

— Может, это сделал монстр? — тихо предположил Гэрри. — Есть такая возможность.

— У монстра, как мы теперь знаем, остались только люди. Зачем ему жертвовать запасом тел? — отметил Макриди. — Нет, в данном случае, мы имеем дело с обычным убийцей. В другое время, мы бы назвали его "бесчеловечным убийцей", я полагаю, но сейчас мы должны делать различия. У нас есть убийца-монстр, а теперь ещё и убийца-человек. По крайней мере, один.

— Ещё одним человеком меньше, — тихо сказал Пауэлл. — Может быть, у убийц и монстров теперь равные шансы?

— Это не важно, — вздохнул Макриди и повернулся к Барклаю. — Бар, принеси, пожалуйста, свой самодельный электрошокер. Я хочу кое-что проверить.

Барклай пошел за своим электрошоком, а Макриди и Ван Волл вернулись в космическую лабораторию. Не прошло и минуты, как вернулся Бар.

Они шли к космической лаборатории по петляющим коридорам, которых было полно на Главной базе. Их в дверях уже ждал Пауэлл. Но внезапно раздались приглушенные крики Макриди. Раздался дикий шквал ударов, тупые щелкающие звуки электрошока.

— Бар! Бар! Ради всего святого!

Пауэлл услышал истошный вопль, который резко оборвался, как только он прибежал к месту происшествия.

Киннер, или то, что было Киннером, лежало на полу, изрезанный большим ножом Макриди. Метеоролог, весь покрытый кровью и едва дыша, прислонился к стене. Ван Волл скорчился на полу, постанывая держась рукой за челюсть. Барклай, с безумной яростью в глазах, методично орудовал своим колющим оружием, нанося удары по лежащему телу.

На руках Киннера появилась странная чешуйчатая шерсть, а кожа слезла. Голова округлилась, пальцы укоротились, а ногти вытянулись на несколько сантиметров и превратились в стальные и острые, как бритва, когти.

Макриди поднял голову, рассеяно посмотрел на нож в своей руке и выронил его. Он тихо рассмеялся дрожащим голосом, почти с облегчением.

— Ну, кто бы это не сделал, можно смело сказать – убил он не человека. Клянусь Господом, Киннер был безжизненным трупом на полу, когда мы прибыли сюда, но когда тварь осознала, что её собираются поджарить электричеством, она раскрыла себя!

— О, Господи, это Нечто и на такое способно! Оно сидело здесь часами, истошно верещало молитвы о боге, которого ненавидело. Оно напевало гимны веры, которую никогда не знало. О боже...

— Ну что же, признавайтесь, кто это сделал. Я не знаю, кто это сделал, но он оказал нам неоценимую услугу. И я хочу знать, как, черт возьми, он выбрался из комнаты незамеченным. Это может нам помочь.

— Даже звуки проектора не могли заглушить его вопли. — Дуайт задрожал. — Это было чудовище!

— Ага. — сказал Ван Волл, внезапно все осознав. — Ты сидел прямо возле двери, не так ли? Практически за проектором.

Дуайт тупо кивнул.

— Он...теперь затих. Он мертв. Мак, твой тест ни к черту не годится. Какой толк, если хоть человек, хоть монстр в любом случае превращается в покойника?

Макриди тихо усмехнулся.

— Ребята, познакомьтесь с Дуайтом, единственным, о ком со стопроцентной уверенностью можно сказать, что он человек! Парень доказал всем, что он человек, совершив убийство, которое не удалось. Остальные, пожалуйста, воздержитесь от подобных попыток доказать, что вы люди. Я попробую придумать ещё один тест.

— Правда? — радостно воскликнул Коннант, и тут же его лицо разочарованно перекосилось. — Полагаю, он снова будет бесполезен.

— Нет. — резко сказал Макриди. — Смотрите в оба и будьте осторожны. Всем прийти в главный корпус. Барклай, возьмешь с собой свой электрошокер. Даттон, бога ради, проследи за ним. Следите друг за другом, ибо, я кое-что приготовил для этих исчадий ада, и они об этом точно знают и станут куда опаснее!

Люди резко напряглись. Душу каждого поглотило чувство всеразрушающей угрозы, и с этой минуты никто не оставался без присмотра со стороны соседа, который мог оказаться вовсе не человеком.

— Что ты задумал? — спросил Гэрри, когда они вернулись в главный зал. — Сколько времени это займет?

— Я точно не знаю, — сказал Макриди, его голос был полон решимости, — но в этот раз я точно знаю, что тест сработает. Он полностью основан на природе монстра, а не на нашей. Случай с Киннером только что убедил меня в этом.

— Это, — сказал Барклай, поднимая деревянную рукоятку с двумя оголенными проводами, — будет весьма необходимо, как я понимаю. Генератор в порядке?

Даттон решительно кивнул.

— Генератор в полной готовности. Я все настроил, когда мы смотрели фильмы, и проверил несколько раз. Все, чего ты коснешься этими проводами, мгновенно поджарится, уж поверь мне, — мрачно ответил он.

Доктор Коппер медленно сел на койке, и потер руками опухшие ото сна глаза, в которых ещё отражались навеянные снотворным ночные кошмары.

— Гэрри... — пробормотал он, — Гэрри, послушай. Они пришли из ада, адские живучие имитаторы...Я имею ввиду... Я... — он упал на койку и тихонько захрапел.

Макриди задумчиво посмотрел на него.

— Скоро узнаем, друг мой, — медленно кивнул он. – Живучие — вот что верно. Ведь ты способен размышлять даже во сне. А я не перестаю думать, какие тебе могут сниться сны. Живучие твари… вы понимаете, о чем я? — он повернулся к людям в комнате. Напряженные, безмолвные люди не сводили глаз друг с друга.

— Доктор Коппер сказал, что каждая частичка этой твари может являть собой самодостаточный организм. Это и есть решающий фактор.

— И вот ещё что. В крови нет ничего особенного, она представляет собой такую же живую ткань, как мышцы или печень. Однако каждая ее клетка способна быть самостоятельной, а в крови миллионы жизненных клеток.

Лицо Макриди растянулось волчьем оскале.

— Да, черт вас подери! Я уверен, что мы – люди, все ещё превосходим вас, монстров. Монстров, что затаились среди нас. И у нас есть то, чего, очевидно, нет у вас, дрянных пришельцев. Вы можете сымитировать кожу и клетки, но не способны сымитировать неугасимый огонь, что горит в нас! Мы будем сражаться, биться с такой свирепостью, которую вы можете скопировать, но вам никогда не превзойти нас! Мы люди! Мы настоящие, подлинные! А вы – имитация, фальшивка! Хорошо. Время для решительного противостояния. И ты, это знаешь, тварь! Ты прочитал эти мысли у меня в мозгу. Но ничего не сможешь поделать!

Ничего не сможешь поделать.

Продолжим. Кровь — это тоже плоть. У них должна идти кровь. Если при ранении у них не течет кровь, сразу становится ясно, что они – порождения ада. Если же кровь течёт, то она становится отдельным существом со всеми его биологическими способностями.

— Поняли Ван? Бар?

Ван Волл мягко засмеялся.

— Ты считаешь, что капля крови — это самостоятельное живое существо, страстно желающее защитить свою жизнь? И кровь попытается уползти от раскаленной иглы?

Макриди взял со стола скальпель, а из шкафа штатив с пробирками, маленькую спиртовую горелку и кусочек платиновой проволоки, вставленный в маленькую стеклянную палочку. На лице метеоролога появилась жестокая торжествующая улыбка. На мгновение он взглянул на окружающих. Барклай и Даттон медленно двинулись к нему, держа наготове элекрошокер.

— Даттон, — сказал Макриди, — давай-ка ты встанешь у розетки и следить, чтобы никто не выдернул шнур.

Даттон встал на место.

— Итак, Ван, я полагаю, ты будешь первым.

Побледневший Ван сделал шаг вперед. Макриди очень аккуратно сделал надрез на его пальце. Ван Волл слегка поморщился и терпеливо подождал, пока достаточное количество крови не стечёт в пробирку. Мак поставил пробирку в подставку и приложил к раненому пальцу смоченный в йоде кусочек ваты.

Ван Волл неподвижно стоял и наблюдал. Макриди нагрел платиновую проволоку в пламени горелки, затем погрузил ее в кровь. Раздалось тихое шипение. Он повторил тест пять раз.

— Ты точно человек. — Макриди вздохнул и огляделся. — Пока моя теория не доказана, но я надеюсь, что сработает.

Не слишком-то увлекайтесь зрелищем кипящей крови, друзья. Среди нас, без сомнения, есть незваные гости. Ван, возьми электрошокер! А ты, Барклай, иди сюда, будешь следующим. Надеюсь, что ты окажешься одним из нас. Ты чертовски отличный парень!

Барклай неуверенно усмехнулся. Он вздрогнул, когда лезвие рассекло кожу на его пальце. А вскоре, широко улыбаясь, получил свое оружие назад.

— Мистер Сэмюэль Датт... Бар!

В тот же миг, напряжение, что царило в комнате, исчезло. Барклай не успел применить свое оружие, как несколько человек набросились на тварь, которая несколько секунд назад была Даттоном. Оно выло и пыталось отрастить клыки и когти, но тут же было разорвано на тысячу кусков. Какими бы не были кровожадными твари из адской бездны, несколько доведенных до ручки полярников вполне могли с ними по соревноваться в этом.

Покончив с тварью, люди отошли и вновь с подозрением и нервозностью уставились друг на друга.

Барклай ткнул электрошокером в кучу останков. Разнесся отвратительный запах горелых останков. Ван Вол капнул кислотой на каждую разбрызганную каплю крови погибшего монстра, от чего пошли вызывающие тошноту испарения.

Макриди усмехнулся, его глаза светились торжеством.

— Возможно, — сказал он негромко, — я недооценил свирепость людей, когда говорил, что ни в ком не может быть такой свирепости, как в этой твари. Нам стоит так же поступать с монстрами: калить их свинцом или топить их в чане с кипящим маслом. Когда я вспоминаю, каким человеком был Даттон...

Его голос дрожал.

— Неважно. Моя теория теперь подтверждена даже тем, кто с самого начала знал, что я задумал. Что же, Ван Волл и Барклай проверены. Теперь я докажу вам, что я тоже человек. Макриди протер скальпель чистым спиртом и сделал надрез на своем большом пальце.

Двадцать секунд спустя он поднял взгляд выжидающих мужчин. Теперь на их лицах стало гораздо больше улыбок и дружеских ухмылок, но настороженность все ещё никуда не делась.

— Коннант, — мягко рассмеялся Макриди, — был прав. Хаски, которые напали на это Нечто там, в коридоре, и в подметки вам не годились, ребята. Интересно, почему мы так уверены, что только волки могут быть настолько свирепыми? Может быть неделю назад дикий зверь и смог бы нагнать ужаса на нас, но только не сейчас: оставь надежду, всяк нелюдь сюда входящий!

— Может быть, мы сможем выиграть немного времени. Коннант, ты не мог бы...

И снова Барклай был слишком медлителен. Когда Барклай и Ван Волл закончили свою работу, улыбок было больше, а напряженности меньше.

Гэрри говорил низким, горьким голосом.

— Коннант был одним из лучших наших людей, и пять минут назад я бы поклялся, что так оно и было, господи! Эти чертовы твари больше, чем просто имитация. — Гэрри вздрогнул и присел на койке.

И через тридцать секунд его кровь отхлынула от раскаленной проволоки и, борясь за свою жизнь, попыталась выползти из пробирки. В этот же миг озверевший, красноглазый монстр, что раньше был Гэрри, пытался увернуться от электрошока. Барклай бросился на него, весь в поту и с белым, как снег, лицом. Существо в пробирке издало противный визг, когда Макриди швырнул его в раскаленные угли кухонной плиты. В воздух поднялись клубы мерзкого, вонючего дыма.

ГЛАВА 8

— Это был последний? — Доктор Коппер смотрел вниз со своей койки налитыми кровью, опечаленными глазами. — Их было четырнадцать...

Макриди коротко кивнул.

— Я бы хотел, чтобы они были с нами, пусть даже обращенные в монстров. Гэрри, Коннант, Даттон ... — Макриди горько вздохнул. — Даже Дуайт, которого мы считали человеком! Что, черт возьми, было его мотивом тогда напасть на монстра?

Коппер медленно покачал головой.

— У меня слишком болит голова, чтобы соображать. Какая у тебя была теория?

— Ван Волл предположил, что Нечто научилось подражать нам уж слишком хорошо. Возможно, подражая Дуайту, оно понимало его чувства. Оно стремилось выжить несмотря ни на что, каждая из имитаций все же была отдельной личностью, со своими индивидуальными амбициями и стремлением к размножению. Убив Киннера, тварь, что притворялась Дуайтом отвела от себя подозрения, тем самым дав себе большую свободу действий.

— Куда они все это тащат? — Коппер кивнул на Барклая и Норриса, которые выносили остатки убитых монстров.

— На улицу. Полтора десятка разбитых ящиков, полтонны угля и пятьдесят литров бензина. Мы полили кислотой каждую каплю их крови и каждый кусочек отделившейся плоти. А теперь надо всё сжечь.

— Звучит как хороший план. — Коппер устало кивнул. — Интересно, а что там с Блэром?

Макриди воскликнул.

— Мы совсем забыли о нём! У нас столько всего произошло! Интересно, как вы думаете, сможем ли мы вылечить его?

— Если только он... — начал Коппер и многозначительно остановился.

Макриди продолжил.

— Тварь имитировало Киннера и его молитвенную истерию, чего уж говорить о свихнувшемся бедняге... — Макриди повернулся к Ван Воллу, сидевшему за длинным столом. — Ван, мы должны совершить экспедицию в хижину Блэра!

Ван резко вскинул голову. Удивление в его глазах тут же сменилось беспокойством. Затем он поднялся.

— Барклаю лучше пойти с нами. Он мастерил эти засовы на двери в комнату Блэра, возможно, он придумает как все это снять и не наделать шума.

Снаружи было тридцать семь градусов, а над северным горизонтом сияла заря. Ветер гнал снег на северо-запад. Через три четверти часа они достигли погребенного под снегом склада. Из трубы не шёл дым, и мужчины поспешили.

— Блэр! Блэр! — Барклай кричал сквозь ветер, когда он был ещё в сотне ярдов от склада.

— Замолчи, и поторопись. — тихо сказал Макриди. — Возможно, он уже выбрался и убежал. Если нам придется преследовать его, то у нас ни самолётов, ни вездеходов.

— Вынослив ли монстр, так же как человек?

— Даже сломанная нога остановила бы тварь не более чем на минуту, — отметил Макриди.

Барклай внезапно ахнул и указал на небо. В сумеречном небе, распахнув огромные белые крылья и с неописуемой грацией кружа над людьми, парило какое-то существо.

— Альбатрос. — тихо сказал Барклай. — Первый в это время года и почему-то забредший именно сюда. Если монстр на свободе...

Пауэлл пригнулся и резко расстегнул ветронепроницаемую куртку. Он выпрямился, его куртка распахнулась, в руке появилось сверкающее оружие с металлическим отливом. По белому безмолвию Антарктики прокатился громоподобный выстрел.

Альбатрос хрипло вскрикнул. Его белые крылья затрепетали, из хвоста вылетело несколько перьев. Пауэлл выстрелил снова. Птица опять вскрикнула, потеряла ещё несколько перьев и потянула к горизонту за гряду ледяных гор, чтобы скрыться.

Пауэлл поспешил за остальными.

— Она не вернется... — пыхтел он.

Барклай знаком попросил его замолчать и указал на дверь склада, из-под которой пробивался странный, голубой свет. Кроме того, доносилось тихое, мягкое гудение и металлический звон. Кто-то в бешеной спешке собирал безумный агрегат.

Макриди побледнел.

— Боже, помоги нам, если у этой штуки... — он схватил Барклая за плечо и, глядя на тросы и провода, не дающие двери открыться, сделал режущее движение пальцами.

Барклай достал из кармана кусачки и осторожно опустился на колени у двери. Треск и звон перерезаемых проводов создавали невыносимый грохот в абсолютной тишине антарктической пустыни. Лишь странный, мягкий гул, доносившийся изнутри склада, да щёлканье и дребезжание заглушали их звуки...

Макриди заглянул в щель под дверью. Потом встал на ноги и шумно вздохнул, и его пальцы сильно сжались на плече Барклая. Метеоролог отошел.

— Это не Блэр, — объяснил он очень тихо. — Оно стоит на коленях или на чем-то, что постоянно движется. То, над чем оно работает, похоже на ранец, и оно поднимается.

— Ворвемся все вместе, — мрачно сказал Барклай.

— Нет. Пауэлл, отойди и держи ствол на готове. Монстр может быть вооружен.

Здоровяк Барклай и худощавый Макриди разом навалились на дверь. Зажатая дверью койка заскрипела и развалилась. Дверь с грохотом слетела с петель в сторону и разбилась в щепки.

Словно голубой резиновый мяч, существо отскочило к потолку. Одна из его четырех щупалец с семью пальцами вытянулась, словно ядовитая змея; В одном из щупалец мелькнул продолговатый предмет из блестящего металла. Тонкие губы монстра искривились, в красных глазах полыхнула ярость.

Револьвер Пауэлла громыхнул в замкнутом пространстве. Морда, искаженная ненавистью, дернулась в агонии, извивающееся щупальце сразу же свернулось, предмет из серебристого металла рассыпался на мелкие кусочки, а семипалую руку разорвало в массу изуродованной плоти, из которой вытекала желто-зеленоватая кровь. Револьвер громыхнул ещё три раза. На месте трех глаз появились три зияющие дыры, патроны кончились, и Пауэлл запустил пистолет монстру в морду.

Существо повалилось на пол и закричало от дикой ярости, извивающееся щупальце начало трогать те места, где раньше были глаза. Мгновение оно ползало по полу, щупальца извивались и вытягивались, тело дергалось. Затем Нечто снова поднялось на ноги, ослепленные глаза восстановились и кипели злобой, а разорванная ткань отвалилась.

Барклай вскочил на ноги и бросился вперед с ледорубом. Тяжелое лезвие вонзилось в боковую часть головы. Неубиваемый монстр снова упал, но Барклая повалила одна из конечностей монстра, синяя плеть схватила учёного мертвой хваткой за ногу. Он попытался высвободиться, но, как только он схватился голыми руками за синее щупальце, Бар тут же ошпарился об него, словно схватил руками жгучее пламя. Он остервенело пытался высвободиться из пут обжигающей конечности, не дотрагиваясь до нее руками. Ослепленное яростью существо принялась разрывать грубую ткань, из которой были сделаны штаны мужчины, наверное, искало открытый участок кожи, который можно было бы поглотить.

Огромная паяльная лампа, которую принес Макриди, торжествующе зашипела, и из неё вырвался язык бело-голубого пламени. Тварь на полу взвизгнула, выпустила Барклая и слепо замолотила конечностями. Она безумно вертелась на полу и верещала. Макриди приблизился и направил беспощадное пламя монстру в физиономию. Глаза лопнули, пустые глазницы запузырились. Вой сделался невыносимым, Нечто ревело и пыталось уползти прочь.

Щупальце отрастило огромный коготь, но Макриди сразу же направил на него пламя, и конечность рассыпалась в прах. Мужчина продолжал наступать, обдавая беспомощное обезумевшее существо пламенем. Нечто отступало от обжигающего языка пламени. Через несколько секунд тварь оказалась на снегу. Она едва смогла вырваться из испепеляющих объятий – вонь от обгорелой плоти ударила в нос. Нечто безнадежно металось по антарктическому льду. Сильный ветер обдувал догорающую плоть; от останков монстра шел шлейф зловонного масляного дыма.

Когда Макриди вернулся к остальным, Барклай встретил его у двери.

— Всё? — мрачно спросил метеоролог.

Барклай покачал головой.

— Теперь точно всё. Оно нигде не оставило следов?

— У него были другие проблемы. — сказал Макриди. — Когда я видел его в последний раз, оно уже превращалось в угли. Что эта тварь тут создавала?

Барклай негромко рассмеялся.

— Ну мы с вами даём, ребятки! Вывести из строя самолёты с вездеходами и оставить эту тварь в одиночестве на целую неделю!

Макриди более внимательно осмотрел склад. Воздух, несмотря на выломанную дверь, был горячим и влажным. На столе, в дальнем конце комнаты, лежал странный прибор из проволоки, стеклянной колбы и радиодеталей. В центре помещения находился большой грубый камень. Из него исходил странный голубой свет, более насыщенный, чем электрический, и от него шёл мягкий гул. С одной стороны находился ещё один механизм из хрустального стекла, выдутого с невероятной аккуратностью и тонкостью, металлические пластины и странная, мерцающая сфера из непонятного материала.

— Что это такое? — Макриди придвинулся ближе.

Барклай хрипло сказал.

— Пусть Вэйн и Норрис с этим разбираются. Но я могу предположить, что это источник атомной энергии. То, что слева – этот маленький хрупкий приборчик – предназначено для того, чтобы производить энергию, которую люди производят с помощью многотонных реакторов. Оно отделяет нейтроны от тяжёлой воды, которую эта сволочь получала из окружающего льда.

— Откуда тварь это всё взяла? Ох, ну конечно! Монстру было плевать на то, что мы его заперли. Тут же приборный склад. — Макриди уставился на аппаратуру. — Боже, каким же интеллектом должна обладать эта раса...

— Мерцающая сфера, я думаю, это сфера чистой энергии. Нейтроны могут проходить через любую материю, и он хотел накопить их побольше. Просто направьте нейтроны на кремний, кальций, бериллий – почти на все, и высвободится атомная энергия. Эта штука и есть атомный генератор.

Пауэлл убрал термометр в куртку.

— Тут не меньше ста двадцати по Фаренгейту, несмотря на открытую дверь. Наша одежда в значительной степени защищает от жары, но я уже вспотел.

Барклай кивнул.

— Кстати, свет холодный. Однако помещение каким-то образом обогревается. Тварь сделала всё возможное, чтобы воссоздать такой же жаркий и влажный климат, как на своей планете. Как ты думаешь, откуда оно?

Макриди кивнул.

— Видимо, эти существа живут на более горячей планете, чем Земля, и у более горячей голубой звезды. — Он взглянул через дверь на пятно слизи. — Вот и всё. Нам просто повезло, что он приземлился здесь. Что он тут, бога ради, строил? — Он кивнул в сторону аппарата.

Барклай тихонько засмеялся.

— Ты заметил, над чем он работал, когда мы пришли? Смотри. — Он указал на потолок.

К потолку был прилеплен шар из консервных банок, обвязанных тряпками, с двумя кожаными ремнями внизу. Прямо сквозь оболочку одной из банок билось маленькое сердечко странного пламени. Барклай подошел к прибору, поднял руки и схватился за кожаные ремни. Он потянул так называемый рюкзак на себя, но этого усилия оказалось вполне достаточно, чтобы сам Барклай оторвался от пола и взмыл к потолку, а потом медленно приземлился в другом конце комнаты.

— Антигравитация, — спокойно сказал Пауэлл.

— Ага, она самая, — кивнул Барклай. — Ему не нужны были ни птицы, ни самолёты. В его распоряжении были банки, стекло и содержимое приборного склада. И целая неделя спокойной работы. А до Америки всего лишь один прыжок с этим антигравитационным механизмом на атомной энергии. Но мы остановили его.

— Ещё полчаса, и оно бы затянуло эти ремешки и отправилось покорять наш мир, а мы бы так и остались в Антарктиде отстреливать всё живое, что пыталось бы попасть сюда с большой земли.

— А тот альбатрос... — тихо сказал Пауэлл. — Тебе не кажется...

— С этим почти готовым агрегатом и тем смертоносным оружием?

— Нет, и спасибо Господу Богу, что услышал наши молитвы и дал нам эти спасительные полчаса! — воскликнул Макриди. — У этого существа с другой планеты были удивительные технологии и демонические способности. Но мы смогли защитить нашу Землю!

НЕЧТО ИЗ ДРУГОГО МИРА

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СИКВЕЛА

Далее следует краткое содержание сиквела с участием Нечто (т.к. Нечто теперь не одно). Это новелла с предварительным рабочим названием «Нечто из другого мира» (при условии, что мы сможем получить права на это название!), которое, конечно, является отсылкой на фильм Говарда Хокса «Нечто из другого мира». Это попытка опираться на мир и творчество Джона В. Кэмпбелла, оставаясь при этом на 100% верными исходному материалу – в данном случае обе новеллы «Стой, кто идёт?» и «Ледяной Ад».

Я надеюсь, вам понравится начало истории, и вы вернетесь, когда вся новелла будет закончена.

-Джон Грегори Бетанкур

Автор сиквела.

ПРОЛОГ

Пентагон.

Арлингтон, Вирджиния

Генерал Артемис Ву крикнул своему секретарю, но вместо лейтенанта Кирби в кабинет вошел полковник Блок, закрыл дверь и тихо подошел к столу. Блок, с носом, похожим на клюв, и влажными карими глазами, которые все время смотрели куда-то вдаль, никогда не производил большого впечатления – всего лишь крошечный винтик в военной машине США. Он был одним из тех незаметных мелких кадровых офицеров, которые медленно, но неуклонно поднимались по служебной лестнице, компетентные на всех уровнях, но не более того.

— Сэр, – сказал Блок. Его лицо оставалось каменным.

— Судя по твоему присутствию здесь, — ответил Ву, глядя на него через чёрную оправу очков, – я предполагаю, что ты отвечаешь за это?

Он постучал по стопке бумаг тупым указательным пальцем.

Напечатанный на тонкой, пожелтевшей от времени бумаге с ржавой скобкой в углу отчет, датированный 29 октября 1938 года, с выцветшими штампами дюжины государственных учреждений, ярко-красный штамп "*ЗАСЕКРЕЧЕНО*" вверху – писал явно какой-то псих или кто-то под наркотиками, а возможно и все сразу. НЛО, погребённое во льдах в Антарктиде… да ещё и взорвали так, что не осталось никаких следов? Как удобно. Монстр-телепат, способный поглощать живых существ и принимать их облик также уничтожен без малейших доказательств? Абсурд.

— Если вы позволите мне объяснить ...

— Объяснить что? Как полярники обдолбались ЛСД на военной базе в Антарктиде? Как какой-то хитрожопый недописатель-фантаст начеркал свои влажные фантазии и решил пошутить? Мне до пенсии меньше года, полковник. У меня нет времени на игры. Он бросил отчет Блоку, и тот его поймал. — Убирайся.

— Они нашли второй, сэр.

Ву сделал паузу.

— Второй что?

— Космический корабль. В Антарктиде. Во льду. — Блок сделал шаг вперед и достал папку с документами. — Все детали здесь. Я хочу, чтобы вы сначала прочли исходный отчет, прежде чем приступать ко второму.

Генерал фыркнул, но взял папку. Это правда? Блок никогда не отличался особой фантазией. А его секретарю, Кирби, никогда бы не хватило яиц его так разыграть.

Ву поправил очки, открыл папку и изучил спутниковый снимок сверху. Антарктида, понятно. На ней была наложена геологическая карта, а область в двухстах милях к востоку от Южнополярной станции Амундсен-Скотт была обведена красным кружком. Он перевернул страницу. Ещё фотографии. Темная фигура глубоко во льду, по оценкам – согласно обозначениям в углу – 148 футов в длину и 51 фут в ширину. На сонарном изображении был виден невыразительный овал. Тепловизор ничего не показал: объект был холодным, как окружающий его ледник. Затем появились графики с техническими расчетами, которые он не мог разобрать. В завершение был представлен отчет об образце льда вокруг судна, возраст которого составляет почти 19 миллионов лет.

— Если это какая-то шутка... — Начал Ву.

— Нет, сэр. Никак нет. — Блок действительно был этим задет.

Генерал Ву снял очки и потер глаза. Год до пенсии, и тут на него это свалилось. На данный момент он должен был предположить, что отчет был правдой. А если нет, то да поможет Господь Блоку, Кирби и остальным шутникам.

— Сколько людей ещё знают об этом отчете? — спросил он.

— Восемь, сэр. Трое в моём штате, четверо в исследовательской группе. Я восьмой. Вы, получается, девятый.

— Восемь. Слишком много, чтобы сохранять это в секрете.

— Что-нибудь из этого уже всплывало?

— Ещё нет, сэр. Исследовательская группа сначала сообщила, что это метеорит. Теперь они не так уверены в этом. Они запрашивают подтверждение от Калифорнийского технологического института и НАСА.

— Метеорит, - сказал Ву. Это звучало правдоподобно. — Попросите НАСА подтвердить это. Просто ошибка природы.

— Да, сэр.

Генерал протянул руку:

– Дай-ка мне ещё раз этот отчет 1938 года.

Блок вернул бумаги Ву, и тот сунул документ в папку с новым отчетом. После обеда он ещё раз просмотрел их.

— Почему я раньше не видел того отчета за 1938 год? — спросил он. Это должно быть «шуточное досье», что передают друг другу на встречах и вечеринках.

— Этот документ был… недоступен. Мы узнали об этом лишь полгода назад, во время проверки документов в соответствии с Законом о свободе информации. До публикации оставалась неделя… – его голос затих.

Генерал фыркнул. Он прикинул. Проклятые репортеры все пытались обнародовать всё в соответствии с Законом о свободе информации. Хорошо, что не вышло. Тогда бы у фанатиков НЛО был свой день "кругов на полях". На этот раз удача была на их стороне.

— Сколько времени нужно, чтобы добраться отсюда до Антарктиды? — размышлял он.

— Я… не уверен, сэр. Думаю, три или четыре дня. В Антарктиде сейчас разгар лета, поэтому сейчас оптимальные условия для путешествия...

— Выясни. — Ву рассматривал свои ногти. — Организуй любой транспорт, который нам нужен. Я хочу увидеть это сам. Вы присоединитесь ко мне вместе со всеми членами вашей команды, которые об этом знают. Это должно быть сохранено в секрете. И изолируйте эту исследовательскую команду. Составьте список сотрудников. Я не хочу, чтобы они общались с кем-то, кроме нас с вами... по соображениям национальной безопасности. В фонде дискреционных расходов должно быть достаточно денег, чтобы покрыть всё, что потребуется для покупки их услуг.

— Есть, сэр. – Блок отдал честь и поспешно вышел.

Антарктида ... Ву вздохнул и взял отчет за 1938 год. Его жена явно этому не обрадуется.

Но если это правда...

ГЛАВА 1

Армейский инженерный корпус

База спецопераций, Антарктида

— Я не подписывался на это, — простонал Пит Гарвин, бросая кирку и поворачиваясь сначала влево, затем вправо, чтобы растянуть мышцы спины и плеч. — Копал три месяца, и все что у меня есть — это боли, благодаря которым я всё-таки знаю, что у меня есть мышцы.

— Ты и я вместе, брат, — сказал Клэй Вашингтон. Дородный афроамериканец, три месяца назад он стал главой антарктической геологоразведочной группы, а также начальником Гарвина. Они оба подписали контракт с командой генерала Ву, помогая рыть ледник, ожидая какое-нибудь открытие, чем бы оно ни оказалось. Метеор? Космический корабль? Замороженный кит-динозавр (одна из самых безумных теорий)? В этот момент одна догадка была ничем не хуже другой.

Он повернулся и посмотрел на ледяной туннель. Пятнадцать футов шириной, десять футов высотой, со стальными опорными балками каждые шесть футов, казалось, что он простирается до бесконечности, хотя Клэй знал, что до обратного пути всего шестьсот футов. Там туннель повернул, прошел ещё почти семьсот футов и снова повернул назад, прежде чем, наконец, достиг поверхности с её полупостоянными зданиями, окружающими вход в туннель.

Дуговые лампы и обогреватели, установленные через каждые тридцать футов, тянулись по всей длине. Между лампами, обогревателями и тяжелым землеройным оборудованием сотней футов ниже, температура в туннеле иногда поднималась до жарких 30°, хотя в основном держалась на уровне + 28°. Ряд настенных вентиляторов гудел, как рой пчел-

убийц, гоняя воздух, но мало что делая для выветривания многомесячной вони человеческого пота, моторного масла и выхлопных газов.

Пит сел на выступ льда, делая огромные глотки воздуха. На минуту он остановился, чтобы посмотреть, как люди с отбойными молотками пробивают ледяную стену в конце туннеля. Полетела ледяная пыль и ледяные осколки. У них с Клэем было то, что другие называли “лёгкой работой” — сглаживание самых грубых участков стен, чтобы мини-бульдозеры и гольф-карты могли безопасно проезжать друг мимо друга в туннеле.

Чем глубже они проникали, тем тверже становился ледяной покров.

— Мы измеряем прогресс в футах, — сказал он себе. Тем не менее, прогресс все же был стабильным.

Позади него разразилась череда ругательств. Мужчина оглянулся через плечо на команду армейских инженеров, изо всех сил пытающихся укрепить набор стальных балок, которые начали прогибаться. Никто не хотел, чтобы туннель обрушился до того, как они достигнут своей цели.

Грохот отбойных молотков резко прекратился. Пит снова обратил свое внимание на людей, которые работали над стеной. Мини-бульдозер с ревом ожил, устремился вперед и начал собирать мусор. Он поднимет всё на поверхность и выбросит в сотне футов от лагеря.

— Мы, должно быть, уже близко, — подумал Пит. Он покосился на грубую ледяную стену в конце туннеля. Сколько ещё осталось? Армейский инженерный корпус спроектировал пологий спуск, и команда свернула за последний угол две недели назад. Остаток пути должен пройти гладко.

Возбужденные крики раздались со стороны людей у бульдозера. Водитель заглушил мотор и вылез из кабины. Все собрались в круг.

Клэй вытянул шею: Я думаю, они что-то нашли.

— Вперёд, давай глянем! — Не дожидаясь ответа, Пит встал и побежал вниз по склону туда, где люди собрались перед ковшом бульдозера. Наконец-то что-то нарушило монотонность раскопок.

Клэй последовал за ним.

— ...лучше позвонить генералу, — сказала капрал Менендез, когда они подошли к рабочим корпуса. Она отвечала за эту рабочую смену. — Он захочет это увидеть.

— Сегодня утром он улетел на Южнополярную станцию, — сказал кто-то.

— Свяжись с ним по рации. Хэммонд, позаботься об этом.

— Да, капрал. — Хаммонд подбежал к гольф-карту, сел в него и умчался по туннелю.

Пит уставился на отломанное металлическое лезвие, торчащее из куска льда размером с человеческий торс. В ярком свете дуговых ламп лезвие сверкало серебром. Одна сторона изогнута под математически точным углом. Часть чего-то округлого?

— Оно выглядит механически обработанным, — сказал он.

— Да, — сказала Менендез. — Определённо механически обработано.

Пит попытался представить его целиком. Оно могло быть восемь или десять футов в ширину.

— Дай свою кирку, Смитти, — сказала Менендез.

Пит затаил дыхание, когда Менендез опустилась на колени, взяла кирку у одного из других инженеров и ударила по глыбе льда так сильно, как только могла... первый, второй, третий раз. Полетели щепки. Наконец, со звуком, похожим на треск костяшек пальцев, глыба раскололась пополам.

Менендез просунула пальцы в перчатках в щель и раздвинула две половинки, обнажив большую часть лезвия. Изогнутая часть простиралась ещё на фут, затем заканчивалась зазубренным, искореженным металлом. Используя заостренный конец кирки, она вырвала его.

Встав, Менендез перевернула лезвие, внимательно изучая его.

— Ну? — наконец спросил Пит.

— Я видела такие повреждения в зонах военных действий. Должно быть, произошёл взрыв... большой взрыв. — Она подняла глаза. — Там, наверное, обломки по всему льду. Но самое странное...— Она замолчала, с трудом сглотнув. — Самое странное, что кажется, будто он вообще ничего не весит. Смотри!

Она бросила его, но вместо того, чтобы с глухим стуком упасть на землю, металл медленно, как перышко, опустился на землю. Капрал подняла его и передала следующему за ней мужчине, который повторил эксперимент.

Обломок пошёл по рукам. Пит получил его последним, после Клэя: как и сказала Менендез, оказалось, что он совсем ничего не весит. Но он был прочным, твердым и холодным. Пит не мог согнуть его.

Он вернул кусочек металла капралу, которая подняла его, а затем использовала лезвие своей кирки, чтобы попытаться поцарапать его. Кроме леденящего кровь «скрии-ии-ии», ее усилия не возымели никакого эффекта.

— Ни единой царапины, — пробормотала она.

Наступила тишина. Все уставились на капрала, на сломанное металлическое лезвие, друг на друга.

Пит спросил, чувствуя, как его сердце екнуло:

— Оно сделано человеком?

— Не... человеком, — медленно произнесла Менендез. – Ничего подобного я никогда раньше не видела. Ничего подобного на нашей планете.

Пит едва сдержал торжествующий возглас. Не метеорит. Не замороженный гигантский кит. Это должен был быть космический корабль!

Он хлопнул Клэя по спине:

— Это взаправду, дружище! Мы нашли инопланетян! Мы станем знаменитыми!

Затем внезапно все заговорили одновременно... бормотали об инопланетянах, космических кораблях, куске металла.

— Успокоились, успокоились! — крикнула Менендез. Наступила тишина, как будто щелкнули выключателем. — На данный момент мы ничего не знаем. Это просто металлический обломок и ничего больше. Не забегайте вперед.

— Есть ещё куски? — спросил Пит.

— Наверняка есть, – сказала Менендез. — Должно быть, это часть поля обломков. Она указала на стену. — Все... рассредоточьтесь и посмотрите в оба.

Её люди начали отстегивать фонарики со своих поясов. Пит вспомнил, что у него тоже есть такой, и вытащил его. Инженеры прижали линзы к стене, пуская лучи сквозь лед, отбрасывая необычные тени, которые прыгали от трещины к трещине.

— У меня что-то есть! — крикнул один мужчина.

— У меня тоже! — сказал другой. — Похоже на металл.

— И здесь! — крикнул Клэй.

В шести дюймах от стены луч Пита остановился на чём-то большом и тёмном. Он прищурился. Что это было? Не металл. Странный, чёрный, смутно расплывчатый контур... чего-то.

Он направил луч вверх по изгибу, похожему на плечо, к тому, что могло быть головой... А затем вверх и дальше к единственному красному глазу, застывшему открытым, смотрящему на мужчину из глубин льда.

ГЛАВА 2

Южнополярная станция Амундсен-Скотт

Антарктика

— Добро пожаловать в ад, — подумал Джейсон Косгроув.

Резкий ветер позднего лета пронесся над Антарктической равниной и зашипел через здания Южнополярной станции Амундсен-Скотт. По словам пилота самолёта, который только что высадил Джейсона, местная температура была приятной, равной 12 ° по Фаренгейту. Косгроув уже почувствовал, как холодок пронизывает его через пальто, толстовку и футболку. Трех слоев одежды было недостаточно.

Вокруг него ветер издавал слабый шепчущий звук, похожий на что-то между скрежетом ногтей о грифель и шипением змеиной чешуи по стеклу, прерываемый лишь редким криком со стороны самолёта. Двенадцать различных национальных флагов, вывешенных перед главным корпусом, щелкали и трескались, как кнуты. Несколько случайных снежинок упало со свинцового неба.

Джейсон бросил свои два набитых рюкзака на плотно утрамбованный снег, повернулся от самолёта Basler BT-67, доставившего его сюда из Крайстчерча через станцию Мак-Мердо, и уставился на бескрайнее белое пространство. Только одинокий чёрный ветроуказатель и что-то похожее на пару далёких навесов нарушали бесконечную белизну пейзажа. Ему в голову пришла старая шутка: что такое белое, белое и белое? Белый медведь ест мороженое во время метели.

Он фыркнул и потёр глаза. Слишком долго без сна. Даже не было обычной остановки в Крайстчерче. Теперь он становился более нервным.

Тысячи миль ледяной пустыни тянулись во все стороны. Фотографии в интернете не подготовили вас к этому. Огромная бесконечная мрачность всего. Даже небо по нью-йоркским стандартам казалось блеклым и тусклым. Вот уж, действительно, натуральная жопа Земли.

Разве не должен был кто-то ждать его встречи? Он оглянулся на гладкий самолёт среднего размера, который доставил его минуту назад. Его опоры по-прежнему вращались с ровным звуком "фух-фух-фух", когда мужчины и женщины в парках суетились вокруг открытой двери сбоку. Припасы, багаж внутри. И люди. На борт ждали тридцать пять или сорок ученых и исследователей. Возвращение к цивилизации до того, как шестимесячная антарктическая ночь настигла станцию Амундсен-Скотт. Только он сошёл.

Джейсон повернулся к низкому солнцу, белому, как снег, и ослепительному, но без грязной дымки, которая могла его отфильтровать. Осталось всего несколько дней, пока солнце не опустилось за горизонт, снизив температуру и отрезав все антарктические базы от внешнего мира до весны.

— Доктор Косгроув? — раздался мужской голос справа.

Джейсон повернулся, приподняв брови он отозвался

— Так точно!

К нему подбежал высокий коренастый мужчина с взлохмаченной чёрной бородой. Непослушные кудри торчали из-под зеленой кепки, а красное пухлое пальто было застегнуто до самой шеи. Он протянул руку в перчатке для рукопожатия. У парня была стальная хватка.

— Я Милош Паппас. Он сказал это как "Ми-лош Пап-пас". Его дыхание заметно прервалось. – Я являюсь главным встречающим на станции, а также готовлю обеды.

— Очень рад встрече, доктор, — сказал он.

— Зови меня Джейс. — Сказал Джейсон. – Все так зовут.

— Джейс, хорошо. Я надеюсь, вы без проблем добрались?

Джейсон хотел засмеяться, но прозвучал как безумный лай, и замолчал.

— Нет – сказал он, – всё было ужасно. Ненавижу летать, и я здесь в знак протеста. За последние три дня я спал, может быть, два часа. Меня запугали, и ...

Милош поднял руки.

— Не ко мне! Я, как вы говорите, всего лишь посыльный?

— Посланник. Извините. — Джейсон глубоко вздохнул и отвел взгляд. Держи себя в руках. Ещё несколько минут… — Мне не нравится вот так срываться в Антарктиду, чтобы бороться за свои гранты.

— Бороться?

— Мне сказали, что финансирование моего исследовательского проекта может быть прекращено, если я не приеду сюда в течение 36 часов, чтобы отстоять свою позицию. Двадцать миллионов долларов на разработку Пояса астероидов ушли — вот так! — Он щелкнул пальцами. — И никаких объяснений почему.

Милош покачал головой.

— Да, новоприбывшие, они...как это сказать? Напряженные?

— «Новоприбывшие?»

Он кивнул.

— Они не носят униформу, но мы знаем, что они американские военные, и все это совершенно секретно. Они здесь, наверное, месяца два. В чем секретность? Не знаю, но все по-разному говорят. Можно предположить, что они взволнованы из-за метеора во льду. Другое предположение — что они открывают новые огромные нефтяные месторождения. Я? Я готовлю еду. Слишком много вопросов доставят тебе только проблемы.

— Или спасут тебе жизнь. — сказал Джейсон.

Милош подумал и пожал плечами. Его взгляд упал на сумки у ног Джейсона. — Это все, что ты с собой взял?

— У меня не было времени собирать вещи.

— Я помогу тебе достать нужные вещи позже. Много всякого, правда в конце основного сезона. Но сначала тебя ждут новички с большими собаками. — Он схватил обе сумки, повернулся и побрел к главному зданию. — Сюда, друг мой!

* * * *

Джейсон обнаружил себя проталкивающимся через ряд коридоров. Возможно, сезон исследований подошел к концу, но на базе все ещё кипела активность. Он прошел мимо комнат, заполненных людьми и всевозможным оборудованием, кафетерия с дюжиной столиков и пустой комнатой отдыха со столом для пинг-понга, бильярдным столом и музыкальным автоматом. Наконец они добрались до небольшого конференц-зала. Там бок о бок работали двое мужчин с ноутбуками. Они прервали разговор, когда в комнату ворвался Милош и бросил сумки Джейсона в угол.

Когда мужчина справа встал, Джейсон узнал его – полковника Франклина Блока. Своим ястребиным носом, серыми, как сталь, волосами и холодным отстраненным взглядом Блок производил неизгладимое впечатление. Именно он связался с Джейсоном по Скайпу, сообщив ему, что финансирование проекта пересматривается и, вероятно, будет прекращено, если он не бросит все и не доберется до Антарктиды на следующем самолёте. Или пятью самолётами, как выяснилось позже.

Другой мужчина был азиатского происхождения, китаец, предположил Джейс по высоким скулам, и носил толстые очки в чёрной пластиковой оправе. Бритая голова не давала возможности угадать возраст, но он выглядел как человек, повидавший много всякого за эти годы. Он также участвовал в том видеозвонке, однако не проронил ни слова, просто изучал Джейса через видеосвязь, как акула, выбирающая себе следующую жертву на закуску.

— Приятно встретиться с вами лично, доктор Косгроув. — С натянутой улыбкой Блок обошел стол и протянул руку.

Джейсон взял его за руку и обеспокоился тем, что рука Блока была мягкой и влажной, словно он сдавил гриб. Ему пришлось сделать сознательное усилие, чтобы не вытереть ладонь о штаны.

— Я прибыл. Что с моим финансированием?

— Садись, Джейс! — весело сказал Милош. — Я принесу вам кофе?

Джейс оглянулся, заколебался, затем кивнул. Кофеин ему бы не помешал.

— Спасибо. Чёрный, пожалуйста.

Милош взглянул на двух других.

— Для вас тоже?

Оба покачали головами. Милош направился к кофе-машине Keurig, стоявшей на столе у стены, и начал нажимать кнопки и возиться с капсулами для кофеварки и кружками.

Блок сказал:

— Это Артемис Ву, председатель комитета по исследовательским грантам вооруженных сил.

— Но я думал, что все улажено, — сказал Джейсон, глядя на Ву. — Мой проект был одобрен и профинансирован полгода назад. Зачем заставлять меня бросать все и лететь сюда?

— По двум причинам. — сказал Ву, — Во-первых, мне нужны услуги лучшего в мире металлурга. Во-вторых, время — это фактор. Погода вот-вот изменится, и ты был нужен мне раньше, чем это случится.

Джейсон фыркнул.

— Если вам нужен лучший металлург в мире, вы выбрали не того парня. Вам нужен Ник Армстронг ...

— Доктор Армстронг умер пять дней назад. — прервал его Блок.

Джейсон уставился на него.

— Это невозможно! Ему едва исполнилось 40 ...

— Самоубийство. — сказал Ву, изучая свои ногти. — Антарктика... с ним не согласилась.

— Не верю! — ноги Джейсона подкосились. Он знал Ника почти два десятилетия. Они пошли в Массачусетский технологический университет, вместе, вместе ходили на занятия, вместе веселились, работали вместе на протяжении многих лет. Конечно, Ник любил выпить… иногда даже чересчур. Но самоубийство? Это казалось невозможным.

Сглотнув, он опустился на стул. Ник… мертв. Они общались всего несколько месяцев назад.

Затем он понял, что сказал Ву. Антарктика с ним не согласилась.

— Ник был здесь? — спросил Джейс, глядя вверх.

— Да. Вы должны закончить его работу.

Блок вернулся к своему стулу, взял лист бумаги из большой папки и протянул его через стол, вместе с серебряной ручкой...

— Подпишите внизу, — сказал он, — и мы продолжим.

— Чёрный кофе, — сказал Милош. Он поставил перед Джейсоном кружку, на которой огромными красными буквами было написано "ЛУЧШИЙ ПАПА В МИРЕ", затем ушёл, закрыв дверь.

Медленно Джейсон взял лист бумаги. Это было соглашение о неразглашении. Он подписывал пару из них в прошлом, когда проводил корпоративные исследования, но это показалось ему исключительно драконовским методом. Вопросы национальной безопасности… тюрьма и многомиллионный штраф, если он хотя бы ляпнет кому-нибудь название проекта… Безумие какое-то!

Он отодвинул лист в сторону.

— Я не буду это подписывать!

— Решать, конечно, вам, — сказал Блок, — но я настоятельно рекомендую.

— Или вы урежете мне финансирование?

Блок покачал головой и улыбнулся.

— Я сказал это только для того, чтобы вы точно прибыли сюда.

Он виновато развел руками.

– Разработка пояса астероидов –- хорошая идея. Это необходимо для процветания нашей космической программы. Но вы все ещё на ранних этапах планирования, и ваши коллеги будут работать над проектом до вашего возвращения. Если хотите, вы можете разговаривать с ними каждый день по защищенной спутниковой связи. У нас есть гораздо более крупный проект, имеющий непосредственное глобальное значение, и сейчас нам нужна ваша помощь. Я уверен, что после того, как вы получите подробную информацию, вы согласитесь с тем, что она имеет явный приоритет над всем остальным. Включая изучение астероидов. Я это гарантирую.

Джейсон фыркнул. «Должна быть ещё дюжина других людей, которые справились бы с этим не хуже».

Артемис Ву заговорил впервые: «Никакой ложной скромности, доктор. Я работаю только с лучшими. А вы один из них».

«Забудьте об этом, - сказал Джейсон. Он отодвинул стул и встал. — А теперь извините, мне нужно успеть на самолёт».

— Ах, да... насчет самолёта. — сказал Блок. — Боюсь, у меня плохие новости. Тот, который доставил вас сюда, уже загружен для вылета. Мы, конечно же, предоставим вам следующее доступное место. К сожалению, как вы знаете, с этой базы нет коммерческих рейсов, и пассажиры улетают, если позволяет пространство. В этом сезоне запланирован только один рейс, и я слышал, что он так же полностью забронирован. Место для вас может открыться весной… самое позднее к осени. Но посмотрим на светлую сторону. Насколько я понимаю, здесь вы получите медаль и справку от станции на зимовку. И, возможно, футболку.

— Или вы можете присоединиться к моей команде, получить хорошую оплату за ваше время и оказать услугу своей стране. — сказал Ву. — Жизненно важная услуга.

Джейсон пристально посмотрел на него.

— Это шантаж?

Ву улыбнулся своей акульей улыбкой.

— Нет, доктор. Предложение работы. И в качестве жеста доброй воли я даю слово, что продолжу оказывать поддержку вашему проекту по добыче астероидов, когда вы вернётесь к нему. Я окажусь ценным союзником.

Союзник. Не друг. Были ли у Ву друзья?

— Можете ли вы рассказать мне что-нибудь о работе Ника? — спросил Джейсон. — Чем он занимался?

— Это засекречено. — сказал Блок.

— Не могу поверить, что они так поступают! — подумал Джейсон. Казалось, что его живот вот-вот вывернет наизнанку. Не могу поверить, что они собираются бросить меня здесь, хочу я работать на них или нет.

Ву наклонился вперед и поставил на стол что-то размером с грецкий орех. Оно было сделано из серебристого металла. Одна сторона пузырилась и расплавлена; оно подвергалось воздействию очень высоких температур.

— Как вы думаете, что это такое? — Спросил Ву.

Джейсон протянул руку и прикоснулся к объекту кончиками пальцев. Холодный и твердый, он имел почти жирную текстуру. Он поднял его – и ахнул. Он был как перышко, намного легче алюминия или любого другого металла, о котором он знал.

— Где вы это взяли? — потребовал ответа учёный. Он встретил холодный и решительный взгляд Ву.

— Что это?

— Сначала вы должны подписать соглашение о неразглашении. — сказал Блок. Он снова подвинул лист вперед.

Джейсон глубоко вздохнул. Во что он ввязывается? Над чем работал Ник? Что это был за металл и откуда он взялся?

Мгновение он смотрел на листок, затем взял ее и прочитал второй раз, медленно и внимательно. Условия не улучшились. Но, как сказал генерал, там была оговорена компенсация… двадцать тысяч в месяц, за время его участия в проекте. Гарантировалось шесть месяцев работы плюс возможность продления работы ещё на шесть месяцев по взаимному согласию. Это означало остаться здесь на зиму. Но если Ву все равно хотел оставить его здесь ...

Джейсон лениво потёр большим пальцем кусок странного, серебристого, легкого, как воздух, металла. Металл не похож ни на что из того, что он когда-либо видел или о чём слышал раньше. Ник, должно быть, над этим работал.

Это открытие всей жизни. Возможные варианты использования в самолётах или в космических кораблях, даже в его собственном проекте по добыче астероидов представали перед ним.

Если бы его можно было пустить в массовое производство, это изменило бы мир.

Он закусил губу. Он должен был стать частью этого исследования.

Джейсон подписал документ.

ГЛАВА 3

На пути к инженерному корпусу армии

База специальных операций, Антарктида

Во время двухчасового перелета на вертолете от Южнополярной станции Амундсен-Скотт до военной базы Джейсон почти не заметил присутствия Ву и Блока. Генерал сидел впереди, рядом с пилотом, а Блок – рядом с Джейсоном, и быстро печатал на маленьком портативном компьютере.

— Отчеты. — сказал ему полковник в наушниках тихим и далеким голосом.

Джейсон едва кивнул. Он уже рылся в сумке, набитой бумагами Ника: каракулями в блокноте, полевыми отчетами, результатами тестов – пытаясь понять смысл работы.

Всё, что можно было сказать, это то, что Ник почти не продвинулся. Ясно, что Антарктика его достала. Дневник почти весь был забит лишь жалобами на мигрени и ночные кошмары,

а не документированием испытаний металлических фрагментов. В журнале была изображена фотография человека, медленно сходящего с ума в изоляции. Хуже того, на базе никто не распознал знаки опасности, пока Ник не повесился.

А металл ... Он не поддавался анализу на многих уровнях, по крайней мере, с помощью инструментов, имеющихся на военной базе. Ник знал больше о том, чем это не было, чем о том, что это такое.

Не радиоактивное. Непроводящее. Кислоты не действовали.

Наиболее интересные результаты были получены, когда учёный использовал небольшой литейный завод, чтобы обнаружить термические свойства металла. Он плавился при температуре 1180 градусов: эта температура плавления примерно на 300 градусов больше, чем у цинка, но на 40 градусов меньше, чем у алюминия. С учетом этих свойств он не должен был быть тверже стали.

Затем, вопреки всей логике, обломок взорвался при температуре 1640 градусов.

Джейсон вытащил ручку и сделал несколько заметок на полях дневника Ника, перепроверив все расчеты. Выходная энергия, казалось, нарушала закон Гесса, регулирующий суммирование постоянного тепла. Или Ник совершил серию грубых ошибок и просчетов, а это не было похоже на Ника.

Косгроув откинулся назад, глядя на документы, и пытаясь осознать последствия. Может ли закон Гесса быть ошибочным?

Он подпрыгнул, когда голос полковника Блока прервал его мысли:

— Доктор Армстронг выглядел точно так же, когда впервые попытался проанализировать металл.

— Где-то должна быть ошибка. — сказал Джейсон, поворачиваясь к нему взглядом. — Расчёты неверны.

— Или мы не понимаем, как на самом деле устроена Вселенная.

Блок откашлялся и продолжил рассказ об объекте, найденном в ледовом пласте.

— Мы подозреваем, что это космический корабль возрастом 19 миллионов лет. — категорично заявил он.

— Космический корабль? — Ник начал смеяться, но Блок, похоже, не шутил.

— Это второй найденный нами объект. — сказал полковник.

— Да нихрена.

— Слово скаута! — Он поднял три пальца. — Исследовательская станция обнаружила первый в 1938 году. Они случайно взорвали его, когда пытались растопить лёд термитом.

— Это была чудовищная глупость. Термит горит более чем 4 000 градусов.

Блок кивнул.

— Это были другие времена. Они не были подготовлены так, как мы.

— Как так получилось, что об этом так никто ни не узнал?

— Трудно что-то доказать, когда вы взорвали улики.

— Верно. Расскажите мне о металле.

— У нас есть команда из инженерного корпуса армии, которая проложила туннель к космическому кораблю. Они проезжали через поле обломков - в основном это камни и грязь, выброшенные на поверхность в результате аварии. Но они нашли несколько кусков этого сверхлёгкого металла.

Джейсон пролистал страницы журнала.

— Ник уничтожил ... посмотрим ... два фрагмента во время испытаний, когда они загорелись в его лаборатории. Сколько ещё там?

— Ещё четыре.

Глухой голос генерала Ву, прервал их разговор, раздавшись в наушниках. — Новости с базы. Туннель вошел в более крупное поле обломков. — Он повернулся на переднем сиденье и встретился с Джейсоном впервые с тех пор, как они покинули станцию Амундсен-Скотт. — Они сделали несколько новых открытий, которые вас заинтересуют. Джейсон наклонился вперед и спросил.

— Они нашли ещё этого металла?

— Да, гораздо более крупные куски.

— Отлично.

Им нужны были достойные образцы для изучения.

— Вам нужно доставить один в лабораторию со сканирующим электронным микроскопом, а мне нужен рентгенофлуоресцентный спектрометр.

— Да. Я полагаю, доктор Армстронг заказал один из тех рентгеновских аппаратов незадолго до своей смерти. Он ещё не прибыл.

— Поторопитесь с этим. Мне необходим элементарный анализ металла. Учитывая свойства, он может даже содержать неизвестное вещество с отрицательной массой… или что-то ещё большее.

Джейсон пролистал журнал в поисках записи, которую читал полчаса назад. «Ник думал, что на молекулярном уровне с этим соединением может быть что-то неладное. Какая-то принудительная связь, которой не должно быть – а точнее не может быть – в природе».

Он поднял глаза.

— Это важно. Если мы сможем воспроизвести этот металл, он изменит в мире всё, от тостеров до самолётов. Вы должны немедленно отправить его на анализ.

Раздался резкий щелчок по аудиоканалу, и генерал снова посмотрел вперед. Джейсон видел, как он разговаривает, но ничего не слышал из-за грохота роторов вертолёта.

Однако Блок услышал его и покачал головой.

— Никак нет. Генерал не хочет, чтобы мир узнал об этом. Узнайте, что вы можете сделать на месте.

— В записях снова и снова жалобы о том, что с оборудованием на базе невозможно работать.

— Как я сказал доктору Армстронгу, составьте список. Я достану все, что вам нужно, если это вообще возможно.

Вздохнув, Джейсон посмотрел на лежавшие у него на коленях бумаги. Нет смысла спорить; Блок и Ву явно намеревались пока оставить находку при себе. Он обследовал лабораторию

и составил список всего, что могло оказаться полезным. Кто знает, возможно, армия окажется полезной.

Неважно, что ему на самом деле нужна была современная исследовательская лаборатория, как в Корнелле или Калифорнийском технологическом институте. Что он мог сделать на базе, чего Ник ещё не сделал? Джейсон закусил губу и посмотрел в окно на белую землю, бесконечно стелящуюся внизу. Вертолет отбрасывал справа от них длинную тень – единственное, за что мог зацепиться глаз в этом невероятно мрачном пейзаже.

Постепенно он начал задумываться о том, что сказал ему Блок. Может быть, это металл с космического корабля? Подобное казалось невероятным. Невозможным.

И все же, когда Джейс коснулся пузырящегося, наполовину расплавленного куска металла, никакое другое объяснение, казалось, не подходило.

* * * *

Час спустя вертолет начал снижаться над тем, что Блок назвал «основной базой». Джейсону хватило нескольких секунд взглянуть на три длинных невысоких здания, образующих треугольник, прежде чем вертолет приземлился на покрытую снегом посадочную площадку между ними. Солнце красно-золотым краем, уже уходившим за горизонт, исчезло за стальными пятнадцатифутовыми стенами, хотя его сияние заливало яркими цветами гигантскую спутниковую тарелку на крыше одного из зданий.

Блок коснулся его руки и указал на что-то, похожее на воздушный шлюз, в одном здании.

— Наденьте шапку и перчатки, – сказал он. Этот голос перекрывал потрескивания по радио. — Тут недалеко, но уже значительно ниже нуля. У нас было несколько случаев обморожения. Возьмите бумаги, оставьте своё снаряжение. Я принесу его к вам в штаб.

Джейсон кивнул, снял гарнитуру и надел очки, лыжную маску, утепленные перчатки и тяжелую куртку, которые Милош Паппас дал ему ещё на станции Амундсен-Скотт. На станции был хороший запас теплового оборудования, оставленного бывшими исследователями. Это, плюс ещё три закрытых упаковки термобелья, утеплённые леггинсы и несколько поношенных, но чистых свитеров, теперь дополняли одежду для холодной погоды, которую он взял из дома.

Генерал Ву уже выбрался из вертолета и быстрым шагом направился к зданию. Блок спустился, подал Джейсону руку и направился к двери.

Они вошли в комнату размером, примерно, с лифт. Здесь Блок снял лыжную маску, и Джейсон сделал то же самое. Затем они прошли через вторую дверь в комнату, уставленную скамьями. Горячий воздух хлынул из вентиляционных отверстий в стене. Это было похоже на раскаленную печь после лютого холода на улице. Глаза Джейсона наполнились слезами, он моргнул и потер их. Парки, лыжные маски, ботинки и другое снаряжение вешали на крючки или складывали на высоких полках.

Затем в нос ударила вонь. Кислая смесь человеческого пота, старой еды, запаха тела и других запахов, которые Джейсон не мог определить.

— Боже! — выдохнул он, прикрыв нос лыжной маской. Он сделал шаг назад. — Что это, чёрт возьми ...

— Через день или два вы даже не заметите. — категорично сказал Блок. — Живя в тесноте, в замкнутом пространстве, вы мало что можете сделать с запахом. Поверьте, на подводных лодках дела обстоят гораздо хуже. По крайней мере, мы здесь немного подышим свежим воздухом.

Он закончил развешивать свое снаряжение и подождал, пока Джейсон сделает то же самое. Затем они пошли через коридор, ширина которого едва позволяла пройти двум людям. Люминесцентные лампы светились над головой, открывая бледно-серые стены и пол. Окна отсутствовали.

— У вас здесь мрачноватое местечко. — заметил Джейсон. — Неудивительно, что Ник покончил с собой.

— Оно построено из соображений практичности и выживания. — сказал Блок. — В этом здании находится ваша лаборатория, а также наши офисы, комната связи, комната отдыха и столовая. — Он кивнул налево. — Спальные места в соседнем доме: да, всё подключено. Вам не нужно выходить на улицу. Не то чтобы хотелось в такую погоду.

«Во что я ввязался? – подумал Джейсон, – я, должно быть, сошел с ума, раз согласился на это».

Блок остановился перед стальной дверью. Кто-то написал на стене рядом чёрным маркером «ЛАБОРАТОРИЯ». Он открыл её, слегка толкнув, потянулся внутрь, чтобы нажать на переключатель, и флуоресцентные лампы начали мигать.

— Добро пожаловать в вашу новую лабораторию. — сказал полковник.

Джейсон вошел. Это была крошечная комнатка, может быть, восемь квадратных футов, заставленная парой рабочих столов, потрепанным старым ноутбуком и грудой оборудования, которое выглядело так, как будто его притащили со свалки.

— Вы, должно быть, шутите! — сказал Джейсон.

ГЛАВА 4

Армейский инженерный корпус

База специальных операций, Антарктида

Генерал Ву снял лыжную маску, войдя в устье ледяного туннеля. Он находился внутри третьего из трех сборных армейских зданий. Когда Ву огляделся, его дыхание резко поднялось в воздух. Обогреватели поддерживали в туннеле и в здании позади него устойчивую температуру – двадцать восемь градусов. Третье здание существовало исключительно для обеспечения защищенного доступа рабочих, входящих и выходящих из туннеля. Воздушный шлюз, размером с грузовой контейнер, на внешней стене здания также обеспечивал доступ к ледяному полю в ста ярдах от лагеря, где мини бульдозеры сбрасывали мусор из выработки туннеля.

Капрал Менендес ждала генерала возле одной из их тележек для гольфа. Она выпрямилась и отдала честь, заметив его ...

Он отдал честь в ответ.

— Статус?

— Сэр, мы нашли ещё три куска металла. Я перевезла их в лабораторию. Есть ещё два, их можно откопать. На одной из найденных частей есть следы механической работы. Это может быть часть шлюза. И… — она заколебалась.

Офицер сел на пассажирское сиденье. Тележка качнулась, затем остановилась.

— Выкладывай. — сказал Ву. — Что ты не могла сказать мне по радио?

— Мы нашли кое-что ещё.

— Чёрт возьми, что нашли-то? У меня нет времени на ерунду, капрал!

— Нечто ... живое. Я полагаю, вы бы сказали, замёрзшее во льду. Это ... это ... — Она вздрогнула и отвернулась. — Его видно не слишком отчетливо, но то, что можно разглядеть... извините, сэр. Это похоже на кошмар.

Ву почувствовал приступ паники, когда вспомнил отчёт, который он читал в Пентагоне. Вспомнил, как в 1938 году исследователи нашли замороженное во льду инопланетное существо, разморозили его, и оно ожило. Девятнадцать миллионов лет пролежало во льду и… и оно ожило!

Он никогда не думал, что здесь найдут одну из этих инопланетных тварей. Ву почувствовал, как его челюсти сжались. Тварь должна быть изолирована. Её придется уничтожить. Без вариантов.

Он сказал:

— Вы ведь не выкопали это существо, не так ли? — Каким-то образом он сохранил голос.

— Нет, сэр.

— Хорошо. — Он указал на туннель. — Веди. Я хочу это увидеть.

Менендес прибавила скорость, и, когда тележка для гольфа с гудением спустилась по склону в туннель, лед сомкнулся со всех сторон. Он слабо поблёскивал. Впереди через каждые тридцать ярдов тьму пробивали лучи от дуговых ламп.

— Эта тварь во льду блокирует путь в туннеле? — спросил он.

— Частично, сэр. Но мы можем это обойти. И, если вы не возражаете, может, я смогу накрыть его брезентом. Она быстро добавила — Большинство людей это нервирует.

— Я приму к сведению. — Он закусил губу. Наверное, хорошая идея. Чем меньше людей увидит эту тварь, тем лучше. Меньше, чтобы позже отрицать, если потребуется.

Когда они повернули на первом повороте, Ву понял, что всё ещё не видел рабочих. И на участке туннеля впереди он никого не увидел. Ещё больше дуговых ламп и оранжевых электрических обогревателей.

— Где все? — спросил он.

— На месте открытия, сэр. Все хотели это увидеть.

Он кивнул. Понятно. Команда работала в течение двух месяцев без каких-либо реальных открытий, кроме нескольких небольших кусочков инопланетного металла, чтобы нарушить рутину. Конечно, они все хотели бы посмотреть на замороженного инопланетного монстра. На их месте он сделал бы то же самое.

Капрал Менендес повернула на втором повороте, и Ву заметил около пятнадцати человек в конце туннеля. Все работы прекратились, но и праздничной атмосферы в толпе не было. Во всяком случае, атмосфера показалась ему чересчур тихой, подавленной… почти похоронной. Все, что угодно, кроме счастья.

Инженеры перекликались и обратили внимание, когда Менендес остановила тележку для гольфа. Ву вышел из машины, и толпа молча разошлась, расчищая путь к грубо высеченной вертикальной ледяной стене в конце туннеля. Там, на участке размером примерно в ярд,

было вырезано квадратное отверстие глубиной в дюйм. На секунду это напомнило ему рамку для картины. И в ней запечатлено…что? Он прищурился. Все дуговые огни были отклонены в сторону; он ничего не мог видеть, кроме тусклого очертания призрачной громадины, погребенного примерно в восьми или десяти дюймах внутри.

Нахмурившись, он окинул взглядом всю команду. Никто не встретил его взгляда. Разве они не хотели взглянуть на свое открытие? Даже эти два гражданских геолога выглядели бледными и встревоженными.

— Фонарик. — сказал он, протягивая руку. Неужели все было так плохо?

Когда кто-то вручил ему тяжелый стальной фонарик, генерал щелкнул им и прижал линзу к молочному льду, направляя луч сначала вверх, затем вниз, а затем поперек. Определенно что-то различалось. Неужели это… голова? Он прищурился, сдвигая луч на несколько дюймов вверх. Возможно, голова, но её накрыло что-то вроде массы червей. Затем его свет засиял красным, и мужчина сфокусировался на том, что могло быть глазом. Казалось, существо смотрит прямо на него.

Живот Ву скрутило, и он чуть не уронил фонарик. Генерал сделал шаг назад, оглядел своих людей. Теперь он понял. Они тоже это почувствовали. Непреодолимое, интуитивное желание уничтожить это существо. Уничтожить, сжечь, растереть его в пыль. Это была примитивная, интуитивная реакция, абсолютная потребность увидеть его мёртвым и испустившим дух.

По коже пробежали мурашки, генерал выключил фонарик и заставил себя неторопливым шагом вернуться к тележке для гольфа. Насчет этого сомнений нет. Это должно быть то самое Нечто, похожее на то, что было описано в отчёте 1938 года.

И его нужно было уничтожить.

— Я хочу, чтобы эту тварь никто не трогал, — сказал он Менендес, но при этом убедился, что его голос доносится до всех присутствующих мужчин и женщин. — Мы прорубим туннель влево и обойдём его. Никто не должен касаться этой стены или копать на дюйм глубже. Я хочу, чтобы тут круглосуточно дежурила охрана. Этот … этот морской лев или что-то ещё… оно должно оставаться на месте до дальнейших приказаний.

— Генерал? — сказал белокурый геолог. Как его звали? Гарвин? — Мы говорили о том, чтобы вырезать его. Это не морской лев. С такой находкой, разве мы не ...

— Нет!

Это прозвучало слишком резко, слишком панически. Ву прочистил горло и добавил нормальным тоном:

— Ему несколько миллионов лет. Он может быть переносчиком бактерий или вирусов, которые могут оказаться опасными для современной жизни. Я найду команду по работе с опасными веществами, чтобы разобраться с этим. При необходимости, с применением огнеметов. Нет смысла рисковать.

Он оглянулся на Менендес и людей.

— Думаю, на сегодня нам всем хватит. Давайте закончим пораньше и вернемся на базу. Я объявляю выходной. Думаю, у нас ещё есть бочонок пива на складе. Давайте повеселимся.

Как и ожидалось, рабочие приветствовали. Несмотря на это, они казались странно подавленными.

Генерал запрыгнул в гольф-кар. Менендес отдала приказ, выбрала несчастного солдата для караульной службы, поручила другому накрыть тварь брезентом, а затем снова забралась в тележку. После чего она молча выехала на поверхность.

ГЛАВА 5

Рядовой первого класса Гектор Доббс шлепал по ледяному полу носком своего правого ботинка, пока все остальные начали долгий путь к своей базе. Прямо как та сука Менендес, которая выбрала его для караульной службы. Он пропустит большую часть веселья. По крайней мере, она назначила ему только четырехчасовую смену.

Он вытащил старый потрепанный MP3-плеер из нагрудного кармана, засунул наушники в уши и нажал кнопку воспроизведения. Возможно, он не такой модный, как iPod или iPhone, но зато он уже почти два дня работал без подзарядки. А здесь это очень важно.

Когда "Металлика" ударила по ушам, он показал Менендес средний палец, хотя она, вероятно, уже достигла поверхности, поиграл несколько секунд на воздушной гитаре, затем забрался в минибульдозер и ёрзал, пока не нашел удобное положение на изношенном пластиковом сиденье. Лучше, чем стоять или сидеть на льду. Как будто это Нечто куда-то денется… или как будто кто-то захочет его откопать.

Так холодно...

Эти двое штатских, мастеривших стены, хотели его выкопать. У них начался движ в штанах, когда появился этот большой кусок металла, буквально кричащий об инопланетянах и НЛО. Да, конечно. Грёбаные инопланетяне. Это скорее всего какой-то тюлень или морж.

Он зевнул. Хотя два комплекта термобелья обычно позволяли ему чувствовать себя довольно комфортно, сегодня здесь было холоднее, чем обычно. Он взглянул на туннель, на блики фонарей, освещавших путь к поверхности. Ничего не происходило.

Так холодно...

Его взгляд упал на ближайший из полдюжины промышленных обогревателей. Их нагревательные элементы светились слабым красновато-оранжевым светом. Нужно было ещё несколько таких малышек.

Когда Кирк Хэмметт начал играть свой рифф из песни «The Day That Never Comes», Доббс начал засыпать. Металлика затихла. Туннель расплылся. Он закрыл глаза.

Так холодно...

Он почти не заметил, как вытащил наушники и бросил их на сиденье, вылез из бульдозера и подошел к ближайшему из мягко жужжащих нагревательных элементов. Без всякой задней мысли, он схватился за ручки, наклонил их назад и повернул к концу туннеля. Ярко-желтый шнур питания обогревателя со слабым жужжанием размотался позади него.

Отодвинув брезент, он направил обогреватель на Нечто во льду, повернул ручку обогрева в положение «Максимум», а затем вернулся в мини-бульдозер. Откинувшись на спинку сиденья, он закрыл глаза и снова погрузился в сон, убаюкиваемый звуком капающей воды и слабым треском таящего льда.